

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

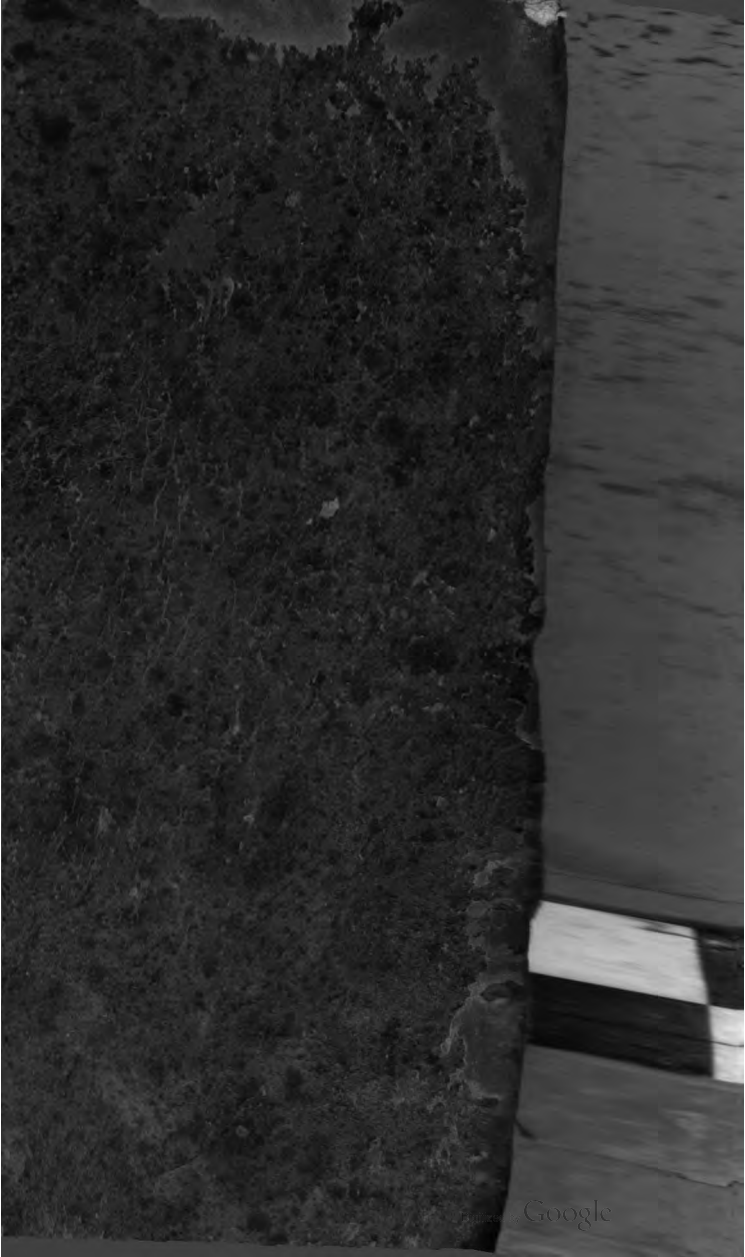
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

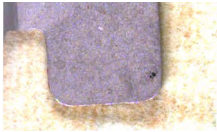
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

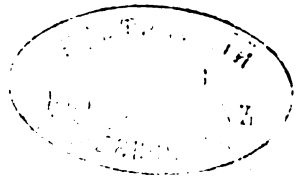

Digitized by Google

- 302 W 3483

Not in
L C
3/20/35
B

Slav. Reserve
Pochta

Umschreibung des

ПОЧТА
ДУХОВЪ,

или

Ученая, Нравственная и Криптическая переписка Арабскаго Философа *Маликулъмулка* съ водяными, воздушными и подземными духами.

ЧАСТЬ I.

Съ дозволенія С. П. Б. Ценсуры.

Въ Санктпешербургѣ,
печатано въ Императорской Типографіи,
1802 года.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
763573 A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Секретарь не давно приѣхавшаго сюда Арабскаго волшебника Маликульмулька, имѣющаго великое отвращеніе къ бѣшенымъ домамъ, и расположившагося нѣсколько времени прожить здѣсь инкогнишо, симъ объявляетъ, что онъ налетаталъ перелиску сего знатнаго въ своемъ родѣ Господина, съ водяными, воздушными и подземными духами. Книга сія очень любопытна для тѣхъ, кои не путешествовали подъ водою, подъ землею и по воздуху. Онъ увѣряетъ, что сочинители сихъ писемъ всѣ духи очень знающіе, и что самъ Маликульмулькъ теловѣкъ пресамолубивой, которой всегда говоритъ хорошо только о себѣ, отзывается иногда объ нихъ не худо

Aslan JAN 18 1935

и сказываютъ, будто многіе изъ нихъ
 очень добрые души; но только иные
 не любятъ крюткотворцевъ, ростовщи-
 ковъ и лицебровъ; а иные не жалуютъ
 щегольства, волокитства и мотов-
 ства; и отъ того де они никакъ не
 могутъ и ужиться въ нынѣшнемъ про-
 свѣщенномъ свѣтѣ видимыми: потому
 ходятъ въ немъ невидимыми, и бы-
 ваютъ иногда такъ дерзски, что въ
 самыя крипическіе тасы лосѣщаютъ
 комнаты щеголихъ, присутствуютъ
 въ кабинетахъ вельможъ, снимаютъ
 очень безбожно маски съ лицембровъ,
 и выкрадываютъ иногда очень на-
 хально и противъ всѣхъ правъ обще-
 житія изъ записныхъ книжекъ любов-
 ныя письма, тайныя записки, стихи
 и проч. — Чемъ-де многія дѣлаютъ
 безлокойства въ любовныхъ интри-
 гахъ и плутовствахъ; а потому нѣтъ

люсти ни одной новолриѣзжей на тотъ свѣтъ тѣни, которая бы не подавала на нихъ телобитной Плушону, или бы терезъ него не пересылала ихъ къ Непшуну, не могущимъ однакожь со всею своею властію унять сихъ шалуновъ. И такъ, Г. Маликульмулькъ бранитъ только сей ихъ поступокъ; однакожь признается, что онъ симъ похищеніямъ и входамъ безъ доклада обязанъ многими весьма люболытными лисьмами, которыя отъ нихъ полускаетъ, и дѣлаетъ благосклонность протитывать безъ остатку.

Вотъ то объявляетъ Секретарь утенаго, премудраго и богатаго Маликульмулька, и прибавляетъ къ тому, что какъ онъ налетаталъ сии лисьма въ долгъ, (ибо де мѣсто Секретаря у утенаго теловѣка очень

безприбыльно) то проситъ поттенную
Публику, то бы желающие имѣть и
читать оныя, благоволили присылать
деньги за всѣ четыре части 5 руб. въ
лалкѣ, въ Санктпетербургѣ въ книж-
ную лавку Свѣшникова, лодѣ No. 3
у Католической церкви.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧАСТИ I.

	Стран.
<i>Извѣстіе о сей книгѣ</i> - - - - -	I
ВСТУПЛЕНІЕ. - - - - -	I
<i>Письма къ волшебнику Маликульмульку</i>	
ПИСЬМО I. Опъ Гнома Зора, о перемѣнѣ произшедшей въ адѣ. - - -	21
— — II. Опъ Сильфа Дальновида, о крайности жизни человѣ- ческой, о ненасытномъ ихъ желаніи. - - - - -	29
— — III. Опъ Гнома Бурисдона, о бо- лѣзни адскихъ судей и о пе- ремѣнахъ Наушенова двора. - - -	43
— — IV. Опъ Сильфа Дальновида, о своиствахъ Мизантроповъ. - - -	53
— — V. Опъ Аешароша, о участи бѣд- наго Снихотворца. - - - - -	68
— — VI. Опъ Гнома Зора, о вступле- ніи его въ свѣтъ и въ боль- шой городъ. Замѣчанія о судьяхъ, игрокахъ и о свой- ствахъ цыголики. - - - - -	76
— — VII. Опъ Сильфа Дальновида, о разговорѣ молодой золопо- швейки съ шорговкою мод- ныхъ уборовъ. - - - - -	89

- ИКСЬМО VIII.** Опъ Сильфа Свѣшовада, о
свойствахъ опличающихъ
человѣка опъ прочихъ шво-
реній. Сужденіе о наукѣ
дворянина живущаго въ де-
ревнѣ и поверженнаго въ
роскошь и нѣгу богача. - 101
- — — **IX.** Опъ Гнома Зора, о успѣхѣ
покупокъ модныхъ нарядовъ.
О знакомствѣ его съ Г. *При-
прыжкинымъ*, и о участи
ученыхъ. - - - - III
- — — **X.** Опъ Сильфа Свѣшовада, о уди-
вишельномъ сходствѣ чув-
ствъ, склонностей и по-
супокъ Пешиметра и
обезьяны. - - - - 135
- — — **XI.** Опъ Гнома Зора, о именин-
номъ шполѣ у купца *Плу-
тарѣза*. Предложенія, о
вступленіи въ службу сыну
Плутарѣзову. Миѣніе при-
дворнаго о блескѣ, досто-
инствахъ и о службѣ при-
дворныхъ. - - - - 141
- — — **XII.** Опъ Гнома Буриспона, о
вступленіи его въ судили-
ще островскихъ жиселей
для избранія судьей. - - 163

ВСТУПЛЕНІЕ.

Спужа, дождь и вѣсперъ, соединясь, самый лучший день изо всей осени дѣлали самымъ несноснымъ для пѣшеходцевъ, и скучнымъ для развѣзжающихъ въ великолѣпныхъ экипажахъ. Грязь покрывала всѣ мостовыя; но грязь, кошорая своимъ цвѣшомъ не такъ, какъ Парижская догадливимъ Французамъ, не приносила новой дани намъ отъ Европы; а дѣлала шолько муку щеголямъ, у кошорыхъ, какъ будто въ насмѣшку Парижскимъ и Лондонскимъ модамъ, вѣсперъ выривалъ изъ рукъ *ларасоли*, поршилъ причоску головъ, и давалъ волю дождю мочить ихъ кафшаны и модныя пуговицы. Всѣ шоропились добратъся до домовъ, и многіе бранили себя, что понадѣясь на Календарь, вышли въ хорошихъ нарядахъ.

Въ такое-то прекрасное время возвращался я отъ Его Превосходи-

Часть I.

1

шельства Господина *Пустолоба*, къ которому осьмой мѣсяцъ хожу по одному моему дѣлу, и которой мнѣ во сто пннадцатой разѣ очень учтиво сказалъ, чтобѣ я пожаловалъ къ нему завтра. Лестное приказаніе изъ устѣ Вельможи, естли оно говоритсѣ во сто пннадцатой разѣ! Что до меня, шо я возвращаясь отъ него, бранилъ сквозь зубы его, всѣ дѣла на свѣшѣ, самаго себя, и проклятое *завтра*, для котораго всякой день я долженъ былъ переходить пѣшкомъ добрую Испанскую милю.

Ненасъе умножалось, я былъ бѣденъ, а потому имѣлъ мало знакомыхъ и перепушій; но къ счастью увидѣлъ старой развалившійся деревянной домъ, въ которомъ (почипая его пусшымъ) не думалъ никого обезпокоить своимъ посѣщеніемъ: и по-долго это были пустыя хоромы, гдѣ я нашелъ убѣжище отъ дождя; но не нашелъ его отъ безпокойныхъ моихъ мыслей.

Какъ! говорилъ я самъ въ себѣ, есть такіе люди, которые имѣють богатой доходъ, великолѣпной домъ, роскошной столъ, за то только, что всякой день нѣсколькимъ моимъ братьямъ бѣднякамъ учтиво говорятъ: *придите завтра*, думая имъ этимъ дѣлать великое одолженіе. О! что до меня, но я клянусь, что въ послѣднее имѣлъ честь быть въ прихожей Его Превосходительства. Пусть легковѣрные просители изъ всѣхъ улицъ сходяшся, или сбѣзжаются, на дрожкахъ, въ каретахъ, пѣшкомъ и на костыляхъ, слушать его учтивые *пожалуйте завтра*; а я скорѣе соглашусь умереть съ голоду въ своемъ шалашѣ, нежели замерзнуть въ его прихожей. Лучше имѣть дѣло съ чертями или съ колдунами, нежели съ безполковыми. . . . Конечно, сказалъ мнѣ нѣкто, если ты общаешься мнѣ усердно служишь, то увидишь, что колдуны и черти не столь вѣроломны, какъ о нихъ думаютъ, и что,

но крайней мѣрѣ, ни отъ кошораго изъ нихъ ты не услышишь по одному дѣлу что пятнадцать разъ *завтра*.

Я оборотился назадъ, чшобъ увидѣть, отъ кого былъ сей голосъ; но въ какой пришелъ ужасъ, увидя шарика съ сѣдою бородою, большаго роста, въ нѣкоторомъ родѣ шапки конической фигуры; въ плашь усѣянномъ звѣздами; въ поясѣ, на кошоромъ изображены были двѣнадцать знаковъ Зодіака; въ рукахъ онъ имѣлъ прость, кошорая была очень хорошо свиса, по подобію нашихъ модныхъ соломенныхъ преспочекъ, изъ трехъ вѣтвей: изъ черной, красной и зеленой; на шеѣ, какъ щеголевашая красавица, имѣлъ онъ повѣшенной нѣсколько заржавѣлой желѣзной медальонъ на цѣпочкѣ того же металла, кошорой однакожъ цѣнилъ онъ дороже всѣхъ Европейскихъ медальоновъ вмѣстѣ. По всему эшому наряду не прудно было мнѣ догадаться, что эшо волшебникъ; а испужашься еще легче,

для того, что я съ природы шрус-
ливъ, и съ младенчества боюсь чер-
шей, колдуновъ, пьяныхъ подьячихъ,
злыхъ Вельможъ, и проч. и проч. и
проч. — Милоспивый государь! ска-
залъ я ему, весь въ страхъ; благо-
дарю васъ за предложеніе, но..... Я
вижу, прервалъ онъ, что я шебъ ка-
жусь нѣсколько непригожъ, и что пы
меня боишься. — Признаюсь сударь,
ошвѣчалъ я ему, что я, въ первой
разъ видя вашъ мундиръ, не могу
удержаться отъ страха; конечно вы
иностраниецъ, а можешъ бышь и жи-
тель того сѣвша. — Я *Маликуль-*
мулькъ, ошвѣчалъ онъ, и ремесломъ
волшебникъ; имя мое извѣсно во
всѣхъ шрехъ частяхъ сѣвша: въ воз-
духъ, въ водъ и въ землѣ; у меня
въ нихъ есть довольно пространная
владѣнія, и еспьли пы примешъ на
себя названіе моего Секретаря, то я
ошведу шебя въ свой увеселительной
домъ, находящійся въ *Харибдѣ*, и
ошшуда пройдемъ мы богашою под-

земною галлереею въ великолѣпныя мои палаты, стоящія подъ горою *Етною*. Государь мой! отвѣчалъ я, это не лучший способъ склонять въ свою службу людей съ пѣмъ, чшобъ ихъ изжарить или ушопить: правда, у насъ иногда Секретарей морятъ съ голоду: но по крайней мѣрѣ принимающъ ихъ всегда съ хорошими общаніями. — Не опасайся мой другъ, отвѣчалъ *Маликульмулькъ*, ты увидишь, что въ моихъ домахъ такъ же весело и спокойно, какъ въ самыхъ богашыхъ вашихъ чершотахъ, и ничуть не жарко, такъ что одинъ изъ вашихъ Философовъ, шому уже нѣсколько вѣковъ назадъ, вступилъ въ мою службу управителемъ дома подъ *Етною*. Я думаю, вы всѣ того мнѣнія, что онъ сгорѣлъ; а вмѣсто того ему тамъ такъ показалось прохладно, что онъ выбросилъ назадъ ошшуда свои шуфли, и нынѣ живеть у меня очень спокойно; смотришъ за моимъ домомъ и за библіотекою, кошорую

я уже девять тысяч лѣтъ собиралъ. Онъ дѣлаетъ крипическія замѣчанія на всѣхъ древнихъ и новыхъ Философовъ, на всѣ Секты и на всѣ науки, которыя, можешь быть, скоро выдумъ въ свѣтъ. И такъ, ты видишь, что если бы было ему жарко, то бы онъ конечно не принялся за такую безпокойную работу, отъ которой можно вспомнить и въ самой Гренландіи. Я тебѣ обещаю не меньше выгодное содержаніе, и дамъ тебѣ свободу жить, гдѣ ты ни пожелаешь. Съ симъ уговоромъ согласился я вступить въ службу почтеннаго *Маликульмулька*, и не хощя перемѣняшь жилища, выбралъ къ тому сей городъ. Если бы, сказалъ я ему, былъ у васъ такъ же и здѣсь какой нибудь увеселительной домъ, то бы я съ охотою согласился въ немъ вамъ служить; пожалуйста господинъ *Маликульмулкѣ*, продолжалъ я, купите себѣ здѣсь какой нибудь домъ, только, прошу васъ, на истинныя, а не на

волшебныя деньги; для того что здѣсь Профессоровъ этой науки очень не любящъ, и часто сбѣкущъ розгами или сажаютъ въ бѣшеной домъ; да и мнѣ новому вашему Секретарю опѣшого не безопасно; ибо здѣсь живущъ люди, а не волшебники, и имъ очень не мудро сдѣлать ошибку и высѣчь одного вмѣсто другаго. — Не опасайся, сказалъ мнѣ волшебникъ, мы будемъ веселиться и не будемъ подвержены никакой опасности; я имѣю здѣсь нѣсколько увеселительныхъ домовъ въ самомъ городѣ, и пошъ, въ которомъ мы теперь, изъ самыхъ лучшихъ. — Какъ! вскричалъ я съ удивленіемъ, вы шушите; я не знаю, какъ для васъ, а для меня домъ съ провалившеюся кровлею, съ развалившимися печами, съ худыми полами и съ выбитыми окнами, въ ненастное время, ничуть не кажется увеселительнымъ; эшопъ домъ годенъ только на дрова, въ немъ не согласится жить и сторожъ Академической библіотеки.

Ты инаго будешь мнѣнія о моемъ богашствѣ, сказалъ *Маликульмулькъ*, когда увидишь сей домъ хорошими глазами. Тогда онъ полою свсей епанчи пошеръ мои глаза. Въ какоежъ послѣ сего пришелъ я удивленіе, увидя себя въ великолѣпнѣйшихъ чертогахъ! золото и серебро блиснали повсюду; каршины, рѣзьба, зеркала, придавали великолѣпный видъ симъ комнамамъ, которыя за минушу предъ шѣмъ казались мнѣ пустыми сараями; словомъ, пышность сего дома могла поравняшься съ пышностію первѣйшихъ дворцовъ въ Европѣ. Вотъ, что я тебѣ дарю, сказалъ мнѣ милостивый *Маликульмулькъ*. Я благодарилъ его шакъ, какъ могъ, и обѣщаль исполнять ненарушимо его повелѣнія. Позволь, мой благодѣтель! вскричалъ я, щобъ въ сію же минушу позвалъ я къ себѣ обѣдать нѣкоторыхъ изъ богатыхъ и гордыхъ моихъ знакомцевъ, которые ставили великимъ одолженіемъ, когда удостоивали меня своею

бесѣдою, скучною для меня такъ же, какъ для нихъ скучны Философическія книги; или лучше сказать, какъ для соннаго судьи приказъ. — Я шебѣ никогда не совѣшую этого дѣланья, опвѣчалъ волшебникъ; для нихъ комнаты сіи ничуть не перемѣнили своего вида, и покажутся такими же, какими онѣ доселѣ шебѣ казались; съ помощію только моей епанчи, надѣ кошорою я шрудился при шысячи лѣшъ, могли бы они видѣшь ихъ такими, каковы онѣ ешь; но я не хочу всему городу насильно проширять глаза: оставь, другъ мой, думай людей, что шы бѣденъ и наслаждайся своимъ богатствомъ. — Ахъ! я вижу, что оно мечшательное, вскричалъ я съ неудовольствиемъ. — Нѣшь, опвѣчалъ онъ, все, что шы видишь, очень истинно; *Перилатетизмъ* одинъ можетъ заставишь почищать несчастьемъ самое блаженство. Почему шы предпочитаешь тѣ комнаты, кошорыя искусствомъ людей сдѣланы

вѣ нѣскольکو лѣтъ, тѣмъ, которыя я дѣлаю вѣ одну минуту? Еслии я властію моею могу эштоу домъ привести вѣ прежній свой видъ, по время не можешъ ли разрушить такъ же очарованіе самыхъ лучшихъ художниковъ, и превратить обработанныя ими вещи вѣ первобынное состояніе, кошорое будетъ небольшая кучка земли? Правда, люди всѣ будутъ думать, что ты не богатъ; но съ первѣйшими богачами не по ли же случашся? Они и сами иногда почишуютъ себя бѣдными, а Философы почишуютъ ихъ нищими, и эпи люди умнѣ тѣхъ, кошорые имъ приписываютъ названіе богачей; все богатство *Креза* не могло увѣрить *Солона*, что *Крезъ* былъ богатъ; а *Солона* бы и нынѣ не посадили вѣ бѣшеной домъ, хошя бы, можешъ быть, и засшавили его бышъ помолчаливѣе. И такъ ты видишь, что истинное состояніе человека не попому называшся богатымъ или бѣднымъ, какъ

другіе о немъ думаютъ; но потому, какъ онъ самъ почиаетъ. — Такъ по этому, отвѣчалъ я, долженъ я пишаться пустою мыслію, что я богатъ, между шѣмъ, какъ можешь быть, спую здѣсь по колѣни въ грязи, въ пустыхъ покояхъ, и мерзну отъ стужи и отъ вѣтровъ. — Чувствуешь ли ты это? спросилъ онъ меня. — Нѣтъ, отвѣчалъ я. — Такъ по этому, продолжалъ онъ, ты глупо сдѣлаешь, когда это будешь воображать; а какъ ты боишься бѣдности, то вотъ тебѣ деньги, сказалъ онъ, выдвигая большой изъ стола ящикъ съ самыми полновѣсными червонцами. — О теперь-то я богатъ, говорилъ я съ восхищеніемъ, принимая деньги. — Да знаешь ли, что онъ такое, говорилъ онъ; это изрѣзанныя кружками бумажныя обои. — Господинъ волшебникъ! сказалъ я съ сердцемъ, не этою ли негодною монетою даешь ты своимъ Секретарямъ жалованье? Я сойду съ ума прежде, нежели

соглашусь принять твои бумажные вырѣзки за наличное золото. — Не опасайся, отвѣчалъ онъ, я съ тобою только пошутилъ; я ненавижу обмановъ и не буду тебѣ плащать обоями, вмѣсто денегъ; въ этомъ домѣ тебѣ въ нихъ и нужды не будетъ, старайся только рѣже изъ него выходить; ибо какъ скоро ты выдешь на улицу, по очарованію въ глазахъ твоихъ исчезнетъ. Послѣ сего намъ собрали на столъ; мы очень хорошо обѣдали, и я по привычкѣ спашъ послѣ обѣда, легъ на самую мягкую постель, какую бы и самая богатая духовная особа не погнушалась; а *Маликульмулькъ* пошелъ въ свой пребогатой кабинетъ, копорой за часъ казался мнѣ разломаннымъ курятникомъ.

Прежде, нежели заснулъ, дѣлалъ я тысячу разныхъ разсужденій, оспашься ли мнѣ въ новомъ моемъ званіи, копорого еще не зналъ должности, и бышь ли довольну мнимымъ своимъ богашствомъ? Чшо? думалъ я

самъ въ себѣ, естли я блѣ только черствыя корки гнилова хлѣба, тогда, когда казалось мнѣ, что утолялъ свой голодъ вкуснѣйшими пищаами, и почиталъ *Маликульмулькова* повара йскуснѣ всякаго Француза? И что, естли въ самую сію минушу лежу я на голыхъ и на мокрыхъ доскахъ, между тѣмъ, какъ воображаю, что лежу на мягкихъ пуховикахъ, копорые бы могли сдѣлать честь кровати и богашнѣйшихъ Воспючныхъ Государей? Не смѣшно ли будетъ, когда за это буду я опираящъ тяжелую Секретарскую должность? Но надобно и въ томъ признаться, что я совершенно доволенъ. Пусть люди будутъ меня почитать бѣднымъ, что мнѣ до того за нужда! довольно, естли я для себя кажусь богатымъ. Правда, всякой спанетъ шакому мнѣнію смѣяшся; не смѣшно ли бы было, когда бы меня посадили въ великолѣпную шюрму и называли бы меня свободнымъ: но не позволяли бы мнѣ выхо-

дять изъ комнашы ни на три шага; а между шѣмъ весь бы свѣтъ думалъ, что я счастливѣйшій смертный; былъ ли бы я отъ шого подлинно счастливъ? Нѣтъ, конечно, по этому и нынѣ я не буду бѣденъ отъ шого, когда меня почитать такимъ будущъ. И такъ я рѣшился оспашься въ семъ домѣ; а сверхъ шого названіе Секретаря льстило меня новыми доходами; ибо я слыхалъ, что оно очень прибыльно, и что всѣ Секретари испинно богаты, не выключая изъ шого числа и Секретарей Академій.

И такъ выпавшись спокойно, не такъ какъ Секретарь, которой еще исполняешъ сіе званіе, и отъ времени до времени боишся, чтобъ не бышь ему повѣшену; но такъ какъ Секретарь, которой наслаждаь уже выгодами онаго, вышелъ въ отставку, пользуется плодами плутовства, не спрашишя болѣе висѣлицы и спитъ спокойно, не воспоминая о своихъ челобитчикахъ. Выпавшись, говорю,

такимъ образомъ, вспалъ я съ моей пышной поспели; (а можетъ быть и съ голыхъ досокъ) вошелъ въ кабинетъ *Маликульмулька* исполняя его повелѣнія, и онъ въ короткихъ словахъ объявилъ мнѣ мою должность.

Я, говорилъ онъ, своими знаніями приобрѣлъ нѣсколькихъ друзей, которые живутъ въ разныхъ частяхъ свѣта, близъ моихъ владѣній; а какъ помѣстья мои отсюда очень не близки; то утѣшаюсь тѣмъ, что не видя ихъ получаю отъ нихъ письма, и самъ отвѣчаю имъ на оныя; но какъ мнѣ ужъ шринадцать тысячъ лѣтъ, и слѣдственно въ такихъ пожилыхъ годахъ иногда склоненъ я къ лѣни: то ты долженъ будешь писать то, что я тебѣ буду сказывать и читать мнѣ ихъ письма. Я позволяю тебѣ списывать и для себя тѣ, которыя тебѣ понравятся: прочеежъ время все въ швоемъ распоряженіи. Почтенный *Маликульмулкъ!* говорилъ я ему, когда вы позволите мнѣ списы-

вашъ ваши письма, но позволше ихъ такъ же и издавашъ въ свѣтъ, и пѣмъ увѣришь моихъ соопшчичей, что я имѣлъ честь быть вашимъ Секретаремъ, которые безъ сего доказательства почтунъ сию Исторію сказкою, какъ обыкновенно привыкли называшъ невѣроятныя дѣла; а можетъ быть, посадятъ меня и въ домъ сумасшедшихъ. Сверхъ того, говорилъ я ему, что служу у него въ Секретарскомъ чинѣ, я ничемъ инымъ не буду пользоваться, кромѣ своего жалованья, для того, что у него ни подрядовъ, ни опкуповъ, ни поставокъ никакихъ нѣтъ, и мнѣ будешъ стыдно сказать, что я, бывъ Секретаремъ у такого знашнаго человека, ничемъ не поживился, между тѣмъ, какъ нѣкоторые Секретари самыхъ послѣднихъ нѣтъ, съ помощію хорошей экономіи получая по 450 рублей въ годъ жалованья, проживающъ ежегодно по 12000 рублей, и строятъ себѣ очень порядочные каменные

домы. — Господинъ ворожея говорилъ мнѣ, что онъ здѣсь расположенъ жить *инкогнито*; однакожъ я ему доказалъ, что лучше быть славнымъ, нежели невѣдомымъ, и говорилъ ему, что самъ Цицеронъ радовался, когда нѣкто изъ Спихопворцевъ зачалъ описывать его дѣла; что Сенска говорилъ, что онъ не для чего другаго учился Философiи, какъ только для того, чтобы люди это знали, и что самъ Господинъ *Емледокъ*, управитель его увеселительнаго дома, изволилъ, соскокнущъ къ нему для того, чтобы быть славнымъ.

Маликульмулкъ смѣялся симъ мнѣніямъ и наконецъ для меня склонился, чтобы его и прiятелей его письма были издаваемы въ свѣтъ. Я было намѣренъ былъ попросить у него на то и денегъ; но опасался, чтобы онъ мнѣ не далъ изрѣзанныхъ обоевъ вмѣсто червонцевъ: а я сполько люблю всѣхъ своихъ земляковъ, особливо же Типографщиковъ, что ни-

когда не намѣренъ обмануть ихъ споль безспыднымъ образомъ. И шакъ рѣшился лучше деньги на расходъ Типографій для изданія сихъ писемъ заняшь отъ чипашелей, нежели выпустишь шакія деньги, за копорыя бы я, какъ не имѣющій никакого законнаго права, ни власши выдавать фальшивыхъ денегъ, и какъ Секретарь *Маликульмульковъ*, долженъ былъ ошвѣчать, между шѣмъ, какъ онъ спокойно бы по воздуху, по водѣ, или по землѣ уѣхалъ въ свои владѣнія.

П О Ч Т А
Д У Х О В Ъ.

П И С Ъ М О I.

*Отъ Гнома Зора къ волшебнику
Маликульмулку.*

Вотъ первое письмо, любезный и премудрый *Маликульмулкъ*, кошорое я къ тебѣ пишу послѣ нашей разлуки; я было хотѣлъ тебѣ поздравить съ новымъ годомъ; но не знаю, кошорому ты вѣришь Календарю: Юліанскому ли или древнему Римскому; а можешь бышь ты и шого мнѣнія, что годъ со всякаго новаго дня начинается. Я бы желалъ увѣришь тебѣ о моемъ къ тебѣ дружествѣ; но мы съ шобою столько знакомы, что можемъ оставишь для другихъ шакія

учтивости, которыми нынѣ почти всѣ письма наполняются; и такѣ лучше скажу тебѣ новость, и какая ужасная переѣна дѣлается въ адѣ!

Вчера съ минулъ срокѣ полугодовому отсутствію *Прозерлицину*. *Плутонѣ* съ нешерпѣливостію ожидалѣ ея возвращенія; вдругѣ предсталала предѣ него одна тѣнь, одѣтая въ скороходское плашье, и докладывала, что *Прозерлина* прибышь изволила. Минуту спустя богиня сама входилѣ въ нынѣшнемѣ Французскомѣ плашьѣ, въ шляпкѣ съ перьями и въ прекрасныхѣ башмачкахѣ, которыхѣ тоненькіе каблучки придавали ей вершка при росту. Бѣдной *Плутонѣ* оледенѣлѣ, увидя ея въ семѣ нарядѣ; мы сами нѣсколько опоропѣли: нѣкоторые изѣ насѣ говорили очень тихо: конечно она сошла съ ума; а другіе кричали во все горло: богиня еще прекраснѣе; но всѣ съ нешерпѣливостію ожидали, чемѣ все это кончилось. Здравствуй, мой ангелѣ! сказала по-

дошедъ къ своему мужу *Прозерлина*, и присѣла передъ нимъ два раза; признайся, продолжала она, что я не безъ пользы возвратилась къ тебѣ съ того свѣша! каково тебѣ кажешься это платье, эта чоска, эта шляпка, эти высокинскіе башмачки? Знаешь ли, что все это послѣдней моды и взято изъ Французскихъ лавокъ? — Другъ мой! говорилъ почти всхлипывая бѣдной *Плутонъ*, что тебѣ сдѣлалось?... здорова ли ты?... ахъ! я вѣшь говорилъ, что частая перемѣна воздуха можешь повредить мозговую перепонку. Любезная *Прозерлина*! опомнись, что ты! ахъ, за чемъ ты ѣздила на шопъ проклятой свѣшѣ! я предчувствовалъ..... Какъ за чемъ? перехватила рѣчь его *Прозерлина*; знаешь ли ты, что я шамъ въ нынѣшнюю побѣдку выучилась пѣть и танцовать; посмотри, какъ число дѣлаю *Аглинскія ла* въ конпрдансѣ. — Въ минушу подхватила она близъ ее стоящаго *Сократа* и прину-

дила его пропрыгать съ собою *Аглинскія прогулки*; *Диогенъ* хохоталъ во все горло и говорилъ: что это прекрасная пара; а *Плутонъ* бѣсяся и не зналъ, что дѣлать; онъ шепнулъ пихонько *Цицерону*: не можешъ ли онъ уговорить жену его опстать отъ такихъ дурачествъ. *Цицеронъ* подошелъ къ ней со всею важностію, достойною Римскаго Орапора и Сенатора. — А! здравствуй дѣдушка, сказала она ему; послушай, мнѣ есть до тебя маленькая прозѣба, и мнѣ ужесъ хочешся, чшобъ ты ее исполнилъ, напиши пожалуй похвальную рѣчь Французскимъ шорговкамъ; ты не повѣришь, какъ я и онъ будемъ тебя благодарить; швои *Филиллитескія* рѣчи стоили тебѣ головы, а за эту рѣчь, о кошорой красотѣ я увѣрена, подарю я тебя послѣдней моды фракотъ и *Аглинскимъ гарнитуротъ* лряжекъ. Признайся, что это очень щедрая плаша. — Богиня! сказалъ *Цицеронъ*, могу ли я вѣришь своимъ

глазамъ, чшобъ шы будучи безсмершна, плбнилась дурачествами существъ, копорые едва живыми назвашься могутъ? — О! шы скучишь своими нравоченіями, жизнь моя, отвбчала *Прозерлина*; оставь ихъ. Знаешь ли, что шы былъ бы несперпимъ въ нынбшнемъ свбшб, и развб одними швоими оспрыми словами могъ бы сыскашь благосклонность у женщинъ, копорыя нынб рбщашъ судьбу ученыхъ людей. — Богиня, говорилъ *Цицеронъ*, сія вредная язва не разорила ли и мое опечество? Ахъ! я бы лучше желалъ еще шесть разъ бышь изъ него изгнанъ, и двадцашъ разъ бышь давленъ, по приказанію новыхъ *Антоніевъ*, нежели видбшь шакую спранную перембну. — Ты не повбришь, отвбчала *Прозерлина*, въ какомъ совершенствб нынб Италія! Правда, шы не найдешъ тамъ ни одного *Катона*, ни *Юлія*, ни *Брута*, ни древняго *Тарквинія*; но еспьлибъ шы зналъ, какъ шамъ хорошо сочиняютъ Оперы *Буфо*,

Часть I.

3

шо бы ты сдѣлался театральнымъ *Буфономъ*. — Жизнь моя! продолжала она, оборотясь къ *Плутону*, кошорой смотрѣлъ на нее выпараща глаза, сдѣлай милость, заведи здѣсь оперной театрѣ; я на себя беру выписать актеровъ, музыкантовъ и хорошихъ капельмейстеровъ. — Богиня! вскричалъ съ сердцемъ *Плутонъ*, ты наконецъ досаждаешь мнѣ своими вздорными предложеніями, и сама не знаешь, что хочешь дѣлать. — Выбришь тебѣ бороду, радость моя, опѣвчала съ вѣжностію *Прозерлина*, и нарядишь тебя во Французской кафтанѣ. Ахъ! ты не повѣришь, какъ прекрасны нынѣшніе мушкетеры съ выбритыми бородами; я видѣла своими глазами цѣлые города, наполненные *Нарцисами* и *Адонисами*; и увѣрена, что ты съ выбритою бородою, такъ же прекрасенъ будешь, какъ *Ганимедъ*; прибавь же къ тому Французской кафтанѣ, тупей *алакроше*, модныя пряжки и щегольскую

Французскую шпагу. О! мужчины такъ спали хитры, что умѣли сдѣлать прелестными въ глазахъ женщинъ и шпаги свои. Ты не увидишь болѣе шѣхъ старинныхъ саблищъ, копорыя вѣсомъ пянули сполько же, сколько шѣ, копорые ихъ носили; но увидишь маленькія прекрасныя шпажки, копорыя ничуть не ужасая, дѣлають полько украшеніе, и включены въ число *галантерейныхъ* вещей. — Да, въ число *галантерейныхъ* вещей! Лучшія шпаги и лучшія шпроточки продаются въ Англинскихъ магазинахъ.

Представь, мудрый *Маликулмулкъ*, каково было для насъ видѣшь такое сумасбродствѣ! *Радамантъ*, *Еакъ* и *Милосъ* жались какъ можно болѣе, желая сохранить судейскую важность, и чтобъ не шрѣснуть отъ смѣха; самъ *Плутонъ* половину плакалъ и половину смѣялся; однакожъ ничемъ не могъ уговорить *Прозерлину*, чтобъ скинула она свое *фуру*, а особливо, чтобъ испоршила причоску своей

головы. — Какъ! говорила она, я буду ходить съ расшрепанными волосами! Въ какое время, когда послѣдняя шеапральная дѣвка имѣетъ у себя Французскаго парикмахера! Нѣтъ, естли ты хочешь, чтобъ я осталась здѣсь, то неопмѣнно выпиши мнѣ парикмахера, поршнева и купца съ *галантерейными* вещами; а безъ того я въ сію же минушу ѣду въ Парижъ. — *Плутонъ* морщился, сердился, смѣялся; но наконецъ долженъ былъ согласиться на ее требованіе:

Кого же бы ты думалъ выбрали доставить такихъ надобныхъ людей?... Меня, ученый *Маликульмулькъ*! Поздравь меня съ должностію моднаго повѣреннаго *Прозерлины*. Я скоро ѣду набираю лучшихъ искусниковъ. Весь адъ теперь въ смятеніи отъ этой перемѣны, и я скоро можетъ быть уведомлю тебя, чемъ это кончится.

ПИСЬМО II.

Отъ Силсфа Далновида къ волшебнику Маликульмулку.

Два дни тому назадъ, мудрый и ученый *Маликульмулкъ*, какъ по утру очень рано пролеталъ я чрезъ Парижъ, гдѣ, рано взлѣтѣвъ на самой верхъ одной колокольни сѣлъ шамъ на нѣсколько времени для отдохновенія; ибо я тогда чрезвычайно успалъ, облѣтѣвъ, менѣе нежели въ двѣнадцать часовъ около пяти сотъ миль, и при томъ еще долженъ былъ столько же пролетѣть до того мѣста, куда предпріялъ я свое путешествіе. Сидя на верху сей колокольни, обзрѣвалъ я обширное пространство всего города, и тогда пришла мнѣ въ голову та же мысль, копорая заставила нѣкогда *Ксеркса* проливать слезы. *Когда я ломышляю*, говорилъ сей Монархъ осматривая свои войска, *сколь кратка жизнь теловѣтская, тогда*.

прихажу въ крайнее смущеніе отъ со-
 болѣзнованія и не могу отъ слезъ воз-
 держаться, что изъ сихъ многихъ мил-
 ліоновъ людей, стоящихъ теперь предъ
 моими глазами, трезъ сто лѣтъ ни
 одного въ живыхъ не останется. „Еже-
 „ли бы всѣ люди, говорилъ я самъ въ
 „себѣ, обитающіе въ семъ городѣ,
 „помышляли о своей плачевной уча-
 „сти и в концѣ своей жизни, кошо-
 „раго вскорѣ ожидашь они должен-
 „сшвуютъ; шо безъ всякаго сомнѣнія
 „скоро вышли бы они изъ своего за-
 „блужденія и оставили бы всѣ сущ-
 „ныя свои погеченія, которыми не-
 „пресшанно себя занимаютъ. Къ чему
 „служатъ всѣ шруды, приеиаемыя
 „сими несчастными? Въспо шога,
 „чтобъ наслаждашь не многими ми-
 „нушами ихъ жизни, надъ кѣими они
 „суть совершенные власшители! Они
 „изнуряютъ себя великими шрудами,
 „пошбуютъ и мучашся для приобрѣ-
 „шенія благополучія въ такое время,
 „кошораго никогда они не увидятъ,

„и кое совсѣмъ не для нихъ предо-
 „ставлено. Они тогда престають
 „существовать на сѣмъ свѣтѣ, когда
 „думаютъ начинать только наслаж-
 „даться исполненіемъ своихъ прѣ-
 „дѣлъ. „

Алчные и корыстолюбивые купцы, которые день и ночь обременяютъ себя труднѣйшими заботами о своей торговлѣ, и которые здоровьемъ своимъ и покоемъ жертвуютъ ненасытному желанію собрать богатое имѣніе, умрутъ прежде, нежели удовольствуютъ свое желаніе; а чрезъ то болѣе будутъ чувствовать скорбь и сокрушеніе, что во всю жизнь свою бесполезно трудились: если же и случатся между ими шаковые, которые прежде своей смерти удовлетворяютъ свою алчность; то и для нихъ то время, въ которое будутъ они наслаждаться сими сокровищами, приобретенными съ великими трудами и безпокойствомъ, покажется столь коротко, что ни къ чему болѣе

не послужитъ, какъ къ приумноженію ихъ мученій, возбуждая въ нихъ большее сожалѣніе о лишеніи богатаго своего имущества, коимъ споль мало-временно они наслаждались.

Человѣкъ, который видитъ себя лежащаго на одрѣ смертномъ, тѣмъ болѣе несчастливъ, чѣмъ съ изнуреніемъ своего здоровья приобрѣлъ богатство, и чѣмъ не во всю жизнь свою находился въ бѣдности; ибо оставая сей свѣтъ, тѣмъ меньше о немъ сокрушается. Лудовикъ XIV умирая лишился съ жизнію Государства. — Герцогъ теряетъ менѣе, нежели Государь; купецъ бѣдный теряетъ меньше, нежели богатый. Вѣдность есть такая вещь, которая всего способнѣе можетъ произвести Философовъ. Человѣкъ обладающій богатымъ имѣніемъ, рѣдко захочетъ преподавать другимъ нравственныя наставленія. *Сенека* бытъ можетъ одинъ, а *Еликтетовъ* найдется двѣ тысячи.

Ежели бы люди, мудрый и ученый *Маликульмулькъ*, устремляли нѣко-
 порое вниманіе на бѣдность и низ-
 кость своего состоянія; но поста-
 рались бы опровергнуть полезнѣйшими
 своими размышленіями пѣ бѣдствія,
 копорымъ подвергла ихъ судьбина.
 вмѣсто того, что поступками сво-
 ими унижаютъ они свое состояніе,
 которое учинилося уже совсѣмъ пре-
 зрѣннымъ, подражали бы они столь-
 ко, сколько было бы имъ возможно,
 мудрымъ *Сильфамъ*, кои единственно
 стараются только о томъ, чтобъ
 исполнить и любить добродѣтель, и
 ожидаютъ безъ страха и суетнаго
 желанія того, что Небо для нихъ
 опредѣлимо. Слабые чловѣки, будучи
 весьма ошдалены отъ того, чтобъ во
 всемъ поступать съ благоразуміемъ,
 всѣ равно прудятся о учиненіи себя
 несчастнѣйшими. Кажется, что они
 со утѣшеніемъ умножаютъ свои бѣд-
 ствія, кои по собственному ихъ зло-
 употребленію присоединены къ чело-

вѣческой природѣ, и коихъ горестъ единыя покло Философы услаждають умбюють. — Безъ сомнѣнія ты, мудрый *Маликульмулькѣ*, много разъ разсмашриваль шѣ несчастія, кошорымъ подверженъ весь родъ человѣческій; но не знаю, примѣшилъ ли ты когда, что всѣ люди, въ какомъ бы состояніи ни были (выключая изъ того числа не многихъ полько любомудровъ) сущь равно несчастны въ глазахъ истиннаго Философа. Начнемъ сіе изслѣдованіе съ Государя.

Таковъй Государь, кошорый, будучи окруженъ блистательнымъ Дворомъ своимъ, единственно предается безъ всякой умбренности различнымъ забавамъ, оставляя своимъ Министрамъ все попеченіе о своемъ Государствѣ, можешъ ли бышь счастливъ? Равнымъ образомъ и шотъ, кошорый для удовольствованія непомѣрнаго своего честолюбія, разоряешъ свое Государство и приводитъ въ крайнюю гибель своихъ подданныхъ, не можешъ

назвашься благополучнымъ. Таковые Государи, предающіеся страстямъ своимъ, сами чувствуютъ сколько пошупи ихъ прошивны истинной чести, цѣломудрію и челоуѣколюбію; ибо шакова есть учась всѣхъ людеи, порабощенныхъ порокамъ: что бы они ни дѣлали, однакожъ не могутъ шолико бытъ ослаблены, чтообъ иногда плѣющая искра ихъ совѣсти не предшавляла имъ отъ времени до времени спрашной испимы. нѣкто изъ ученыхъ мужей справедливо сказалъ, что *совѣсть можетъ бытъ закрыта завѣсою, потому что она не Богъ; но что она никакъ не можетъ совѣмъ истребитъся, потому что происходитъ отъ самаго Бога.* Преступникъ сколько бы ни старался, и сколько бы ни прибѣгалъ ко всѣмъ способамъ, могущимъ совершенно успокоить его смущеніе, однакожъ никогда до шого не достигнетъ; ибо внушрешнія угрызенія совѣсти, подобно шѣмъ хищнымъ шпицамъ, которыя по басно-

словію шерзали грудь Промеѣеву, не-
престанно сыскивають свою пищу,
и сердце, шерзаемое ими, во всякое
время прешерпѣваетъ неноснѣйшія
мученія. Великіе и малые люди равно
бываютъ подвержены внутреннему
угрызенію своей совѣсти, коль скоро
сдѣлаются преступниками.

Въ какомъ бы состояніи человѣкъ
ни былъ, и какое бы лице ни пред-
ставлялъ; но ничто не можетъ его
избавить отъ шерзанія возмущенной
совѣсти: *ловсюду, гдѣ нѣтъ исти-
ной добродѣтели, лорокъ обитаетъ;*
а съ нимъ кулно и внутреннія угры-
зенія, всегда за нимъ послѣдующія.
Тщешно порочный Государь мыслишь,
подъ защипою своего Самодержав-
ства, успокоишь страхъ свой, ко-
торый посреди величества его, славы
и безопасности повсюду за нимъ слѣ-
дуетъ, непрестанно его мучитъ и
шерзаеиъ до самаго того времени,
когда лишится онъ жизни; а вмѣстѣ
съ оною и пышныхъ своихъ забавъ,

смѣшанныхъ со многими скорбми и мученіями. Мудрый Философъ можетъ ли почестъ благополучною, столь неспокойною и бѣдственною участъ?

Отъ Государя обратимся къ Придворному. Какое его состояніе! Онъ есть невольникъ, носящій на себѣ золотыя оковы! Подъ пышною наружносною суешнаго величества, онъ сокрываетъ пятгоспныя попеченія и несноснѣйшія скорби. Сколько такихъ Придворныхъ, которые, въ жизни своей, не проводятъ почти ни одного дня, не будучи перзаемы честолобіемъ, желаніемъ приумножить свое могущество, и страхомъ лишиться милости своего Государя? Можно ли такую жизнь почестъ счастливою, въ которой надлежитъ быть непрестанно въ мучительномъ безпокойствѣ и въ недовѣрчивости ко всѣмъ тѣмъ, съ коими имѣешь обхожденіе, льстивъ своимъ неприятелямъ, не имѣвъ ни одного истиннаго друга,

и во всемъ поступать по своему нраву и по прихотямъ другого человека? Наконецъ, послѣ столь мучительной и безпокойной жизни, постигаешь смерть, которая стремительно разрушаетъ всѣ принятыя мѣры, дѣлаетъ безполезными всѣ усиленнѣйшія старанія и оставляетъ единое покоемъ прискорбіе, что въ толикомъ злоупотребленіи препровождаемы были краткіе дни его жизни, которую прожилъ онъ, будучи всегда невольникомъ, когда могъ бы наслаждаться спокойною свободою. Нужно ли было родиться на свѣтъ, единственно для того, чтобы играть столь мучительную роль въ своей жизни, которая кончилась столь скоропостижно?

Здѣшнія духовныя особы не могутъ почесться ни благополучіемъ, ни же спокойіемъ свѣтскихъ! Они приносятъ къ подножію жершвенника перзающее ихъ честолюбіе. Они не престанно помышляютъ о приумно-

женіи своего богатства. Скупость есть порокъ, свойственный большей части Французскихъ духовныхъ. Надменный Прелатъ всегда бываетъ смущенъ, печаленъ и задумчивъ; но чтобъ такое могло возмущать его блаженство? Онъ хочетъ быть Архіепископомъ! Когда поступаетъ онъ въ сіе достоинство, то и тогда кажется столько же печаленъ; ибо желаетъ Кардинальства; потомъ получаетъ Кардинальскую шапку, но безпокойства его не уменьшаются, потому что думаетъ быть Папою. Наконецъ, не избавившись отъ сердечнаго сокрушенія, онъ умираетъ съ сожалѣніемъ, что не могъ удовлетворить всѣхъ своихъ желаній. Сто тысячъ ливровъ годоваго дохода, и пышные титулы: *преимущества и высокомогія*, не могли учинить его благополучнымъ; и со всѣмъ его богатствомъ онъ былъ бѣднѣ крестьянина, живущаго при умѣренности спокойнымъ и довольнымъ въ своей хижинѣ.

Деревенскій Священникъ ропщетъ непрестанно на свою судьбину и жалуется, что ему жить нѣчемъ. Черезъ нѣсколько времени получаетъ онъ богатой приходъ, оставляетъ деревню и переселяется въ городъ. Уже ли онъ симъ удовольствованъ? Нѣтъ! онъ хочетъ быть Настоятелемъ; попомъ получаетъ и сіе достоинство; однакожъ желаніе еще не удовольствовано; ибо, чемъ болѣе онъ возвышается, и чемъ больше доходъ его возрастаетъ; тѣмъ больше алчность его приемлетъ новыя силы. Ежели бы онъ, подобно тому Кардиналу, достигъ до ближайшей степени къ Папскому достоинству, то и тогда не былъ бы доволенъ; если бы поступилъ онъ и еще далѣе, хотя бы сдѣлали его Папою, то и въ то время доходы его казались бы ему умѣренными.

Вопъ сколь велико человѣческое ослѣпленіе, мудрый и ученый *Маликульмулькъ*! Они бросающа не-

спавно отъ одного состоянія къ другому, и во всѣхъ сихъ различныхъ перемѣнахъ не менѣе суть несчастны. Поелику ищущъ они своего удовольствія въ вещахъ суешныхъ, скоропреходящихъ и неосновательныхъ; а пошому, вмѣсто истиннаго блаженства, ничего другаго не находятъ, кромѣ непостоянства, скуки, зависти, пресупленія и внутренняго угрызенія, кошорое повсюду за ними слѣдуетъ.

Истинное и ни съ чѣмъ несравненное блаженство состоитъ въ любви къ добродѣтели и въ собственномъ спокойствіи духа. Кто твердо увѣренъ въ сей истинѣ, для соблюденія кошорой во всемъ поступаетъ по мудрымъ и нужнымъ правиламъ, шомъ совершенно благополученъ и провождаетъ жизнь безъ смущенія и безпокойства; не спрашивается смерти и ея не желаетъ; но ожидаетъ спокойно всего шого, что Небо ему

Часть I.

4

предопредѣлишь съ его жизнію, вѣдая, что когда она кончится на здѣшнемъ свѣтѣ, тогда наступитъ другая чистѣйшая и свѣтлѣйшая, и что сія будущая, совершенно блаженная жизнь, будетъ наградою за мудрое поведеніе на семъ свѣтѣ.

Люди должны бы были непрестанно помышлять о двухъ вещахъ: во первыхъ, о краткости здѣшней жизни, а во вторыхъ, о безконечномъ продолженіи будущей. Тогда не предались бы они безумнымъ помышленіямъ, причиняющимъ имъ несносныя мученія; тогда сказали бы они сами себѣ: *какъ! для пріобрѣтенія вѣчнаго блаженства предоставлено намъ трудиться нѣсколько только минутъ, а мы расточаемъ сіи счастливныя минуты въ суетныхъ желаніяхъ и въ предпріятіяхъ, которыя тогда же истекаютъ, когда исполняются! будемъ лучше помышлять о доставленіи себѣ вѣчнаго жилища, и не будемъ напрасно терять сихъ минутъ, отъ употреб-*

ленія коихъ зависитъ наше безконечное блаженство.

П И С Ь М О III.

Отъ Гнома Буриспона къ волшебнику Маликульмулку.

Пожалѣй о мнѣ, любезный *Маликульмулкѣ*, пожалѣй о своемъ бѣдномъ Буриспонѣ, узная его несчастіе; несчастіе, которое едва ли съ кѣмъ нибудь изъ моей братьи когда случилось. Но почшо удручаешь тебя моими пустыми жалобами? Онѣ могутъ въ мысляхъ легковѣрнаго увеличить мою бѣду; но въ мысляхъ премудраго челоѣка останутся однимъ пустымъ звономъ. И такъ, присшуплю я къ дѣлу и буду шреговать швоей помощи; ибо не утѣшеніе, но помощь нужна несчастнымъ.

Нашъ общій знакомецъ *Зоръ*, писалъ къ тебѣ о сумасшествіи *Про-*

зерлины, но онъ еще не о всемъ тебѣ уведомилъ. — Богиня вскорѣ послѣ того вздумала переимѣнить видъ своего Двора. Между шѣмъ какъ Зоръ полетѣлъ въ свѣтъ набирать разныхъ модныхъ искусниковъ, она новоприбывшему въ адъ Французскому портному велѣла на скорую руку обмундировать семь Греческихъ мудрецовъ, и славнѣйшихъ въ древности женщинъ, какъ то : *Семирамиду*, *Клеопатру*, *Лукрецію* и прочихъ; она еще болѣе хотѣла; она неопшѣнно желала, чпобѣ они заведи между собою любовныя интриги, и чпобѣ, не выключая и важнаго *Солона*, всѣ сдѣлались волокитами. Тысячу разъ она смѣялась надъ спыдливою *Лукреціею* и надъ *Вирсиніею*, чпю онѣ дичились въ новыхъ нарядахъ, и не давали рукъ своимъ обожашелямъ; она опдала ихъ подъ сморѣніе доброй *Клеопатрѣ*, копорая общала сдѣлать изъ нихъ шакихъ придворныхъ верпопрашекъ, копорымъ бы и лучшіе Европейскіе Дворы завидовали.

Школа началась балами, богиня сама открыла его с *Плутоном*, и потом *Лукреция* с *Сократом* танцевали менюешь: говоряшь, будто онъ уже за нею и машешь. *Радамант*, *Минос* и *Еак*, которые шакъ же приглашены были на сей праздникъ, поперяли всю свою важность, коль скоро увидѣли шумъ *Александра Великаго*, *Цесаря*, *Помпея*, *Брута*, *Катона* и *Фемистокла* съ Римскими Веснялками прыгающихъ *Галлада*, которой искусные музыканты играли *алегро престо*. Бѣдныя наши судьи, забывъ придворную благоприсойность, надрывались отъ смѣха, и какъ имъ никогда не случалось такъ долго смѣяться, то эшотъ смѣхъ превеликою кончился бѣдою. *Минос* получилъ колику, злодшой *Радамант* получилъ одышку, а у бѣднаго *Еака* лопнулъ пузырь, и они кое-какъ дошедши до своихъ постелей, сказались больными. И такимъ образомъ засѣданіе адскихъ судей перервалось, и нѣкому было

опираясь судъ надъ ежечасно прибывающими сюда пѣнными.

На другой день послали *Илократа*, ихъ освидѣтельствовать, который донесъ, что у двухъ изъ нихъ лопнули мозговья перепонки, а у третьяго разорвалась въ ухахъ барабанная кожа; слѣдственно двое сошли съ ума, а третій оглохъ и не можетъ выслушивать оправданій. *Плутонъ* взбѣсился, услышавъ сію вѣдомость, и чрезвычайно бранилъ свою жену, обвиняя ее въ семъ несчастіи. *Прозерпина* извинялась, какъ могла, и старалась доказывать, что сіи судьи, не смотря на ихъ поврежденіе, были еще годны для исправленія своихъ должностей, и что она путешествуя по свѣту, никогда не видывала, что бы отставляли судей, у которыхъ повреждены мозговья перепонки, или у которыхъ лопнули въ ухахъ шамбурныя кожицы; но упрямой *Плутонъ*, не слушая сихъ оправданій, рѣшился посадить на мѣсто старыхъ новыхъ

судей. Въ семъ намѣреніи призвалъ онъ меня, и велѣлъ мнѣ, какъ можно скорѣе лѣтѣшь въ свѣшъ, и сыскашь прехъ честныхъ и безприспращныхъ судей, у которыхъ бы мозгъ былъ въ хорошемъ положеніи, и которые приномъ не были бы глухи. Представь, любезный *Маликульмульхъ*, какъ я ошолбенѣлъ, услыша такое препорученіе! Ваше адское величество, сказалъ я *Плутону*, дарованія мои такъ слабы, а должность налагаемая вами на меня такъ шрудна, что я не надѣюсь ошпыскашь вами желаемыхъ рѣдностей; и такъ осмѣливаюсь просить у васъ увольненія отъ шольшяжкаго шруда, и порученія онаго шакому Духу, которой болѣе меня имѣеть дарованій. — Но я шолько терялъ слова, и шарикъ мой былъ неумолимъ; онъ доказывалъ, что ему вѣошмѣнно нужно, что бы продолжалось засѣданіе, и для шого надобны при честные человека искусные въ законахъ и безъ всякаго корыстолюбія.

Вотъ какая поручена мнѣ долж-
 ность, любезный *Маликульмулькъ*, не
 несчастливой ли я бѣсѣ? Гдѣ сыщу
 я при такіа чуда? Ябѣ лучше согла-
 сился бытъ *Танталомъ* или *Иксио-
 номъ*, нежели искашь такіа рѣдкости;
 однакожѣ сѣ богами шупишь дурно;
 надобно повиновашься, и я намѣрился
 чрезѣ при часа отправишься на землю;
 а между шѣмъ хотѣлъ посоветовашься
 сѣ нѣкошорыми шѣными, копорыя у
 насѣ славны мудростію; но запри-
 мѣшишь, любезный *Маликульмулькъ*,
 какѣ примѣръ начальниковѣ развра-
 щаешѣ подчиненныхѣ! Я уже не на-
 шелѣ здѣсь ни одной шѣни, копорая
 бы не старалась подражашѣ *Прозер-
 линѣ* и не занималась бы модами и
 чоскою. Я подошелѣ къ *Гераклиду*,
 думая, что сей печальный Философѣ
 можетѣ мнѣ подашь наставленіе; но
 и шопѣ у насѣ не безѣ дѣла. *Прозер-
 лино* по часшому его плаканью заклю-
 чила, что онѣ можетѣ бытъ очень
 хорошимѣ прагическимѣ актеромѣ,

и пошому я нашелъ его заняшаго уче-
 ніемъ какой-то плаксивой роли изъ
 новыхъ трагедій. Ахъ! подумалъ я
 самъ въ себѣ, сколько на землѣ въ
 нынѣшніе вѣки умираетъ такихъ
 людей, копорымъ нуженъ бы былъ
 одинъ слабый примѣръ ихъ владѣ-
 шеля, что бы сдѣлаться *Цицеронами*,
Катонами и *Демосфенами*, и копорые
 вмѣсто шого проводили всю жизнь
 свою въ вымышленіи новыхъ нарядовъ
 и надъ чоскою своихъ волосъ! Я пере-
 биралъ въ умѣ многихъ древнихъ Госу-
 дарей, и видѣлъ, что *Виргиліи*, *Гора-
 ции*, *Вароны*, *Рассины*, *Боалы* и *Мо-
 ліеры* бывали по большей части шолько
 шогда, когда жили *Титы* и *Лудовики*
 XIV, или когда они не боялись раз-
 сердить шѣмъ, что они умны, шого,
 кто можетъ у нихъ опнять умы
 вмѣстѣ съ головами. Наконецъ раз-
 сужденія мои кончились шѣмъ, что
 мнѣ надобно было опправиться въ
 свѣтѣ, не получа ни опъ кого ника-
 кого совѣша, о чемъ я очень печаша-

лился, какъ вдругъ увидѣлъ предъ собою *Диогена* и *Демокрита*, которые хохотали во все горло. — Скоро ли ты отправаляешься, спросилъ меня *Демокритъ*, искашь намъ честныхъ судей? Ахъ! отвѣчалъ я, въ сей же часъ, но не знаю, какимъ образомъ окончится моя поѣздка; только думаю, что мнѣ вѣчно въ адъ не возвращаться. — Не отчаявайся, сказалъ *Диогенъ*, ты очень уже худо думаешь о свѣтѣ; я напрошивъ того отъ всѣхъ новоприбывающихъ сюда судей слышу, что тамъ нынѣ въ судахъ всѣ честные люди; и что нѣсколько уже тому назадъ вѣковъ, какъ бездѣльники и крючкотворцы выгнаны изъ приказовъ. Я совѣтовалъ бы тебѣ лѣпше на Сѣверѣ, тамъ можетъ быть, найдешь ты надобное тебѣ число такихъ судей... Я вѣрю, сказалъ *Демокритъ*, что нынѣ правосудіе не съ молошка продается и захохоталъ во все горло... Ахъ! отвѣчалъ я печально, и я вѣрю тебѣ *Диогенъ*;

но скажи мнѣ, отъ чего это, что съ того свѣта большая часть судей приходитъ къ намъ въ богатыхъ кафтаныхъ, а шѣни челобитчиковъ являющся сюда нагія; а часто и шѣ самыя изъ нихъ, которыя выиграли свой искъ, приходятъ въ однихъ рубашкахъ! — Любезной другъ, освѣчалъ *Диогенъ*, ты уже знаешь отъ *Прозерлины*, что значитъ слово *мода*; и такъ, можетъ быть нынѣ на землѣ такая мода, чтобъ челобитчики ходили полунагіе, а судьи въ богатыхъ плащяхъ; вишь надобно же чѣмъ нибудь различать состоянія... Такъ, такъ, перехватилъ *Демокритъ*, видно, что это самая полезная мода, для того, что она уже давно въ употребленіи. — Оспавыше ваши шупки, сказалъ я имъ, и скажите мнѣ лучше, какимъ образомъ могу я отыскать такія рѣдкости, вы были на землѣ и можете меня просвѣпить въ семъ случаѣ. — Съ охотою, сказалъ *Диогенъ*, во первыхъ, спарайся сыскать такія

приказныя мѣста, копорыя слывупѣ
 нажишочными, и въ нихъ ищи судей,
 копорыя бы были бѣдны и имѣли бы
 богатыхъ челобитчиковъ; эшо первой
 знакъ, чшо судья некорыстлюбивѣ.
 Пошомъ, какъ скоро ты увидишь,
 чшо его подвѣчїе не пьяны, шо эшо
 значишь, чшо онъ умѣетъ ими управ-
 ляшь. И наконецъ, ежели ты увидишь,
 чшо у него случишся дѣло знашнаго
 богача съ невиннымъ бѣднякомъ и
 прослюдимомъ; естли богачъ про-
 играетъ свое дѣло, шо я даю тебѣ
 совѣтъ, не мѣшкай ни минушы звать
 его сюда. *Демокритъ* ни въ одномъ
 словѣ не спорилъ съ словами *Диогена*,
 но шолько говорилъ, чшо эшо найши
 очень шрудно, однакожъ желалъ мнѣ
 всякаго счастья, и смѣясь дураче-
 ствамъ *Прозерлины*, и чудному пред-
 прїятію *Плутона*, удалился отъ меня
 съ *Диогеномъ*, къ *Прозерлинину* убор-
 ному шолику.

Вошъ, любезный *Маликульмулкъ*,
 мои обшояшельства, признайся, не

въ жалкомъ ли я положеніи; право я боюсь, чшобъ не распашься на всегда съ адомъ; и шакъ прошу шво- его совѣша, и надѣясь на швой разумъ, ожидаю ошъ себя сей помощи.

П И С Ь М О IV.

*Отъ Силсфа Далбновида къ волшеб-
нику Маликульмулку.*

Когда я размышляю, мудрый и ученый *Маликульмулкъ*, о поведеніи большей части людей нынѣшняго свѣша, шо признаюсь, что не шолько извиняю, но даже хвалю поступки и образъ мыслей людей, копорымъ даюшъ названіе *Мисантроловъ* (*). Все шо, чемъ ихъ упрекаюшъ, ешь нѣко- порымъ образомъ хвала ихъ добро-

(*) Мисантропъ, нелюдимъ или человеконенавидецъ.

дѣтели. Какой смертный, слѣдующій пушемъ истины, не возгнушается шѣхъ гнусныхъ страстей и пороковъ, коими свѣтъ сей преисполненъ? Возможно ли, что бы сіе не учинило его суровымъ, унылымъ и задумчивымъ? Напрасно думающъ, будто люди всегда и во всякое время были одинаковы. Я утверждаю, что слабые смертные никогда не были столь глупы, безумны, порочны и столь достойны сожалѣнія, какъ нынѣ. Весьма нужно, что бы въ каждомъ Государствѣ побольше было сихъ *Мисантроловъ*, дабы люди могли пользоваться наставленіями, упреками и колкими насмѣшками сихъ угрюмыхъ *Философовъ*.

Такъ, мудрый и ученый *Маликульмулкъ*, я весьма въ томъ увѣренъ, что ничто не можетъ быть столь полезно для благосостоянія общества, какъ великое число сихъ *Мисантроловъ*; я почитаю ихъ за наставниковъ и учищелей рода человѣческаго. Одна

половина свѣта, занимаясь бездѣлами, повержена нынѣ въ совершенное ребячество; а другая одержима бѣшенствомъ! И пакъ, должно поспушать съ людьми или какъ съ младенцами, или какъ съ бѣшеными. — Обыкновенные Философы, мудрецы и ученые не могушъ болѣе бышь ихъ пушеводителями; всѣ ихъ премудрыя поученія, не сдѣлаюшъ никакого впечатлѣнія надъ развращенными ихъ умами, надлежишъ употребить на сіе гораздо спрожайшихъ наставниковъ; однимъ словомъ: пакихъ, каковы *Мисантропы*.

Возмогушъ ли всѣ наставленія *Сенеки* и *Еликтета* произвестъ какое дѣйствіе надъ глупою головою *Петиметра*? Сдѣлаюшъ ли они его разумнѣйшимъ? Зсставяшъ ли бышь полезнымъ обществу, и не принимаешь болѣе на себя шѣхъ смѣшныхъ шѣлодвиженій и ужимокъ, чрезъ кои уподобляешься онъ обезьянѣ? Безъ сомнѣнія всѣ рѣчи сихъ великихъ Филосо-

фовъ останутся безуспѣшны. Тщетно
будущъ они прославлять предъ нимъ
добродѣшель и описывать всю гнус-
ность пороковъ: онъ насмѣхаясь какъ
имъ самимъ, шакъ и ихъ словамъ,
вмѣсто отвѣта сдѣлаешь можешь
быть нѣсколько странныхъ прыж-
ковъ, или пропоешь какую пѣсенку
изъ новой оперы. Но *Мисантролъ*,
привыкнувшій не обвиняясь говорить
истину, есть человекъ могущій за-
ставить сего шалуна войти въ са-
мага себя. „Поступки твои, ска-
„жешь онъ ему, забавляютъ меня
„нѣсколько минутъ, но наконецъ спа-
„новятся несносны. Признаюсь, что
„ты очень забавенъ, и я не могу
„смотреть на тебя безъ смѣха, одна-
„кожь на послѣдокъ ты чрезмѣрно
„наскучишь. Хочешь ли, скажешь онъ
„ему, продолжая свою рѣчь, чтобъ я
„говорилъ съ тобою чистосердечно?
„Мнѣ весьма удивительно, что по
„сихъ поръ ты и тебѣ подобные,
„не предложили еще Правительству,

„дабы учреждено было особое собра-
 „ніе, гдѣ вознаграждались бы всѣ
 „модныя ваши дурачества. Я увѣренъ,
 „что тогда былъ бы ты изъ числа
 „первѣйшихъ, могущихъ льститься
 „возвущивовашъ на себѣ опытъ сего
 „споль благоустроеннаго заведенія;
 „пошому наиболѣе, что явѣя никого
 „даже и изъ твоихъ сошоварищей,
 „кто бы могъ съ такимъ искусствомъ
 „какъ ты, дѣлать страннѣйшія тѣло-
 „движенія, шаркать ногами, кривляшъ
 „ротъ, обращать по модному глаза,
 „болтать то, чего самъ не пони-
 „маешь, смѣяться безъ намѣренія,
 „печалиться безъ причины, и лгать
 „съ такимъ увѣрительнымъ видомъ
 „и смѣлостію, какъ другой говоритъ
 „правду. „

Сіи язвительныя шутки, мудрый
 и ученый *Маликульмулькъ*, произне-
 сенныя съ насмѣшливымъ видомъ та-
 кого человѣка, каковъ *Мисантролъ*,
 дѣлаютъ больше впечатлѣнія и болѣе
 поражаютъ сердца, нежели наилучшія

Философическія рѣчи. Всѣ Сочинители нравоученія, и всѣ Проповѣдники, не возмогли еще ошвлечь ни одного Пешиметра отъ его глупостей; напрошивъ того, *Мисантролѣ Молиеровѣ* болѣе сдѣлалъ добра Франціи, нежели проповѣди *Бурдаловы* и прочихъ ему подобныхъ Проповѣдниковъ. И такъ, когда простой списокъ произвелъ столь много пользы, что должно ожидать отъ подлинника?

Врожденное людямъ самолюбіе управляетъ съ самага почти младенчества всѣми ихъ дѣянiями. Не лзя сыскать лучшаго средства къ исправленію ихъ погрѣшностей, какъ изобразя гнусность тѣхъ пороковъ, коимъ они порабощены, обращать ихъ въ насмѣшку; а чрезъ то уязвлять сродное каждому человѣку щеславіе. Никто не можеть исполнить сіе съ лучшимъ успѣхомъ какъ *Мисантролѣ*; слѣдовательно нѣтъ человѣка, который столько бы полезенъ былъ обществу какъ онъ.

Когда я взираю на сихъ людей, кои не безпокоясь нимало о томъ, что будутъ объ нихъ говорить, не опасаясь злобы и ненависти своихъ согражданъ, съ презрѣнiемъ и смѣло осуждаютъ все то, что видятъ въ нихъ худова; тогда кажется мнѣ; будто вижу врачей окруженныхъ множествомъ больныхъ, кои видя, что не хотѣвъ они пользоваться обыкновенными способами, принуждены бывають для спасенiя ихъ жизни, дать имъ противъ воли лѣкарства, хотѣ по истинѣ не весьма вкусныя; но способныя возстановить ихъ здорье.

Пусть осуждаютъ, сколько хотѣтъ, грубость и спранные, по мнѣнiю нѣкоторыхъ людей, посшупки *Мисантроловъ*, я буду всегда утверждать, что почти не возможно быть совершенно честнымъ человекомъ, не бывъ нѣсколько имъ подобнымъ. Не уже ли долженъ я почитать за добродѣтель подлое ласкательство Придворнаго,

гошоваго всегда ублажать не только слабости своего Государя, но даже и шѣхъ людей, отъ кого онъ надѣется получить какое благодареніе? Достоинъ ли моей похвалы пошъ Французской Аббатъ, который, желая снискасть благосклонность своего Епископа, превозноситъ до небесъ его глупости, кошорый хвалитъ въ немъ добродѣтели, коихъ онъ никогда не имѣлъ, и кошорый распочительность его называетъ нелюбоспяханіемъ, невѣжество простосердечіемъ; а злость и суевѣріе священною ревностію? Нѣшъ, премудрый *Маликульмулькъ*, я чувствую, что неприличность сихъ гнусныхъ нравовъ возмущаетъ мою душу, и пошому спократно болѣе предпочитаю симъ подлымъ льстецамъ *Мисантрола*, человекъ угрюмаго, нешерпѣливаго и бѣшенаго, буде хотятъ, чшобъ я его шакъ назвалъ: но коего сердце наполнено припомъ справедливостію, чшшосердечіемъ, добродѣтелію, и кошорый неспособенъ ни лгать, ни притворяться.

Естьли бы при Дворахъ Государей находилось нѣкоторое число *Мисантроловъ*, то какое счастье послѣдовало бы тогда для всего народа! Каждый Государь, внимая гласу ихъ, познавалъ бы потѣ часъ истину. Одинъ *Мисантролъ* истребилъ бы въ минушу всѣ шѣ злодѣянiя, кои пятьдесятъ льстецовъ въ продолженiи цѣлаго мѣсяца причинили. Миниспры, судьи, вельможи, однимъ словомъ: всѣ шѣ, коимъ ввѣрено благосостоянiе народное, шрепешали бы при единомъ названiи *Мисантрола*. „Надежитъ „исполнишь, сказали бы они, со все- „возможною ревностiю возложенныя „на насъ должности. Ничто не можешъ „оспановишь сего ужаснаго предвоз- „вѣспника истины. Скоро гласъ его „раздасшя повсюду, и достигнувъ „прешола, извѣспишь Государя о „всѣхъ тайныхъ нашихъ дѣлахъ. Есть- „ли не ужасаемся мы оскорблять „истину и добродѣтель, то да спра- „щимся по крайней мѣрѣ необуздан-

„наго языка *Мисантролова*, и когда
 „приспращіа и пороки усыпили уже
 „нашу совѣсть, то надлежитъ по
 „крайней мѣрѣ стараться, чтобъ не
 „подозрѣвалъ онъ ни въ чемъ нашей
 „честности. „

Мисантролъ не только можетъ
 споспѣшествовать пользѣ народной,
 но и благосостоянію самаго Государя:
 онъ научалъ бы своимъ примѣромъ
 какъ придворныхъ, такъ и поддан-
 ныхъ, что усердіе и ревностныя
 услуги должны бытъ оказываемы един-
 ственно Государю, а не его вельмо-
 жамъ. Я помню, что читалъ нѣкогда
 прекрасное описаніе *Мисантрола*,
 находившагося въ службѣ Лудовика
 XIII. Сей человекъ, имѣя при Дворѣ
 не малый чинъ, не оказывалъ никогда
 ни малѣйшаго почтенія Кардиналу
 Ришелье. Я его не боюсь и не почи-
 таю, сказалъ онъ нѣкогда разгова-
 ривая о семъ Министрѣ. „Я служу
 „Королю; ревность и усердіе мое
 „оказываю только одному ему; а въ

„прочемъ мало беспокоюсь, любитъ
 „ли меня кто или ненавидитъ.„ Сіи
 слова привели въ великое удивленіе
 Кардинала: онъ велѣлъ сказать сему
Мисантролу, что естли онъ одинъ
 шолько разъ скажетъ ему: „Госпо-
 „динъ Кардиналъ, я вашъ покорнѣйшій
 „слуга, и прошу вашего покровитель-
 „ства, то постарается онъ снискать
 „ему счастье, и навсегда останется
 „его другомъ.„ На сіе предложеніе
Мисантролъ, отвѣщивовалъ: „что
 „онъ служитъ Королю, а не Госпо-
 „дину Кардиналу; и что не имѣетъ
 „нужды ни въ чѣмъ покровитель-
 „ствѣ, кромѣ своего Государя, чтожъ
 „касается до дружбы сего Министра,
 „то онъ сполько ею не уважаетъ,
 „что естлибъ Король приказалъ ему
 „убить Господина Кардинала, то не
 „преминулъ бы онъ въ четверть часа
 „исполнить сіе повелѣніе.„ Одинъ
 шолько *Мисантролъ* можетъ имѣть
 шоль безкорыстныхъ, и столь пре-
 данныхъ къ своему Государю чувство-

ванія. Я повшорюю еще, мудрый и ученый *Маликульмулкъ*, чшобъ бышь совершенно честнымъ человекомъ, надлежишь бышь нѣсколько подобнымъ *Мисантролу*.

Наконецъ чрезъ названіе *Мисантрола*, не разумю я здѣсь шого бѣшеннаго и несноснѣйшаго врага самому себѣ и всему роду человеческому, который ненавидишь за то, что они люди. Я желаю, чшобъ шотъ суровый и задумчивый мудрецъ, о коемъ я говорю, ненавидѣлъ шолько пороки, сожалѣлъ о порочныхъ; и чшобъ, упрекая людей зараженныхъ оными, поставлялъ главнѣйшимъ своимъ предметомъ ихъ исправленіе. Между *Мисантроломъ*, коего писалъ *Моліеръ*, и шѣмъ бѣшенымъ Аѣиняниномъ, о которомъ *Плутархъ* насъ увѣдомляетъ, находишься величайшее различіе. Весьма несвойственно приписали *Тимону* названіе *Мизантрола*, надлежало бы лучше назвашь его *лотымъ звѣремъ*, или *разбяренымъ медвѣдемъ*. Должно

ли почипашь челоувкомъ шого, ко-
 шорый былъ свирѣпе льва и крово-
 жаднѣ шигра? Сей извергъ чело-
 вѣчешва, о кошоромъ я говорю, жилъ
 одинъ въ загородномъ своемъ домѣ
 близъ города Аѣинъ, гдѣ не имѣлъ ни
 съ кѣмъ больше знакомешва, кромѣ
 одного шолько *Алкивиада*. Когда во-
 прошали его, почему ненавидя во-
 обще всѣхъ людей, предпочелъ онъ
 сего молодого Грека прочимъ людямъ,
 шо ошвѣшшвовалъ онъ на сіе слѣ-
 дующее: „Я люблю и имѣю знаком-
 „ешво съ Алкивиадомъ для шого, что
 „предвижу, заранѣе шѣ бѣдешвія, ко-
 „шорыя причинишъ онъ нѣкогда всей
 „Республикѣ. Не думайте, что бы
 „дружешшо меня съ нимъ соединило:
 „нѣшъ! меня прельщашъ шолько
 „шотъ огонь, кошорымъ ошъ него
 „вся Греція воспылаешъ.„

Ненависть *Тимонова* къ своимъ
 соошчичамъ проспиралась до такой
 крайности, что всякое зло, имѣ при-
 чиненное, приводило его въ восши-

Часть I.

6

щеніе. Рассказываютъ, что въ саду загороднаго его дома было нѣсколько деревьевъ, на которыхъ опчаянные люди оканчивали обыкновенно дни свои удавкою. Онъ имѣя намѣреніе вырубить сіи деревья, дабы на томъ мѣстѣ построить нѣкоторое зданіе, пошелъ прежде въ Аѣины, гдѣ созвалъ весь народъ на большую площадь. Греки, пораженные необычнымъ симъ созывомъ, бѣжали шуда толпами; однакожъ весьма худо награждены были за свое любопытство. *Тимонъ* увѣдомилъ ихъ, что онъ за благоразсудилъ чрезъ нѣсколько дней срубить деревья, находящіяся у него въ саду, и для того заблаговременно даетъ знать, буде кто имѣетъ желаніе удавиться, но чшобъ не теряли времени. Послѣ сей прекрасной и прогающей рѣчи, распустилъ онъ своихъ слушателей. По моему мнѣнію весьма бы хорошо сдѣлали, естлибъ сего краснорѣчиваго Орапора убили они въ шужъ минушу каменьями.

Сихъ изверговъ челоуѣчества, надлежитъ испреблять со всевозможною поспѣшностію, опасаясь, дабы ядъ пагубныхъ ихъ предразсудковъ не повредилъ людей, наклонныхъ и безъ того болѣе ко злу, нежели къ добродѣтели. Какихъ слѣдствій должна была ожидать Греція отъ учрежденной шамъ Цинической Секты? И такъ, когда нашлись споль глупые и споль безумные люди, кои при глазахъ цѣлаго народа не стыдились опправлять безчиннѣйшія дѣянія, то легко можешъ такъ же случиться, что соберешся когда нибудь скопище подобныхъ *Тимону* бѣшенныхъ людей, кои объявляя себя явно смертельными врагами челоуѣческаго рода, увѣщавашъ будущъ всякаго съ ними встрѣчающагося, дабы онъ безъ дальнаго размышленія, какъ возможно скорѣе удавился.

Я думаю, ты согласишься со мною, мудрый и ученый *Маликуль-мулькѣ*, что Дѣянне весьма бы благо-

разумно поступили, еспьли бы они наказали смершію *Тимона* за дерзновенную его рѣчь. Кажется мнѣ, что довольно уже я извяснилъ, какое великое различіе находишься между симъ бѣснующимся и *Мисантроломъ*; одинъ ненавидѣлъ людей, а другой ненавидѣлъ только ихъ пороки. Наконецъ, оспаеся намъ желать, премудрый *Маликульмулкъ*, чтобъ Небо низпослало людямъ друга, такого мудраго *Мисантрола*, который, уличая ихъ въ погрѣшностяхъ, побуждалъ бы чрезъ то къ исправленію оныхъ.

П И С Ь М О V.

*Отъ Астарота къ волшебнику
Маликульмулку.*

Отсутствіе мое изъ ада, мудрый и ученый *Маликульмулкъ*, естъ главнѣйшая причина моего молчанія. Я принужденъ былъ болѣе двухъ мѣсяцовъ

пробышь въ Парижѣ. Тебѣ извѣстно, что со временъ великаго Агриппы, открывшаго людямъ шайну вызывать насъ прошивъ воли на шопъ свѣтъ, не рѣдко мы принуждены бываемъ, оставя мрачное наше жилище, исполнять ихъ повелѣнія.

Нѣкоторый Стихотворецъ, коего обстоятельства были въ великой разстройкѣ, принужденнымъ себя нашелъ, страшнѣйшими заклинаніями призывать насъ къ себѣ на помощь. Веелзевулъ, услыша томный голосъ сего пишомца Музъ, приказалъ мнѣ освѣдомиться немедленно, чего онъ желаетъ. Исполняя сіе повелѣніе, предсталъ я предъ него въ видѣ самоуженнаго сборщика. „Что тебѣ надобно? сказалъ я ему: я шопъ бѣсѣ, коего ты призывалъ: говори, желанія твои будутъ исполнены. — Я вижу, отвѣтствовалъ Стихотворецъ, запинаясь отъ робости, что ты, наивеличайшій плутъ и обманщикъ, изъ всего бѣсовскаго вашего рода;

„ибо нарядъ твой показываетъ мнѣ,
 „что ты и въ адѣ опправляешь такую
 „должность, которая на здѣшнемъ
 „свѣтѣ ничего добраго не предвѣ-
 „щаетъ. И такъ возвратись опять
 „въ прежнее свое жилище: я не споль
 „глубь, чтобъ положился на обѣщаніе
 „бѣса, опправляющаго споль скард-
 „ную должность. „

„Ты несправедливо рассуждаешь,
 „оптвѣстивоваль я Спихопворцу, о
 „моихъ качествахъ; знай, что въ адѣ
 „всѣ дѣла дѣлаются не такъ, какъ
 „на нашемъ свѣтѣ: у насъ наиче-
 „спнѣйшіе бѣсы, коихъ вѣрность ни-
 „мало неподозрительна, употребля-
 „ются обыкновенно для сбора до-
 „ходовъ; и когда ученый человекъ,
 „а особливо Спихопворецъ попре-
 „буешь нашей помощи, то всегда
 „посылается къ нему бѣсѣ опкуп-
 „щикъ или таможенный сборщикъ;
 „ибо намъ извѣстно, что голодъ и
 „жажда суть главнѣйшія нужды, въ
 „коихъ должно имъ помогать. Когда

„такъ, сказалъ Стихотворецъ, по
 „сдѣлай милость, употреби какъ
 „можно поскорѣе извѣстныя тебѣ
 „средства для утоленія моего голода.
 „Цѣлые два дни наблюдаю я по неволѣ
 „наиспрожайшій постъ; естлибъ
 „ты не подоспѣлъ ко мнѣ на помощь,
 „то принужденъ бы я былъ продать
 „на рынкѣ послѣднее мое имущество,
 „по ешь: чернильницу; и думаю,
 „что въ погашеннѣ моемъ положе-
 „ннн, охотно бы уступилъ ее за
 „двухъ копѣшней калачъ. Ты будешь
 „удовольствованъ, ошвѣщсшвовалъ я
 „голодному пшмцу Музъ. Въ самое
 „то время увидѣлъ онъ въ своей ком-
 „натѣ сшолъ со множествомъ ку-
 „шанья. Ёшь, сказалъ я ему; а послѣ
 „поговоримъ о твоихъ дѣлахъ. Онъ
 „сѣ великою ошошою повиновался мо-
 „ему приказанню, и кушалъ сѣ такою
 „умѣренностню, что я опасался, дабы
 „не лопнулъ у него желудокъ.„

Когда пересшалъ онъ ёсть, пошому
 что болѣе уже въ него не шло, по

спросилъ я его, чего еще онъ отъ
 меня желаетъ? „Я желалъ бы, ошвѣш-
 „ствовалъ онъ, чшобъ снабдилъ ты
 „меня знашною суммою денегъ, дабы
 „не имѣлъ я болѣе нужды безпокоишь
 „себя моими прозьбами, и чшобъ въ
 „послѣдующее время не умереть съ
 „голоду. Сіе не трудно сдѣлать, ска-
 „залъ я ему, отдавая большой коше-
 „лекъ съ полновѣсными червонцами.
 „Не привидѣніе ли это? вскричалъ
 „онъ съ всхищеніемъ. Въ самомъ ли
 „дѣлѣ существуетъ сіе золото, ко-
 „торое я вижу; и не сонное ли меч-
 „паніе льспишь мнѣ благополучіемъ,
 „которое вскорѣ можешь быть
 „исчезнетъ. „

„Не опасайся, ошвѣтствовалъ я,
 „все шо, чшо ты видишь, ешь
 „испина: и нѣтъ шупъ ни малѣйшаго
 „обмана. — Но скажи мнѣ, чшо это
 „за бумаги, которыя въ комнашъ
 „швоей повсюду разбросаны? Это,
 „ошвѣтствовалъ Стихотворецъ, Оды,
 „Сонеты, Мадригалы и Баллады,

„копорые сочинилъ я въ похвалу мно-
 „гихъ знашныхъ особъ. Такъ не уже
 „ли, сказалъ я, съ помощію красно-
 „рѣчія и поликихъ лжей, не умѣлъ
 „шы сыскать себѣ пропитанія? По
 „видимому всѣ шѣ, коихъ осыпалъ
 „шы похвалами, не весьма были шаро-
 „вапы. Я подносилъ свои сочине-
 „нія, опшвѣшсшвовалъ Спихопворецъ,
 „шѣмъ, коихъ щедрость и велико-
 „душіе какъ въ городѣ, шакъ и при
 „Дворѣ, до небесъ превозносили;
 „однакожъ получаемыя мною награ-
 „жденія не соопшвѣшсшвовали гремя-
 „щей о нихъ славѣ. Одинъ только не
 „давно разбогатѣвшій господинъ, ко-
 „порого отецъ былъ конюхомъ, по-
 „дарилъ мнѣ шесть луидоровъ за то,
 „что вывелъ я его родословную отъ
 „великаго Могола. По несчастію про-
 „говорился я о семъ подаркѣ нѣкошо-
 „рому моему пріятели, шакомужъ ни-
 „щенсшвующему Спихопворцу, какъ
 „и я былъ до сего времени, копорый
 „столь неопшсшпно ко мнѣ присша-

Часъ I.

7

„валъ, что я принужденъ былъ дать
 „ему въ займы два луидора. Получа
 „оныя, выкупилъ онъ пошчасъ свою
 „спраедію, бывшую въ закладѣ у
 „служителя нѣкотораго комедіанта,
 „отдалъ ее на шеюшрѣ, надѣясь, что
 „принесетъ она ему очень много
 „барыша; но при первомъ предспа
 „вленіи ее освистали. Послѣ чего
 „пріятель мой чрезъ нѣсколько дней
 „умеръ съ печали; а мои деньги,
 „шакъ же за нимъ во гробъ послѣ
 „довали. „

„Для чего же, спросилъ я у Спихо
 „шворца, будучи шакъ несчастливъ
 „въ ученыхъ своихъ дѣлахъ, не при
 „нялся шы за другой какой промы
 „селъ? Мнѣ кажешся, что состояніе
 „сыслаго извощика, гораздо предпо
 „чтительнѣе состоянію голоднаго
 „Спихошворца. Прилбпляясь къ Му
 „замъ, чаще дѣлаютъ себѣ вредъ, не
 „жели пользу. Возможно ли, опвѣш
 „сповалъ мнѣ ученикъ Аполлоновъ,
 „чтобъ человекъ привыкнущій взи

„рашь на себя, какъ на нѣкоторый
 „родъ божества, могъ упражняться
 „въ постыдномъ какомъ промыслѣ?
 „Тщеславіе и приспращіе къ спихо-
 „творству управляли всѣми моими
 „дѣянiями. Сіи слабости свойственны
 „не только мнѣ, но и всѣй моей со-
 „братіи; нѣтъ ни одного изъ насъ,
 „которой бы не пославлялъ себя
 „выше всего на свѣтѣ. Когда сравни-
 „ваемъ мы Гомера съ Ахиллесомъ,
 „или Августа съ Виргиліемъ, то
 „дѣлаемъ сіе нарочно для того, чтобы
 „усугубить собственную нашу славу.
 „Естьлибъ найденъ былъ такой спо-
 „собъ, чтобы человекъ могъ пребыть
 „безъ пищи, то я увѣренъ, что
 „большая часть Писателей, предпочли
 „бы свои дарованiя престоломъ вели-
 „чайшихъ Государей. Скалигеръ гово-
 „рилъ, что онъ охотнѣе бы согла-
 „сился бытъ Гораціемъ, нежели Неапо-
 „литанскимъ и Сицилійскимъ Коро-
 „лемъ. Однакожъ, думаю, естьлибъ
 „случилось ему бытъ въ такой край-

•

„ности, въ какой находился я, до
 „швоего ко мнѣ прибытія, по пере-
 „мѣнилъ бы конечно свои мысли. „
 Ушѣвшись, сказалъ я Спихотворцу,
 „впредь не будешь ты имѣть ни
 „въ чемъ недоспашка. „ Сказавъ сіи
 слова, хотѣлъ было я отъ него уда-
 литься; но онъ усиленно меня про-
 силъ, дабы позволилъ я ему предспа-
 вить къ себѣ нѣкошораго его прия-
 шеля, желающаго вступишь въ при-
 казную службу. Я не премину увѣдо-
 мить себя послѣ, мудрый и ученый
Маликульмулкѣ, о разговорѣ, копо-
 рый былъ у насъ съ симъ человекѣмъ.

П И С Ь М О VI.

*Отъ Гнома Зора къ волшебнику
 Мваликульмулку.*

Вчерашняго дня, любезный *Мали-
 кульмулкѣ*, вылетѣлъ я изъ своего
 жилища на свѣтѣ для набранія надоб-

ныхъ людей и для закупки уборовъ, о кошорыхъ, при самомъ моемъ отпра- вленіи изъ ада, препоручено мнѣ было. Имѣя множество денегъ, при кошо- рыхъ, какъ сказываютъ, нѣтъ ничего въ свѣтѣ невозможнаго, ты подум- аешь, что я въ одну минушу могъ исполнишь желаніе *Прозерлины*; но какъ ты удивишься, когда узнаешь, что ничего нѣтъ труднѣе такихъ препорученій.

Вылешѣвъ на поверхность земли, устремился я прямо къ средоточію роскоши: по есть, къ большому, великолѣпному и многолюдному городу Европы. Жители онаго могутъ по справедливости почитаться нынѣ по- равнявшимися съ самыми шѣми, ко- шорые въ сей части свѣта издавна почитаются образцами новыхъ изо- брѣшеній, и кои стараются весьма искусно выводить истинную добро- дѣтель. Ихъ-по Философіи обязанъ нынѣ свѣтъ многими такъ называю- щимися *людьми безъ предразсуденія*,

кошорые за кусоѣъ золота въ состо-
яніи продашь своихъ друзей, родню,
или и все свое опечесство, для того
только, чѣтобъ посредствомъ онаго
показаться въ хорошихъ нарядахъ и
великолѣпныхъ колесницахъ. По тако-
вымъ подлинникамъ можно судить и
о спискахъ, не уступающихъ образ-
цамъ своимъ въ свойственной имъ
добротѣ, и навѣрное угадать, чѣто
я сыскавъ столь чѣстные селенія,
не почелъ за нужное лѣзть далѣе,
а избралъ сей городъ лавкою своихъ
покупокъ.

Чѣтобъ знать вкусъ въ нарядахъ,
надобно непременно хорошее знаком-
ство, а чѣтобъ имѣть оное, нужны
деньги, почитающіяся всеобщимъ клю-
чемъ, которымъ нынѣ заводятся боль-
шіе часы свѣта. Слѣдуя сему пра-
вилу, я принялъ видъ молодого и при-
гожаго человѣка, пошому чѣто цвѣту-
щая молодость, пріятности и кра-
соша, въ нынѣшнее время, такъ же
въ весьма немаломъ уваженіи, и при

въкоторыхъ случаяхъ, какъ сказывають, производящъ великія чудеса; а при столь выгодной наружности, не позабылъ я предсавить себя въ богатомъ кафтанѣ, въ которомъ, можетъ быть, почли бы меня за какого нибудь ученаго, естлибѣ не былъ онъ весь въ золотѣ. Не успѣлъ я показаться въ семь видѣ, въ одномъ изъ шѣхъ пракшировъ, въ которыхъ прибзгіе находятъ себѣ пристанище, какъ премножество молодыхъ людей кричали мнѣ свои привѣтствія, и каждый изъ нихъ предлагалъ мнѣ тысячу услугъ. Петимешрѣ обѣщалъ меня познакомить съ своимъ порпнымъ и парикмахеромъ, пьяница хотѣлъ вести въ такую пракширѣ, въ которомъ продаются лучшія вина; а каршежникъ шепталъ мнѣ на ухо, что бы иппи съ нимъ обыгрывать его знакомаго на вѣрную, но я проницаніемъ своимъ узналъ, что онъ, такими услугами, разорилъ уже не одну дюжину безумцевъ.

Всѣ вообще спрашивали меня, кто я шаковъ? откуда прибѣхалъ? и какая моя надобность? — Милостивый государь! сказалъ миѣ одинъ изъ нихъ, находившійся съ разпрепанными волосами, который былъ уже въ полпьяна и допивалъ шестую порцію пуншу, не шяжба ли какая причиною вашего сюда прибѣзда? Еслии такъ, то я охотно предлагаю вамъ свои услуги, дядя мой значной человекъ, и онъ за удовольствіе себѣ почтешъ склонить судьей на вашу сторону, былибъ только худы обстоятельства вашего дѣла! Вамъ стоить токмо уступить дядюшкѣ половину иска, и я васъ увѣряю, что спорная земля ваша. Вы можете узнать отъ другихъ, что въ 15 лѣтъ по вступленіи его въ свою должность, онъ тысячу дѣлъ поворошилъ на такую сторону, на какую ему захошлось; впрочемъ, еслии вамъ нужда, то я увѣряю васъ своимъ и дядюшкинымъ честнымъ словомъ, что онъ, за весьма сходную

цѣму, согласится уморить въ шюрмѣ
вашихъ соперниковъ. Я благодарилъ
сего добраго человека, и признавался
ему, что мнѣ нѣтъ нужды въ его
услугахъ; это его нѣсколько раз-
сердило, и онъ въ молчаніи при-
нялся допивать шестую свою порцію
пуншу.

Я не успѣлъ еще отблагодарить
сего услужливаго человека, какъ во-
шелъ въ комнату, съ опухлыми гла-
зами, съ распегнутымъ камзоломъ
и съ обкусанными губами молодой
человѣкъ, спросилъ чашку шоколаду;
я бы почелъ его за какогонибудь
пишомца Музѣ, если бы поданная
ему въ долгъ чашка шоколаду не
опровергла сего мнѣнія; ибо мнѣ
извѣстно, отъ тѣхъ преселяющихся
въ адъ, что въ свѣтѣ всѣ ученые
весьма малую имѣютъ довѣренность.
Я сѣлъ подлѣ его въ намѣреніи свести
съ нимъ знакомство, и подлинно мы
не долго были съ нимъ въ молчаніи;
онъ первый началъ разговоръ слѣдую-

цимъ образомъ: по моему мнѣнію, государь мой! нѣтъ никакой науки пруднѣе той, копорая учить, какъ жить въ свѣтѣ! Чортъ меня возьми! вскричалъ онъ, естли не суще дурачество дѣлають тѣ, копорые предписывають шому правила. — Это правда, государь мой! ошвѣчалъ я; ибо правила могутъ быть непремѣнными въ одной только Машемашикѣ, но въ повсечасно перемѣняющихся случаяхъ ихъ соблюсти неудобно; и правила, касательно до общежитія, такъ же способно предписать, какъ удобно шить кафтаны по одной мѣркѣ на весь городъ; однакожъ, со всѣмъ тѣмъ, должно въ жизни предполагать главнѣйшія начала, копорымъ слѣдуя, можно принаравливать оныя къ случающимся обстоятельствомъ. Напримѣръ: естли кто положитъ себѣ правиломъ быть тѣмъ довольну, что имѣеть и сноситъ великодушно случающіяся несчастья, почиая ихъ неизбѣжными въ сей

жизни, шотѣ. . . . Эхѣ, государь мой! перехватилѣ онѣ рѣчь мою, эшо шо же, какѣ бы кто сказалѣ, что не мудрено познашь систему свѣта, нужно шолько выучить Математику Физику! Слово: выучишь Математику, произносится очень легко, но въ немѣ замыкается штысяча препятствій, и его не шакѣ-шо удобно можно исполнить. Многие Философы говорили, что надобно бытъ всѣмѣ довольну, признавая, что въ семѣ общемѣ положеніи много заключаешся, но на самомѣ дѣлѣ не легко оное исполнить, я самѣ по себѣ эшо знаю; взявѣ отѣ отца 1000 рублей на годѣ, я прибѣжаю сюда въ намѣреніи не желать ничево болѣе, и подлинно думаю шакѣ нѣсколько мѣсяцовѣ; но наконецѣ нахожу знакомцевѣ, которые швердятѣ мнѣ безпрестанно, что я бѣденѣ, что Графѣ *Безлутовѣ* имѣетѣ въ десять разѣ лучшее содержаніе, нежели я, и все эшо заслужилѣ шолько шѣмѣ, что родился

отъ знашнаго отца; что молодой *Безщетовъ* имѣетъ лучшихъ лошадей въ городѣ и прекрасную любовницу, а сдѣлалъ важнаго для опечесства только то, что посредствомъ своихъ денегъ надѣлъ на себя военной мундиръ, довольно порядочной степени, и умножилъ шѣмъ число шишулярныхъ служивыхъ. Послѣ сего, говорятъ мнѣ, чтобъ состояніе свое поправилъ картами, и доказываютъ ясно, что ничего нѣтъ легче, какъ выиграть 10000 рублей въ одинъ вечеръ; я этому вѣрю, беру карты, меня вводятъ въ одинъ домъ, гдѣ указываютъ мнѣ собраніе сихъ счастливецъ, изъ которыхъ большая половина сидѣли въ опчаяніи, безъ кафтановъ и безъ камзоловъ; это меня нѣсколько утѣшило, но пріятели мои принимаются за убѣдительныя свои доказательсва, и говорятъ, что когда двое играютъ, то нешѣмъно должно, чтобъ одинъ изъ нихъ проигралъ, а другой выигралъ. Сіи самыя полунагіе

служащѣ доказательствомъ, что есть счастливыцы, которые у нихъ все выиграли, послѣ чего я сажусь и проигрываю свой годовой доходъ, попомъ на 3000 даю векселей. Теперь скажише, могу ли я быть довольнымъ моими обстоятельствомами? Однакожъ, сударь, продолжалъ онъ, еслии вамъ угодно, и когда есть у васъ деньги, то вы можете сдѣлать и свое и мое счастье; пойдете только въ томъ домъ, гдѣ пополамъ конечно мы выиграемъ у сихъ счастливецевъ, чего они меня лишили, а можетъ быть, что и во сто разъ болѣе у нихъ у самихъ выиграемъ. — Онъ бы еще далѣе продолжалъ свою рѣчь, еслии бы не вошелъ тогда одинъ его знакомецъ, который нѣчто шепнулъ ему на ухо, и мой несчастливой каршежникъ бросился спремглавъ изъ комнаты, сказавъ намъ, что онъ идетъ вновь спорить со счастьемъ. Лишь только онъ вышелъ, то его другъ, кошорой на нѣсколько времени оста-

вался съ нами, зачалъ говорить съ другими своими знакомцами, и я слышалъ, какъ они стоваривались обыграшь того молодого человѣка, за которымъ пошъ же часъ вышли. Вошъ, ученый *Маликульмулькъ*, малая картина людей. — Нынѣ весь свѣтъ играетъ въ карты, и всегда двое продають прешьяго. Я писалъ о семъ къ *Диогену*, и заключилъ, что можно судить по картамъ и о Полипикѣ; но онъ опвѣчалъ мнѣ, что въ его время не играли въ карты и не знали Полипики, и пошому проситъ отъ меня другаго сравненія; но оставимъ эпо и возвратимся къ моей повѣсти. Лишь только вышла толпа соединенныхъ сихъ картежниковъ, то вошелъ въ комнату пребогато одѣшой человѣкъ. Вошъ, думалъ я самъ въ себѣ, пошъ, кого мнѣ надобно, отъ него неопмѣнно получу я свѣденіе о модахъ. *Вѣтродумъ*, такъ онъ назывался, зачиналъ говорить о шысячи разныхъ предметахъ и ни объ одномъ не оканчивалъ,

онѣ садился для того, что бы сдѣлать изъ себя хорошую фигуру и съ намѣреніемъ пилъ, что бы имѣть случай дѣлать пріятныя ужимки. Между соннею сдѣланныхъ имѣ мнѣ вопросовъ, былъ для меня самый нужный: за чемъ я прибѣхалъ въ городъ? На что я оповѣщивалъ ему, сколько могъ учтиво; сказавъ, что я богашой дворянинъ и прибѣхалъ въ сей городъ за тѣмъ, чтобъ по прозвѣбъ моихъ родственниковъ вывезти имѣ модныхъ уборовъ и.... О! что до эпова принадлежищъ, вскричалъ онѣ, то вы ничего лучше не сдѣлаете, какъ естли адресуешь ко мнѣ. Я васъ, въ два часа, корошко познакомлю съ моею пешушкою, которая уже тридцать лѣтъ учится наукѣ нравиться, и почищается здѣсь во всемъ городѣ первую щеголихою. Вы кромѣ ее не получите ни ошъ кого подробнѣ наставленія о нарядахъ; да, эпо женщина такая, которая дѣлаетъ честь своему полу и живетъ прямо

щегольски; днемъ спитъ, ночное время проводишь въ забавахъ, туалетъ ея занимаешь 4 часа; обѣденной и вечерней 5; 9 часовъ она провождаетъ во снѣ, а прочее время употребляетъ для своихъ веселостей; словомъ: это *безлримѣрная женщина*, и мы завтра у нее обѣдаемъ. Послѣ сего онъ схвативъ мою руку, потрясъ оную и скрылся отъ меня, какъ молнія, сказавъ, чтобъ я на другой день дожидался его въ томъ же мѣстѣ. И такъ, любезный *Маликульмулькъ*, я остаюсь въ неперпѣливости сдѣлавъ сіе знакомство, и въ первомъ письмѣ подробно увѣдомлю тебя о сей *безлримѣрной женщинѣ* и о семъ молодомъ вѣтреникѣ, которые, можетъ быть, будутъ служить образцами для всего ада.

Я повстрѣчалъ своего брата *Буристана*, онъ очень не весело ходитъ, и не надѣется, чтобъ могъ скоро исполнить приказанія *Плутоновы*, такъ какъ и я *Прозерлинины*.

П И С Ь М О VII.

Отъ Силсфа Далновида къ волшебнику Маликульмулькѣ.

Пробывши нѣсколько дней въ семъ городѣ, мудрый и ученый *Маликульмулькѣ*, и лешая нѣкогда надъ садомъ, усмопрѣлъ я въ одной шемной алеѣ женщину показавшуюся мнѣ старѣе шестидесяти лѣтъ, которая говорила съ великою горячностію съ одною молодою дѣвучкою, имѣющею не болѣе шестнадцати или семнадцати лѣтъ, слушавшею ея, краснѣясь и съ популенными глазами; любопытствуя услышать, что разговариваютъ сіи двѣ женщины, я подлѣтѣвъ сълѣ подлѣ ихъ, и разговоръ ихъ показался мнѣ очень чуднымъ.

Старуха была изъ числа тѣхъ торговокъ, продающихъ модныя женскіе уборы, кои получаютъ болѣе прибышка отъ переноса любовныхъ писемъ, отъ склоненія молодыхъ

Часть I.

8

дѣвушекъ къ любви и опѣ назначенія любовникамъ свиданія, нежели опѣ продажи кружевъ, чепчиковъ и модныхъ шляпокъ, а молодая дѣвушка, разговаривающая съ нею, была золошвейка, она имѣла видѣ шихой, скромной и постоянной; однакожъ была одѣта богатѣе, нежели, какъ бы было пристойно ея сословію. Послушай Лизынька, говорила спаруха, ты не должна надѣяться, чшобъ господинъ *Расточителевъ* непрестанно осыпалъ тебя своими подарками. Вотъ уже онъ подарилъ тебѣ два плашья, при куска полотна и восемь имперіаловъ на швои забавы; ты все эшо чрезъ меня получила, но цѣлой уже почти мѣсяцъ ты мнѣ обѣщаешь приѣхать со мною къ нему, и по сю пору не исполняешь своего слова. Не стыдно ли тебѣ обманывать шакова честнаго господина, кошорый даритъ тебя шполь щедро, и ищетъ только случая сдѣлать тебя счастливою? Ты сама, душинька, шеряешь свое

счастіе , и ежели еще поступишь будешь такимъ образомъ , то послѣ сама расквешься , но тогда уже будешь поздно . Г. *Растопителевъ* , говорилъ уже мнѣ о Машѣ , ему скучно свое упорство , и ежели онъ однажды увидитъ эту дѣвку , то она конечно заспунитъ по мѣсто , которое для себя готовилось ; тогда прощай платья , уборы и всѣ забавы , ты ничего уже имѣть не будешь , а по прежнему будешь провождать всю жизнь свою онъ упра до вечера въ шипѣ золотомъ , и будешь видѣть Машу , которая ничемъ себя не лучше , одѣтую въ богатое платье и ѣдущую по всѣмъ позорищамъ , какъ , какъ знашную барыню . Такъ , душинька , она будешь , какъ знашная барыня . Да знаешь ли ты , что Г. *Растопителевъ* намѣренъ для себя нанять великолѣпной домъ , дасть тебѣ богатой экипажъ , и опредѣлитъ доходъ на всю свою жизнь ? Это между нами сказано , я почишаю тебя дѣвицею

скромною, и не опасуюсь, чтобъ ты ему о томъ пересказала; я чрезъ то лишилась бы совсѣмъ его довѣренности, и желая тебѣ услужить, поспѣяла бы въ немъ хорошаго покровителя. Ты меня знаешь, я не захочу тебя обманывать. Повѣрь, другъ мой, что все это я дѣлаю единственно изъ дружбы къ тебѣ; мнѣ очень досадно, что ты лишаешь себя такого благополучія. Посмотри на всѣхъ оперныхъ дѣвокъ, онѣ великолѣпнѣе своимъ кажутся Графинями; но что были бы онѣ безъ любовниковъ? Имъ не начто бы было купить и башмаковъ. Подумай о своемъ счастіи, ты находишь такого честнаго и щедраго человека, который изъ золошешвейки хочетъ сдѣлать тебя подобною значнымъ госпожамъ, а ты не склоняешься на его предложеніе; ты въ этомъ случаѣ очень не разумна; не стыдно ли тебѣ, я право думала найди въ тебѣ больше разума и разсудка. Ахъ, Боже мой, госпожа *Плутана*, ошвѣщ-

спшвовала молодая дѣвица, я очень бы желала бышь другомъ Господину *Расточителеву*, да онѣ шребуешѣ отѣ меня шого, на чшо мнѣ очень шрудно согласишься, и чшо меня чрезвычайно оскорбишь можешѣ. Ежели шо правда, какѣ шы мнѣ сказываешѣ, чшо онѣ спшолько меня любишь, шо для чего же все шо, о чемѣ шы мнѣ упоминала, не хочешѣ онѣ сдѣлать, не шребуя отѣ меня ничего, единспвенно шолько для шого, чшобѣ меня шѣмѣ больше одолжишь? Ежели бы я чувспшвовала кѣ господину *Расточителеву* спшоль великую любовь, какую чувспшвуетѣ онѣ, по увѣренію швоему, ко мнѣ, шо я не шребовала бы отѣ него ничего шакого, чшо бы ему не нравилось, и не спшала бы просишь его о шакомѣ снизхожденіи, кошорое бы его огорчило и повредило его чешъ. На чшо онѣ хочешѣ, чшобѣ я кѣ нему приѣхала? Не видишь ли онѣ меня всегда на гуляньѣ, вѣ церквѣ, на улицѣ и вѣ окошкѣ? Я для угожденія ему,

когда онъ стоитъ въ своемъ окнѣ, всегда спараюсь изъ нашего окна ему показываться, и мнѣ кажется, что онъ имѣлъ довольно уже времени на меня насмотрѣться.

Ты разсуждаешь, сказала спаруха, такъ какъ прехлѣпней младенецъ. Не ужьли ты думаешь, что Г. *Растопителевъ* можетъ быть доволенъ однимъ только на себя смотрѣніемъ? Ежели бы ему нужно было только это, то нашелъ бы онъ множество спасуей гораздо тебя прекраснѣе, на которыя смотря могъ бы довольствоваться свое зрѣніе, ничего не спрашивая. Нѣтъ, душинька! для него нужна красота одушевленная, ты показываешь въ себѣ совершенную невинность; однакожъ на самомъ дѣлѣ ты не такъ проста, какую себя показывать хочешь; въ твои лѣта можно уже знать, что мужчины любящъ женщинъ не съ тѣмъ, чтобъ только на нихъ смотрѣть. Не уже ли ты боишься два часа побыть наединѣ съ Г. *Растопителевымъ*? О!

повѣрь мнѣ, я тебѣ въ томъ порукою, что такія свиданія не такъ опасны, какъ ты думаешь, и почто тебя увѣряю, что ежели ты два раза такимъ образомъ будешь имѣть съ нимъ свиданіе, то въ третій разъ для самой тебя столько же казаться будешь пріятно, сколько и для него. Спроси у Напаша, которая очень часто видалась съ Г. *Вѣтрогономъ*, хорошимъ пріятелемъ Г. *Растопителева*, имѣешь ли она причину жаловаться на первое уединенное свиданіе, которое она съ нимъ имѣла.

Отъ того-то самаго, отвѣтствовала дѣвушка, что рассказывала мнѣ Напаша, я и боюсь быть наединѣ съ Г. *Растопителевымъ*. Я никакъ не могла бы снести, ежели бы онъ спалъ со мною такъ же поступать, какъ пріятель его поступалъ съ Напашею... Подумай, госпожа *Плутона*, хотя я и бѣдная золотишвейка; однакожъ столько же уважаю мою честию, какъ и знатная госпожа. Слава Богу,

до нынѣ я ни въ чемъ упрекать себя не могу, и могу побожиться безъ угрызенія совѣсти о моей невинности.

Я очень въ эшомъ увѣрена, говорила старуха, усмѣхнувшись, и ежели бы ты не была такава, то бы я за себя не опвѣчала Г. *Расточителеву*; но не уже ли ты хочешь навсегда таковою оспашься? Скажи мнѣ, душинька, что лучше, бышь честною и цѣломудренною; но худо одѣшою, бѣдною и опѣ всѣхъ презрѣнною дѣвучкою: или безъ цѣломудрія, бышь богашою, одѣвашься въ блистательные наряды, жишь въ великолѣпномъ домѣ и ѣздитъ въ богатомъ экипажѣ; я обѣ эшомъ спрашиваю собственнаго швоего мнѣнія? Посмотри на шарую свою масхерицу, у кошорой ты учишься шить золотомъ, она понынѣ сохраняетъ свое цѣломудріе, но почши умираетъ съ голоду: завидуешь ли ты ея жизни? Взгляни напрошивъ шого на *Любострасту*,

которая никогда не думала о своемъ цѣломудріи, какой имѣешь она богатой доходъ! Не захотѣла ли бы и ты жить такъ роскошно, какъ она? Ты слишкомъ уже уважаешь своимъ цѣломудріемъ. Ахъ, другъ мой! повѣрь мнѣ, что большая часть дѣвушекъ очень мало о немъ думаютъ, въ швои лѣта оно было бы для нихъ сполько же шягосшно, какъ сохраненіе шайны для болпливой шарухи. Ежели бы я сама была на швоемъ мѣстѣ, шо право бы не раздумала продать честь свою за такую дорогую цѣну. Упорство швое кажешся мнѣ очень смѣшнымъ. Каждой день дѣвокъ по двадцати, а иногда и больше сами просятъ меня, шобѣ я нашла для нихъ шакого честнаго человекъ, которой бы захотѣлъ взять ихъ къ себѣ и доставилъ бы имъ порядочную жизнь въ свѣтѣ. Мы нынѣ живемъ, благодаря просвѣщенію, въ такомъ вѣкѣ, въ кошоромъ оставили уже всѣ глупыя нѣжности и предрасудки. Тѣ, ко-

Часть I.

9

шорые злословящѣ дѣвокѣ, живущихѣ на содержаніи, и говорятѣ объ нихѣ худо, дѣлаютѣ шо единственно изѣ зависти и изѣ ревности; онѣ сами очень охотно хотѣли бы бытъ на мѣстѣ ихѣ, которыхѣ осуждаютѣ. Повѣрь, радость моя, что было очень много дѣвушекѣ, гораздо лучшаго передѣ шобою состоянія, копорымѣ я доставила выгодныя мѣста; а ты не больше, какѣ бѣдная золошвейка, но такѣ много уважаешь своею честію и упорствуюешь послѣдовать примѣру другихѣ. Ты хочешь въ себѣ показатѣ болѣ цѣломудрія, нежели Графиня *Вѣтрапа*, Княжна *Щелетихина* и прочія. Ты съ ума сходишь, душенька, въ тебѣ нѣтъ ни малаго разсудка. Мнѣ надобно надѣ шобою сжалишься и постарайся привести тебя на истинной пушь. Обѣщайся мнѣ, что ты сдержишь свое слово, и сего же дня вечеромѣ поѣдешь со мною ужинашь къ Г. *Растоптелсву*. Я тебѣ буду вмѣсто машери,

почитай меня истиннымъ своимъ другомъ, которой хочешь сдѣлать тебя благополучною. Ежели ты будешь во всемъ слѣдовать моимъ совѣтамъ, то я постараюсь, чтобы чрезъ два мѣсяца, было у тебя до тридцати великолѣпныхъ платьевъ, дюжинъ по шести всякаго бѣлья самаго лучшаго и тонкаго, и нѣсколько бриліантовъ. Увѣрь только меня, что ты не будешь впредь такъ глупа, и спанешь во всемъ меня слушаешься.

Ахъ! Г. *Плутана*, ошвѣтспивовала молодая дѣвушка покраснѣвшись, я сама вижу, что ты ни говоришь, для меня очень полезно; признайся, я чрезвычайно люблю наряды, и для того желала бы пользоваться любовію Г. *Растопителева*, но я все боюсь той страшной минуши, когда буду съ нимъ наединѣ. Желала бы я, ежели бы то было можно, чтобы ты не ошходила отъ меня ни на минушу.

О! ежели только этого тебѣ хочешь, сказала старуха, то я не

*

763573 A

оприцаюсъ тебѣя удовольствовашъ. Г. *Растопителевъ* имѣшъ ко мнѣ совершенную довѣренность, и мое присуствіе нимало его не потревожишъ. — Однакожь я прошу тебѣя, говорила дѣвица, что ежели.... О! будь увѣрена, прервала рѣчь ея старуха, что я тебѣ отвѣтствую за твою безопасность, и надѣюсь, что ты со временемъ за все то сама будешь меня благодарить; когда, слѣдуя моимъ совѣтамъ, увидишь себя живущую въ роскоши и веселостяхъ.

Послѣ сихъ словъ, старуха вышла изъ сада и дѣвушка за нею послѣдовала въ великомъ смущеніи; онѣ обѣсѣли въ наемную карету и поѣхали въ улицу.... А я, мудрый и ученый *Маликульмулькъ*, опять поднялся на воздухъ, проклиная эту проклятую старуху, адскую фурию и сообщницу злыхъ духовъ, которая старалась хитрыми своими словами склонить къ пошерянію добродѣтели бѣдную и цѣломудренную дѣвку. Я желалъ отъ

всего моего сердца, чшобѣ эта старая хрычовка, рано или поздно, получила доспойное наказаніе за свои злодѣйства; и чшобѣ ее хорошенько выспегали прущьями и засадили бы на всю ея жизнь вѣ смирипельной домѣ.

П И С Ь М О VIII.

Отѣ Силѣфа Свѣтовида къ волшебнику Маликульмулку.

Когда воображаю я, мудрый и ученый *Маликульмулкѣ*, что человекѣ ничемѣ другимѣ не опличается шолько ошѣ прочихѣ швореній, какѣ великоштію своей души, приобрѣшаемыми познаніями и упошребленіемѣ вѣ пользу шѣхѣ дарованій, коими Небо его ода-рило; шогда обраща взорѣ мой на жилище смершныхѣ, сѣ сожалѣніемѣ вижу, что поверхность обитаемого ими земнаго шара удручается множе-ствомѣ шакихѣ людей, коихѣ быше

какъ для нихъ самихъ, такъ и для общества совершенно бесполезно, и кои не только не вмѣняющъ въ безчестіе слышь шуеядцами; но поспранному нѣкому предубѣжденію почитающъ праздность, презрѣніе наукъ и невѣжество наилучшими доказательствами превосходства человеческого.

Деревенской дворянинъ, который провождаетъ всю свою жизнь, гонясь цѣлую недѣлю по полямъ съ собаками; а по воскреснымъ днямъ напиваясь пьянъ съ приходскимъ своимъ священникомъ, почелъ бы обезчещеннымъ благородство древней своей фамиліи, естлибъ занялся когда чтеніемъ какой нравѣучительной книги; ибо съ великимъ трудомъ едва научился онъ разбиратъ и календарные знаки. Науки почитающъ онъ совсѣмъ не свойственнымъ для благородныхъ людей упражненіемъ; главнѣйшее же ихъ преимущество поставляющъ въ томъ, чтобъ повторять часто съ над-

менностію сія слова: *мои деревни, мои крестьяне, мои сабаки* и прочее сему подобное. Онъ думаетъ, что исполняетъ тогда совершенно долгъ дворянина, когда цѣлый день гоняясь за зайцами, возвращается къ вечеру домой, и рассказываетъ съ воспоргомъ о тѣхъ неисповѣдимыхъ чудесахъ, которыя надѣлали въ шомъ день любимыя его сабаки: словомъ, ежедневное его упражненіе состоитъ въ шомъ, что онъ пьетъ, ѣстъ, спитъ и ѣздитъ съ сабаками.

Дворянинъ живущій въ городѣ и слѣдующій по стопамъ нынѣшнихъ модныхъ верпопраховъ, не лучше рассуждаетъ о наукахъ: хотя и не презираетъ онъ ихъ совершенно, однакожь почиаетъ за вздорныя и совсѣмъ за безполезныя познанія. „Не уже ли, говоришь онъ, долженъ я ломать голову, занимаясь сими глупостями, которыя не принесутъ мнѣ никакой прибыли? Къ чему полезна Философія? Ни къ чему болѣе, какъ

„полюко, что упражняющихся въ оной
 „глупцовъ, претворяетъ въ совершен-
 „ныхъ дураковъ. Разбогатѣлъ ли хотя
 „одинъ ученой отъ своей учености?
 „Наслаждается ли онъ лучшимъ здо-
 „ровьемъ, нежели прочіе? — Совсѣмъ
 „нѣтъ! Ученые и Философы таска-
 „ются иногда по миру; они подвер-
 „жены многимъ болѣзнямъ, по при-
 „чинѣ чрезмѣрнаго ихъ прилѣжанія;
 „зарывшись въ книгахъ, провождаютъ
 „они цѣлыя дни безвыходно въ своихъ
 „кабинетахъ; и наконецъ, послѣ тяж-
 „кихъ трудовъ, живучи во всю свою
 „жизнь въ бѣдности, умираютъ ша-
 „ковыми же. Куда какое завидное
 „состояніе! — По истинѣ, надобно
 „сойти съ ума, чтобъ имъ по-
 „слѣдовать. Пусть господа ученые
 „насыщаютъ желудки свои зеле-
 „ными лаврами и утоляютъ жажду
 „спруями Ипокрены; что до меня
 „касается, я не привыкъ къ ихъ
 „ученой пищѣ. Столь уставленной
 „множествомъ блюдъ съ хорошимъ

„кушаньемъ, и нѣсколько бушелоковъ
 „Бургонскаго вина, несравненно для
 „меня пріятнѣе. Вставъ изъ застола,
 „спѣшу я какъ наискорѣе заняться
 „другими веселостями: лечу на балъ,
 „иногда бѣгу въ театръ, послѣ въ
 „маскерадъ; и во всѣхъ сихъ мѣстахъ,
 „пою, танцую, рѣзвлюсь, кричу, и
 „всѣми силами стараюсь, что бы ни
 „о чемъ не помышляя, упражняюсь
 „единственно въ забавахъ.„

Вошъ, премудрый *Маликульмулькъ*,
 какимъ образомъ разсуждаютъ о на-
 укахъ большая часть дворянъ. Сколь
 достойны они сожалѣнія! — Естлибѣ
 сіи ослѣпленные глупымъ предразсу-
 жденіемъ шунядцы, могли когда по-
 чувствовашъ сіе сладчайшее удоволь-
 ствіе, сіе шайное восхищеніе, ко-
 торое люди упражняющіеся въ на-
 укахъ ощущаютъ, то перестали бы
 взирать на нихъ, какъ на несчаст-
 ныхъ, лишенныхъ въ жизни сей вся-
 каго ушѣшенія. Науки суть свѣтила,
 просвѣщающія души: человекъ обя-

шый мракомъ невѣжества, во сто разъ слѣпѣе того, который лишенъ зрѣнія опѣ самаго своего рожденія. Гомеръ хощя и не имѣлъ глазъ, однакожь все видѣлъ: завѣса, скрывающая опѣ него вселенную, была предѣ нимъ опкрыта; и разумъ его проникалъ даже во внутренность самаго ада.

Естьли дворяне, праздно живущіе въ деревняхъ и слѣдующіе модамъ нынѣшняго свѣта, будучи предубѣждены въ пользу своего невѣжества, мыслящъ столь низко и столь несвойственно съ званіемъ своимъ о наукахъ, то и служащіе въ военной службѣ, иногда подвержены бывающъ равному заблужденію. Жизнь сихъ людей, въ мирное время, прошекаетъ въ различныхъ жалостяхъ и совершенной праздности: билиардъ, каршы, пуншъ и воликишество за пригожими женщинами, вотъ лучшее упражненіе большей части офицеровъ. Ученый человекъ, въ глазахъ ихъ, ничто иное, какъ дуракъ, поставляющій въ помѣ

только свое благополучіе, чтобъ перебирать безпрестанно множество сшитыхъ и склеенныхъ лоскутковъ бумаги. „Какое удовольствіе, говорятъ они, сидѣть запершись одному въ кабинетъ, какъ медведю въ своей берлогѣ? Зрѣніе, наслаждается ли такимъ же удовольствіемъ при разсматриваніи библіотеки, какъ и при воззрѣніи на прелести прігожей женщины? Вкусъ, можешь ли равно удовольствованъ быть чтеніемъ книгъ, какъ Шампанскимъ и Бургонскимъ виномъ? Осязаніе бумаги, съ такою ли пріятностію поражаетъ наши чувства, какъ прикосновеніе къ нѣжной рукѣ какой красавицы? Слухъ, равное ли ощущаетъ удовольствіе отъ звука удаляющихся математическихъ инструментовъ, какъ отъ пріятнаго согласія опернаго оркестра? Чернила и песокъ, такое же ли испускаютъ благовоніе, какъ душистая наша пудра и помада? — Какую скучную

„жизнь провождаютъ ученые! — Воз-
 „можно ли, что бы человекъ, для
 „приобрѣтенія совсѣмъ безполезныхъ
 „въ общежитіи знаній, жертвовалъ
 „для нихъ своимъ покоемъ и весе-
 „лѣствіями. „

Такъ разсуждаетъ пустоголовый офицеръ, превозносящійся своимъ невѣжествомъ. Равнымъ образомъ и сластолюбивый богачъ, пользуясь оставшимся послѣ отца награбленнымъ имѣніемъ, и получая пятнадцать тысячъ рублей ежегоднаго дохода, нимало не помышляетъ о наукахъ. Роскошь и нѣга въ такое привели его расслабленіе, что потерялъ онъ почти совсѣмъ привычку дѣйствовать не только разумомъ, но и своими членами. Препровождая во снѣ большую часть дня, едва лишь только откроетъ онъ глаза, то входятъ къ нему въ спальню три или четыре камердинера, кои вышавивъ его изъ пуховиковъ, составляютъ нѣкошорый родъ гробницы, гдѣ ежедневно

на двѣнадцать часовъ онъ самъ себя погребаетъ, обуваютъ его, одѣваютъ, и наконецъ сажаютъ въ большіе кресла, на которыхъ дожидается онъ спокойно обѣденнаго времени. За столомъ просиживаетъ онъ три или четыре часа, и наполняетъ свой желудокъ тридцатью различными бѣствами, надъ приготовленіемъ которыхъ трудились во все утро пять или шесть поваровъ. Послѣ обѣда садится онъ опять на прежнее мѣсто, гдѣ за сыпаемъ или забавляется разсказами нѣсколькихъ блюдолизовъ, привлеченныхъ въ его домъ пріятнымъ запахомъ его кухни. Потомъ, подвозятъ ему великолѣпной экипажъ: два лакея, подхватя подъ руки, сажаютъ его въ карету, съ такою же трудностію, какъ бы нѣсколько сильныхъ извозчиковъ накладывали на шелегу мраморную спашю. Въ семъ положеніи ѣздитъ онъ по городу до самаго ужина: свѣжій воздухъ возобновляетъ въ немъ охоту къ пищѣ, и движеніе

карепы способствуешь его желудку варить пищу, коею онъ во время обѣда чрезъ мѣру былъ опягощенъ. Возвращаясь домой, находивъ онъ у себя великолѣпной столъ; и просидѣвъ за онымъ до полуночи, ложился опять спать. — Вотъ почное описаніе повседневныхъ упражненій роскошнаго сластолюбца. И такъ, естли во всю свою жизнь, ничего онъ болѣе не дѣлалъ, какъ только спать, или подобно разслабленному пребывалъ въ бездѣйствіи; то можно ли будешь сказать послѣ его смерти, что онъ когда нибудь жилъ на свѣтѣ?

Безконечно бы было, мудрый и ученый *Маликульмулькъ*, естлибъ началъ я изчислять слабости, или яснѣе сказать, дурачества нѣкоторой части земныхъ обитателей; а скажу только, что глупее ихъ противъ наукъ предубѣжденіе заставляетъ меня думать, что на землѣ столь же мало людей, которые бы прямо могли называться людьми, сколь не много

сыщется безприсрасшныхъ судей и не корыстолюбивыхъ секретарей.

П И С Ь М О IX.

*Отъ Гнома Зора къ волшебнику
Маликульмулку.*

Кю бы повѣрилъ, любезный *Маликульмулкѣ*, что должность возложенная на меня *Прозерлиною*, есть самая труднѣйшая изъ всѣхъ должностей? Я мучусь какъ Танталъ, и что еще страшнѣе, то опасаюсь, чтобъ и мое мученіе не было бы такъ же безконечно, какъ и его. Уже нѣсколько дней тому, какъ надѣлся я по общанію *Вѣтродума* сдѣлать знакомство съ его пешкою, но не видя и самаго его по сіе время, принялся было закупать наряды. Всякой день въ великомъ множествѣ покупаю ихъ по послѣдней модѣ, завершываю и укладываю; но лишь хочу оныя отпра-

вить, какъ вдругъ услышу, что вышли вновь уборы самаго лучшаго вкуса и послѣдней моды; а тѣ уборы, спрашиваю я, которые вчера столь много превозносили. — О! ничто не можетъ быть ихъ глупѣе, отвѣтствуютъ мнѣ! Благоразумная женщина нынѣшняго свѣта, лучше согласится десять разъ въ день убрать моднымъ образомъ голову своего мужа, нежели остыдится себя, показавшись въ общество во вчерашнемъ уборѣ! — Послѣ такой прекрасной вѣдомости, я съ досадою кидаю свою посылку и набираю множество новыхъ нарядовъ, которые на другой день такъ же спаваются негодны, а я остаюсь въ отчаяніи исполнить желаніе *Прозерлины*.

Въ такихъ-то хлопотахъ, вздумалъ я заглазить свою скуку какимъ нибудь веселымъ препровожденіемъ времени, которое бы подало мнѣ лучший способъ узнать нравы и обычаи сего Государства..... Я хотѣлъ для

сего чипать ихъ книги, но во многихъ Писателяхъ нашелъ или пристрастныхъ льстецовъ, сокрывающихъ пороки своихъ одноземцевъ, или гнусныхъ Сашириковъ, которые ругающъ свое опечество, безъ всякой другой причины, какъ шолько, что бы показашъ острошу своего пера; а пошому я оставилъ сие упражненіе, и рѣшилъ не въ кабинетѣ своемъ и не по нраву своего пракширщика судить объ общемъ нравѣ всего Государства, но захошѣлъ для сего вмѣшаться самъ въ общество, чтобъ имѣть о немъ лучшее понятіе; и для того выбралъ я себѣ въ проводники одного молодого и знашнаго человека, съ кошорымъ надеженъ я имѣть входъ во многіе дома. Ты, можешъ бышь, подумаешь, что проводникъ мой преважная особа; нѣшъ, другъ мой! это молодой повѣса, пренровождающій всю свою жизнь въ шалостяхъ, кошорыми утѣшаетъ онъ своихъ родителей, пѣняетъ женщинъ, разоряетъ

легковѣрныхъ заимодапелей, изну-
ряешъ себя, отъ чего часто бываетъ
боленъ, и шѣмъ хвалятся, какъ за-
служенный воинъ своими ранами. Ему
хотя не болѣе двадцати лѣтъ, однако
онъ успѣлъ уже болѣе тридцати
смуглыхъ женщинъ сдѣлать столь
бѣлыми, какъ хлопчатая бумага; на-
добно тебѣ знать, любезный *Мали-*
кульмулькѣ, что бѣлый цвѣтъ здѣсь
въ превеликой модѣ, и что всѣ моло-
дые люди сего города съ великою
жадносцію его себѣ приобретающъ;
и въ короткое время надѣяться дол-
жно, что сей бѣлый цвѣтъ сдѣлается
здѣсь природнымъ или наслѣдствен-
нымъ; ибо болѣе, нежели двѣ трети
изъ жителей сего города, успѣли уже
по сіе время записать себя въ число
сихъ бѣлолицыхъ, но оставя это
возвратимся къ моему проводнику.

Съ такими-то хорошими каче-
ствами во многихъ знатныхъ домахъ
его уважающъ и удивляются его разу-
му, учености и дарованіямъ; часто

ничего незначущее привѣтствіе, сказанное имъ, почишаютъ за острое слово, и естли онъ улыбається, то зачинаютъ всѣ хохотать во все горло, ожидая съ шерпливостію, когда онъ откроетъ причину своей улыбки, естлижъ кто съ подобоспращіемъ спроситъ у него о причинѣ оной, и когда господинъ сей отвѣстствуетъ: *такъ!* тогда начинаютъ удивляться премудрой его молчаливости, а вмѣсто его приходятъ въ замѣшательство и краснѣютъ, сдѣлавшій ему вопросъ. *Прилрыжникъ*; это имя моего знакома, имѣетъ опшмѣнное веле-рѣчіе; онъ часто рассказываетъ по часа по три, что другой на его мѣстѣ сказалъ бы въ двухъ словахъ; ибо онъ имѣетъ опшличное дарованіе убивать свое время, поуспру занявъ онъ зеркаломъ, пошомъ нѣсколько часовъ занимается сподомъ, послѣ чего развозитъ вѣщи по городу, а оспающеея опъ сего время играетъ въ карты, предається чувственнымъ

забавамъ, ужинаешь и ложитесь опять спать, что бы на другой день по обыкновению своему вспасть около полудни и препроводить въ такихъ же упражненіяхъ весь день, въ какихъ препроводилъ прошедшей. Вотъ, любезный *Маликульмулькъ*, важнѣйшія его дѣла, ошъ кошорыхъ однакожь не остается ему и сполько времени, что бы могъ онъ вспомнить, что онъ живетъ на свѣтѣ.

Я уже напередъ воображаю, что ты или спанешь меня бранишь за такое худое поварещество, или подумаешь, что въ семъ городѣ нѣтъ ни одной пушной головы; напрошивъ того, ученый *Маликульмулькъ*, здѣшняя земля въ произведеніи хорошихъ умовъ есть самая обильная, и я могу тебѣ начестъ въ семъ одномъ городѣ человекъ десятокъ очень не глупыхъ людей. — Но участь оныхъ почти одинакова во всемъ свѣтѣ. — Миѣ случалось видать въ самыхъ знанѣйшихъ домахъ поршрешы ученыхъ

людей, хотя тѣ самые ученые со-
всѣмъ не имѣли входу и въ ихъ при-
хожія. Здѣсь въ большомъ свѣтѣ по-
читается за невѣжество, чѣмъ не
знать по названію вновь выходящихъ
швореній, или чѣмъ не знать именъ
современныхъ Писателей; но чѣмъ
читать тѣ сочиненія, то считается
за поперю времени; а чѣмъ имѣть
знакомство съ Авторами, то почи-
тается подлостью; ибо въ сихъ слу-
чаяхъ сравниваются они съ реме-
сленниками, которые однакожъ не-
сравненно болѣе выигрываютъ въ
своей жизни, нежели ученые.

Я уже сказалъ тебѣ, любезный
Маликульмулькѣ, что надобны деньги,
чѣмъ имѣть хорошее знакомство, а
ученые вообще почти всѣ бѣдны; при-
томъ же тебѣ извѣстно, сколь давно
они въ побранкѣ съ фортуною, ко-
торая смотритъ на ихъ саширы и
брани точно такъ, какъ рослой дра-
гунъ на лаянне маленькой поспель-
ной собачки; и для того почти всегда

Фортуна жалуешь разсудку вопреки,
 Чшобъ были счастливыи разумныхъ, дураки.

Вопъ шебъ и спихи, любезный
Маликульмулькб, ожидалъ ли шы когда
 отъ меня оныхъ; извини однакожъ,
 я теперь въ шакомъ городъ, гдб эта
 язва во всей своей силб свирбп-
 ствуетъ; а какимъ образомъ я сдб-
 лался Спихотворцемъ, о помъ я шебъ
 расскажу въ свое время, но между
 тбмъ я долженъ возвратишься къ
 своей повбсши.

Молодой *Прилрыжкинб*, какъ ново-
 прибъжему желая показашь рбдкости
 сего города, возилъ меня въ лучшия
 Аглинскіе магазины и во Французскія
 модныя лавки, гдб на ряду съ прочими
 такими же вбшпрениками, каковъ онб,
 плапилъ за дурачества тяжелыя по-
 даши иностранцамъ, покупая двухъ
 рублевую вещь задесяшь и за двад-
 цать рублевъ. Онб доставлялъ мнб
 рбдкіе шовары и одбвалъ меня по
 вкусу искусныхъ торговокъ. — Лю-
 безный другъ! сказалъ онб мнб, вчера

шы еще ничего лучшаго здѣсь не видалъ, естли не видалъ нашихъ маскератовъ: севодни я шебѣ покажу подинно спокующее любопытства зрѣлице, соопвѣтствующее великолѣпію сего обширнаго города. — Я согласенъ, сказалъ я, и шеперь же начну для шого одѣваться. — Оспавъ пожалуй эшо на мое попеченіе, отвѣчалъ онъ, шы одѣнешься подѣ моимъ смотрѣніемъ, какъ первый щеголь; я шеперь ѣду къ себѣ и чрезъ минушу пришлю къ шебѣ Француза перваго парикмахера въ семъ городѣ; но какъ шы еще человекъ безъ опышовъ въ большомъ свѣтѣ, то нужно, чшобъ я сдѣлалъ шебѣ одно замѣчаніе: пожалуй обходись съ нимъ, какъ можно по учтивѣе; правда, хошя онъ ремесломъ и парикмахеръ, но онъ Французъ, пришомъ же и превеликой богачъ, имѣющій шысячъ до девяти въ годъ доходу; а у насъ не всякой и заслуженой Генералъ шолько имѣетъ; прибавь къ шому, чшо многіе знашныя люди по-

читаютъ за удовольствіе бытъ вписанными въ алфавитную роспись сче-
 пной его книги, по которой можно
 заподлинно видѣть, сколько онъ че-
 стень; хотя нѣкоторые и говорятъ,
 что сей парикмахеръ грабитъ, оби-
 раетъ и обманываетъ людей, но шѣмъ
 однакожь онъ не менѣ славенъ; по-
 чему и должно имѣть къ нему нѣко-
 торое уваженіе особенно за то, что
 онъ благодѣшельствуетъ молодымъ
 людямъ, давая имъ въ долгъ разныя
 галантерейныя вещи, которыя по-
 томъ промѣниваютъ они, съ успу-
 кою прехъ доль, на наличныя деньги;
 иногда же ссужаетъ онъ и наличною
 монетою, разумѣется, что подъ по-
 рядочной закладъ и съ полученіемъ
 умѣренныхъ проценсовъ, но лучшее
 и главнѣйшее его достоинство со-
 стоитъ въ томъ, что онъ помогаетъ
 намъ въ нашихъ любовныхъ интри-
 гахъ: представъ же, еслии шоль
 полезный человекъ будетъ раздра-
 женъ гордостію прѣсшаго прѣзжаго

дворянина и оставишь сей городъ, то
 шѣмъ заспавишь пы осиротѣшь всѣхъ
 нашихъ молодыхъ щеголей, и наши
 головы пошеряюшъ безъ него при
 четверши своихъ дарованій. — Я обѣ-
 щалъ молодому *Прилрыжжину* все-
 возможное уваженіе къ его Француз-
 скому парикмахеру, и изъ почшенія
 къ оному конечно бы не сѣлъ въ его
 присушствіи, ешъли бы искусство
 его того не требовало. Пошомъ онъ
 вышелъ, и полчаса спустя вошелъ ко
 мнѣ ожидаемый Французъ: приборъ
 его сошвѣшшвовалъ чистотѣ его
 ремесла, а его лице изображало важ-
 ность приличествующую глубокомы-
 сленному Министру; я сколько на-
 ружность доказывала его сосшояніе,
 сколько пошупки опровергали сіи
 доказательства. Мнѣ казалось, что
 я видѣлъ въ немъ знашнѣйшаго При-
 дворнаго, переодѣшаго въ парикмахер-
 ское платье. Пожалуйше, сударь,
 уберите мою голову, сказалъ я сему
 почщенному искуснику, (примѣшь

Часъ I.

11

любезный *Маликульмулькѣ*, хорошо ли я играю лице нововспущающаго въ свѣтѣ деревенскаго дворянина) потомъ сѣлъ я безъ всякой заботы и опдалъ на его попеченіе свою голову, ожидая ея перерожденія подъ его гребенкою.

Скорѣе всего можно познакомиться съ Французомъ: въ немъ нѣтъ ни гордоспи свойственнаго Гишпанцамъ, ни врожденной Нѣмцамъ угрюмоспи, ниже той подозрительной улыбки, копорая въ поступкахъ сопровождаетъ всегда Испаліянцевъ; кажешся, Природа одарила его споль выгодною наружноспію, подъ коею должна храниться истинная добродѣшель и честнѣйшая въ свѣтѣ душа, но напрошивъ шого. Однакожъ оставимъ эшо, я не хочу никого вооружать прошивъ себя, и еспли мало могу сказать добраго о Французахъ, пакъ право эшо самому мнѣ досадно. Чшо касаешся до сего парикмахера, шо признаюсь, чшо онъ показался мнѣ

знающимъ во всѣхъ частяхъ: едва успѣлъ онъ взять въ руки свои гребенку, какъ заговорилъ о Полишкѣ. Онъ перебиралъ Правительсшва разныхъ народовъ, дѣлалъ заключенія, давалъ рѣшенія, и съ такою же легкостью вершѣлъ Государсшвами, какъ пудреною кистью. Вся Министерія была ему опкрыша, и когда дѣло доходило до утвержденія какихъ нибудь изъ его рѣшеній, тогда сей незастѣчивой человекъ, ни мало не краснѣясь говорилъ, что съ такимъ и такимъ его мнѣнiемъ согласенъ такой-то Министръ, такой-то Сенаторъ и такой-то Генералъ, кошорымъ онъ чешитъ головы. Онъ увѣрялъ о себѣ беспыднымъ образомъ, что многіе вельможи, производя при немъ ежедневно сокровеннѣйшія дѣла Государсшва, не рѣдко совѣщаются съ нимъ о важнѣйшихъ пунктахъ Министеріи, и часто дѣлаютъ свои рѣшенія по его мнѣнiямъ; но сколько для меня ни спраненъ свѣтъ, однакожъ совсѣмъ

*

тѣмъ я за грѣхъ почишаю вѣришь, чшобъ здѣшніе Министры управлялись Французскими парикмахерами. На послѣдокъ кончилась чоска моей головы, съ коею кончились и полишическіе разговоры; а все это стоило мнѣ пяти рублевъ, послѣ чего мы опкланялись другъ другу съ великою учшивостію.

Вскорѣ пошомъ прибылъ ко мнѣ Г. *Прилрыжкинъ*, и я подѣ его руководствомъ одѣвшись побхалъ съ нимъ въ по собраніе, кошорое онъ превозносилъ сполько похвалами: мы ошпановились у большаго освѣщеннаго дома, гдѣ вышедъ изъ своей кареты вошли въ комнашы, кошорыя наполнены были, разнаго званія и состоянія, великимъ множествомъ людей, имѣвшихъ на себѣ спранныя одежды, составленныя большею частію изъ нѣкошораго рода лоскушковъ; а лица ихъ покрышы были безобразными личинами, въ коихъ многіе казались спрашилащами, похожими

на пѣхъ злыхъ жителей шаршара, копорые адскимъ судомъ опредѣлены для испязанія чловѣческихъ пѣней, заслуживающихъ оное. Я не знаю, для шого ли онѣ наряжаются такимъ образомъ, чѣобъ показашь себя въ настоящемъ своемъ видѣ по расположенію своихъ душъ, сходствующихъ, можешъ бышь, съ шою приемлемою ими безобразностію; или, чшо они любяшъ бышь не узнаваемыми, и казашься всегда въ другомъ видѣ, нежели каковы они ешь въ самомъ дѣлѣ. Ешьли сіе замѣчаніе справедливо, шо можно сказашь, чшо весь свѣшъ наполненъ чудовищами, или, чшо сей свѣшъ ешь не чшо иное, какъ обширное зданіе, въ копоромъ собрано великое множество маскерованныхъ людей, изъ коихъ, можешъ бышь, большая часшь, подѣ наружною личиною, въ сердцахъ своихъ носяшъ обманъ, злобу и вѣроломство; но оставимъ такія замѣчанія для самаго меня непріятныя, о истинѣ кошо-

рыхъ шы самъ по проченіи моего письма, можетъ бышь, удостовѣришься, и возвратимся къ моей повѣсти. Не успѣли мы войти въ комнату, какъ *Припрыжкинъ*, сказавъ мнѣ, гдѣ и какъ со мной сойдишься, скрылся ошъ меня, какъ молнія; а я оставшись одинъ, началъ прохаживаться по обширнымъ заламъ, въ которыхъ, не смѣря на безобразныя личины людей, веселіе и радостъ повсюду были ощущаемы, и вольность казалася бышь душою всего маскерованнаго собранія, шакъ, что сіе привело меня въ несказанное удивленіе; мнѣ предспавилось тогда, что люди не иначе умѣютъ пользоваться собственною своею свободою и удовольствіями, какъ прикрывая себя такими личинами. Едва кончилъ я сіе замѣчаніе, какъ вдругъ услышалъ шумъ въ ближней комнатѣ, бросился узнать шому причину, но уже дѣйствующія лица были уведены, и ошшуда возвращалась шолпа молодыхъ

людей, копорые хохошали во все горло: позволше спросишь, сказаь я первому вспрѣшившемуся миѣ, что было причиною сего шума. — Ничего сударь, ошвѣчалъ онѣ, эшо сущая бездѣлица, — эшо небольшая шушка, копорую я сдѣлалъ сѣ моею пешкою: добренькая спарушка была смертельно влюблена вѣ моего егеря, но по несчастію имѣешѣ она ревниваго мужа, копорый не допускаешѣ ее до шакихѣ малозначущихѣ вольностей. Примѣшя любовь ея, я выдумалъ способѣ получишь посредствомѣ оной деньги и уговоришь своего егеря, что бы онѣ старался имѣшѣ сѣ нею здѣсь свиданіе. Благосклонная пешушка, согласясь на его предложеніе, свела здѣсь сѣ мужемѣ своимѣ свою пріятельницу, одѣшую вѣ одинаковое сѣ нею платьѣ, сама между тѣмѣ ускользнула сѣ своимѣ Адонисомѣ; шогда не медля подослалъ я своего друга, копорый вѣ сихѣ мѣспахѣ надзирашелемѣ благоприсшойности, а онѣ

схватя нашихъ любовниковъ, опвелъ ихъ подъ арестъ. — Ахъ! вскричалъ я, и вы имѣли удовольствіе такъ безчеловѣчно сшущить съ вашею шешушкою! — Какой вздоръ! отвѣчала мнѣ маска, я хочу только имѣть деньги: шешка моя хопя очень скуна, но вѣрно за выкупъ свой и любезнаго егеря заплашѣтъ хорошія деньги, которыя я раздѣля съ *Надзоромъ*, смотришелемъ здѣшней благоприсшойности, получу вѣрной способъ блеснуть хорошими нарядами, или видѣшь въ новомъ экипажѣ мою любезную *Анти-лукрецію*. Послѣ сего онъ скрылся, и оставилъ меня удивляясь пронырству своего ума и слабости его шешушки.

Позадумавшись нѣсколько пошелъ я впередъ, какъ вдругъ ударился лобъ объ лобъ съ опчаяннымъ человѣкомъ, кошорый, сорвавъ съ себя маску, бѣгалъ по комнашамъ, какъ бѣшеной. Государь мой! сказалъ я, мнѣ думается, что въ такихъ простран-

ныхъ залахъ можно ходить не спускаясь лбами; въ пропивномъ случаѣ что собраніе можешъ только быть выгодно однимъ рогатымъ лбамъ. — Ахъ! сударь, опвѣчалъ мнѣ сей господинъ, извините мой проступокъ; опчаяніе мое причиною сей неосторожности: я обманушъ самымъ гнуснымъ образомъ. — Какъ, сказалъ я, въ здѣшнемъ благородномъ обществѣ могушъ быть обманщики... Ахъ! я вижу, вскричалъ онъ, что и вы человекъ новоприбзжей. Признаюсь, что я самъ былъ лучшаго мнѣнія о сихъ собраніяхъ, пока несчастнымъ опытомъ не узналъ своей ошибки. Отецъ мой былъ богатой дворянинъ, онъ не давно умеръ, а я со всѣми его деньгами прибхалъ сюда изъ опдаленнаго города, чтобъ всупить въ службу. Игра пагубная страсть молодыхъ людей, не умедлила овладѣть мною; я вошелъ въ число бродягъ, которыя гоняясь за счастіемъ лишаются проишанія. Нѣсколько разъ испывавъ

несчастіе проигрыша, наконецъ собравъ послѣднія свои деньги, и прихавши въ сей проклятой домъ, сдѣлалъ банкъ въ *Макао*; незнакомая маска сѣла подлѣ меня и просила принять ея въ десяшую долю; видя деньги 1000 рублей, я согласился сдѣлать это удовольствіе и началъ мешать каршы; множество незнакомыхъ людей зачали понширывать, но я примѣшилъ, что многія брали у меня деньги не ставя каршъ; а другіе сдергивали свои каршы, когда они проигрывали, и скрывались въ толпѣ людей. Раздраженный такимъ грустнымъ обманомъ, бросилъ я каршы и хотѣлъ разсчитаться съ моимъ поваромъ, который записывалъ мой проигрышъ и выигрышъ, какъ вдругъ увидѣлъ, что ни денегъ ни его со мною нѣтъ. Вообразите мое удивленіе и горестъ, бывъ не только что обокраденъ, но и лишенъ надежды узнать и наказать эшова бездѣльника. — Я сердечно сожалею о вашемъ

несчастія, ошвѣчалъ я, и дивлюсь, что въ подобныя общества пускаются такіе плушы; я до сихъ поръ думалъ, что ворами опасны только большія дороги. — Ахъ! государь мой, вскричалъ сей несчастный игрокъ, благодаря Правительству, сіи бездѣльники всѣ согнаны съ большихъ дорогъ, но по несчастію они умножились въ городахъ, и города нынѣ гораздо опаснѣе, нежели большія дороги. — Послѣ чего пошелъ онъ опѣ меня, продолжая свои восклицанія.

Вопъ сколь прекрасныя сіи собранія, думалъ я самъ въ себѣ, которыя столь торжественно выхвалялъ мнѣ *Припрыжкинъ*, и кои собственую только обманывашъ мужей, грабятъ ближняго и дѣлашъ дурачества. Скажи мнѣ на сіе, любезный *Маликульмулькъ*, не справедливы ли давшія мои замѣчанія, по коимъ можно видѣть, что люди для того единственно выдумали сіи собранія, чтобъ ходя подъ гнусными личинами,

удобнѣе могли производить безъ за-
 зрѣнія совѣсти безумное свое свое-
 волюе; и что сіи маскарады есть кар-
 тина свѣта представленная въ маломъ
 видѣ; но естли ты захочешь сра-
 внишь оную съ ея подлинникомъ, то
 оная не иначе почешься можешь,
 какъ слабымъ спискомъ..... Но за-
 кроемъ сіе завѣсою. — Я скажу тебѣ
 однакожь, что сколь веселіе, радость
 и свобода ни кажутся душою шако-
 выхъ собраний, но я швердое поло-
 жилъ намѣреніе никогда впередъ не
 заглядывать въ такія мѣста. Вскорѣ
 попомъ встрѣтился мнѣ *Припрыж-*
кинъ, и мы съ нимъ выѣхали изъ
 маскарада. — Сіи-шо собранія, ска-
 залъ я ему шогда, такъ тебѣ нра-
 вятся!... Ахъ, нѣтъ! вскричалъ онъ,
 я севодни очень худо награжденъ. —
 Какъ, и ты не доволенъ? перехватилъ
 я рѣчь его; но чшожъ этому при-
 чиною? — Предшавъ мое несчастіе,
 сказалъ онъ, посредствомъ давишняго
 дарикмахера назначено мнѣ было отъ

одной прекрасной дѣвушки здѣсь свиданіе, чему я охотно повѣрилъ, зная, что ничего нѣтъ легче въ здѣшнихъ маскарадахъ, какъ дочкѣ отвязаться отъ мапушки, которая часто сама только того и мѣшала, чтобъ вернуться отъ дочки; прибывши сюда, увидѣлъ я мою красавицу, ходящую уже одное въ бѣломъ капуцинѣ; я съ нѣжностію схватилъ и пожалъ ея руку, она мнѣ отвѣчала тѣмъ же, что былъ нашъ условной знакъ; при такомъ взаимномъ согласіи, намъ скучными показались всѣ залы, и мы шли въ уединеніе; наконецъ вошли въ отдаленную комнату, но опасаясь, чтобъ кто не подслушалъ нашихъ рѣчей, я дѣлалъ ей любовныя изъясненія *пантомимами*, и мы до тѣхъ поръ оныя продолжали, какъ наконецъ вынуждена она была сбросить маску. — Но въ какое пришелъ я удивленіе, когда, вмѣсто воображаемой красавицы, увидѣлъ спарую мумію лѣтъ во сто; съ досадою и страхомъ

бросился я отъ нее, какъ отъ мершвеца, и пысячу разъ проклиная ея жалѣль, что пошерялъ съ старою хрычовкою шо время, которое назначено было для прелестной молодой особы. — Вопшь чемъ шолько не нравяшся мнѣ сіи прокляпые маскеррады! — Но не уже ли женщинамъ они пріятны, сказалъ я! — О! эшо со всѣмъ другое, опвѣщсшвовалъ *Припрыжкинъ*; женщина можешь весьма великодушно снести нѣсколько шакихъ ошибокъ; но молодой щеголь не всегда съ успѣхомъ можешь загладишь шакую погрѣшность. — Вопшь шебѣ, любезный *Маликульмулькѣ*, крашкое начерпаніе предметовъ, попавшихся мнѣ на глаза; — и я надѣюсь вскорѣ еще увѣдомишь шебя о новыхъ людскихъ дурачсшвахъ.

П И С Ь М О Х.

Отъ Силсфа Свѣтовида.

До сихъ поръ я всегда удивлялся мнѣніямъ пѣхъ Философовъ, которые душу человѣческую уподобляли жизненнымъ силамъ скоповъ; но я не знаю, любезный *Маликульмулькъ*, случилось ли тебѣ видашь смѣшныя пошупки пѣхъ господчиковъ, которыхъ въ свѣтѣ называютъ *людьми любви достойными, веселыми и знающими свѣтское обращеніе*; взирая на нихъ, ты самъ могъ бы имѣть справедливую причину почести ихъ въ равной степени съ обезьянами; и я удивляюсь, что пѣ Философы, для лучшаго убѣжденія въ своихъ мнѣніяхъ, не объяснили, что они говорили по, сравнивая Пепимешра съ обезьяною; ибо надлежитъ признасться, что взирая на Пепимешра и на обезьяну, можно подумашъ, что или душа обезьяны духовна, или душа Пепимешра

вещественна, пошому што, по при-
мѣчанію моему, обѣ сіи душі имѣють
одинакія между собою свойства, оди-
накія движенія и одинакія спраспи;
а посему, должны имѣть и одинакую
сущность, и бытъ равно, или веще-
ственны, или духовны. И шакъ, ежели
полагаешь, што душа Пешиметра естъ
духовна, шо надобно думаешь, што и
душа обезьяны естъ шакова же.

Послѣ сего перваго предложенія,
остаешся шеперь доказать сходствен-
ность мыслей, чувствъ и склонностей
между обезьяною и Пешиметромъ: и
нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлать сіе
доказательство. Я поставляю себя
на одну минушу на мѣсто Философа,
ушверждающаго сіе мнѣніе: „Не
„правда ли, вопрошаю я, што не
„должно и не можно иначе судить
„о естествѣ души, какъ по видимымъ
„въ ней дѣйствіямъ и движеніямъ;
„ибо существенность ея не можешь
„быть видима никакими глазами.
„И шакъ, посмотришь, какія сущь

„дѣйствія и движенія души Пепи-
 „мешра? — Она управляя шѣломъ, въ
 „копоромъ имѣетъ свое пребываніе,
 „иногда заспавляетъ его свистать,
 „иногда понуждаешъ его шанцовать,
 „прыгать, скакать, вертѣться; и
 „все сіе заспавляетъ дѣлать безъ
 „всякой побудительной причины, и
 „столь поспѣшно, что всякой мо-
 „жетъ примѣшить, что разумъ и
 „разсудокъ, нимало не вмѣшиваются
 „въ сіи прыжки и оборошы. Подобно
 „сему, я вижу и обезьянъ скачущихъ,
 „прыгающихъ и вертящихся; и когда
 „разсмашриваю внимательнѣе всѣ сіи
 „ихъ движенія, то нахожу почное
 „подобіе разныхъ кривляній и прыж-
 „ковъ, молодаго вершопраха, находя-
 „щагося среди женщинъ. „

Но поступимъ далѣе съ симъ
 почнымъ и справедливымъ сравне-
 ніемъ. — Когда обезьяна смотритъ
 въ зеркало, тогда прельщаясь собою,
 удваиваетъ она смѣшныя свои ковер-
 канья, оказываешъ всю свою легкость,

въ вертѣніи и прыганіи, ворчитѣ сквозь зубы, нѣчто совсѣмъ невразумительное, чего бы и подобная ей другая обезьяна никакъ не могла понять. Пешиметръ почто такъ же взирая на себя въ большое спѣнное зеркало, предснавляешъ тѣжъ самыя движенія и обороты; онъ всего вокругъ себя осматриваешъ, множествомъ разъ на всѣ стороны повершываешся, поднимаетъ и опускаетъ голову, коверкаешся, кривляешся, ломаетъся; говоритъ не имѣющія смысла, нѣкоторые невразумительныя слова, копорыя никому другому не могутъ бытъ понятны, какъ развѣ такому же Пешиметру; ибо онъ говоритъ *о лритескѣ своихъ волосъ, о куртавости своего вертежа, о разжѣрѣ своихъ буклей, о лентошномъ бантикѣ* и о прочемъ подобномъ сему вздорѣ. И такъ, въ комъ можно найти снѣоль совершеннѣйшее сходство? —

Обезьяна обыкновенно бываетъ непоспоянна, измѣнчива и злобна;

она кусаетъ и рвздираетъ плащя на шѣхъ людяхъ, кои засмотрѣвшись на ея скачки и кривлянья, по неоспорожности подходятъ къ ней очень близко. Пешиметръ дѣлаетъ шочне по же; забавныя и увеселишельныя зрѣлица, кошорыя, онѣ смѣшными своими кривляньями предшавляетъ другимъ людямъ, покупающся отъ оныхъ весьма дорогою цѣною; ибо вышедъ изъ дома, въ кошоромъ она зывалъ онѣ все свое искусство въ модныхъ прыжкахъ и оборопахъ, повреждаетъ онѣ честь шѣхъ людей, коихъ онѣ видѣлъ, и злословитъ хозяина и хозяйку шого дома, словомъ: ничшо не можетъ укрышься отъ его ядовинаго языка, кошорый, естли не больше, шо по крайней мѣрѣ, сполько же можетъ бышь опасенъ, сколько и зубы самой злѣйшей обезьяны.

Послѣ споль яснаго сравненія, въ чувспвахъ, въ поступкахъ и въ склонностяхъ, не можно ли по справедли-

востп заключпшь , что души обезьяны и Пешиметра суть одинакой сущноспп ? — Прпзнашья , мудрый и ученый *Малпкулъмулкѡ* , что я почпшп убѣждень симѡ мзѣнпемѡ . Я знаю , что въ ономѡ вспрѣчается превелпкое зашрудненпе ; ибо слѣдуя оному , надлежптъ прпзнашь душу Пешиметра вещественную , пошому , что душу обезьяны никакѡ не можно почешть духовною . И пакѡ , взпрая на шаковые шранные и смѣшные поступкп Пешиметровѡ , не пначе можно ихѡ почпшашь , какѡ совершенными въпрепными мельнпцамп , или часамп заведенными глупостпю и вершопрашешвомѡ . Наконецѡ , нѣтъ ничего легче , какѡ доказашь самымп исппнными опышамп , что душа разумнаго и постояннаго человѡка , совсѣмѡ другаго свойшва , нежели какѡ душа Пешиметра ; ибо пзвѣспно шепѡ , мудрый *Малпкулъмулкѡ* , что не можно полагашь нпмалаго сходшва между душею шакого Философа , каковѡ

былъ Ейлеръ, и между душою обезьяны, заключенной въ тѣлѣ моднаго вершопраха.

П И С Ь М О XI.

*Отъ Гнома Зора къ волшебнику
Маликульмулку.*

На сихъ дняхъ, любезный *Маликульмулкъ*, я былъ съ моимъ сопосварищемъ у одного богатаго купца, который праздновалъ свои именины; ты можешь быть удивишься, что споль знашый, въ своемъ родѣ, чело-вѣкъ, каковъ мой прятель, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ торговца, но это удивленіе уменьшился, когда ты узнаешь, что онъ долженъ имениннику по векселямъ шестьдесятъ тысячъ рублей, и для того часто пляшетъ по его дудкѣ. Зѣвшіе заимодатели, имѣющіе знашыхъ должниковъ, имѣющъ по большей части по

одно утѣшеніе, что пользуются вольноспію напивашься иногда съ ними до пьяна, и вмѣсто плашежа денегъ получаютъ отъ нихъ учтивые поклоны и увѣренія о непремѣнномъ ихъ покровительствѣ.

Имянинникъ, какъ видно былъ великой хлѣбосоль; онъ имѣлъ у себя за споломъ не мало гостей, между коими занимали первое мѣсто одинъ Вельможа, человекъ при позолоченныхъ придворныхъ, и нѣсколько начальниковъ сего города, да изъ числа извѣстныхъ мнѣ по своимъ именамъ, о кошорыхъ я нарочно навѣдался, чтобы могъ себѣ обстоятельнѣе пересказать о любопытномъ ихъ разговорѣ, были Г. Прилрыжкинъ, Рубакинъ драгунской Капипанъ, Тихокрадовъ судья и художникъ Трудолюбовъ; я, какъ ты можешь себѣ представишь, былъ шакъ же не изъ послѣднихъ, и сидѣлъ подлѣ хозяйскаго сына, мальчика прелюбезнаго лѣтъ четырнадцати, кошорый былъ доброю на-

деждою и ушѣщеніемъ въ старости своего отца.

Столъ былъ великолѣпенъ, и *Плутарѣзъ*, шакъ назывался имянинникъ, кормилъ всѣхъ очень обильно; веселіе въ обществѣ нашемъ умножалось съ приумноженіемъ вина: разговоры были о разныхъ предмѣсахъ, и по переѣбно говорили о Полишкѣ, о коммерціи, о разныхъ родахъ плушовства и о прочемъ. — Вельможа, одѣтый съ ногъ до головы во Французской глазеи, и убранный по послѣдней Парижской модѣ, защищалъ пользы опечесства и выхвалялъ любовь къ оному; судья спавилъ честь выше всего на свѣтѣ, купецъ хвалилъ некорыстолобіе, но всѣ вообще согласны были въ томъ, что законы очень строга наказываютъ плушовъ, и что надобно уменьшить ихъ жестокость. Вельможа обѣщалъ подать голосъ, что бы уничтожилъ увѣчныя и смершныя наказанія, исполняемыя за грабишельства и за плушовства

для ихъ искорененія, за что многіе изъ гостей, а болѣе всего судья *Тихо-красовъ* и нашъ хозяинъ *Плутаръзъ*, очень его благодарили, и хошя сей вельможа, какъ я слышалъ, ежедневно дѣлаешъ новыя обѣщанія, однакожь спарыхъ никогда не исполнешъ; но гости не менѣе были и шѣмъ довольны, что ошались въ надеждѣ, для которой не рѣдко просители посѣщаютъ прихожія знатныхъ особъ.

Но какъ въ столь большомъ собраніи разговоры не могли бытъ одного содержанія, шо наконецъ рѣчь зашла о хозяйскомъ сынѣ. У тебя прелюбезное дитя, сказалъ *Рубакинъ Плутаръзу*, и онъ можешъ со временемъ бытъ шебѣ ушѣшеніемъ; — но записанъ ли онъ гдѣ и который ему годъ? — принадлецшой, Ваше Высокоблагородіе, отвѣчалъ хозяинъ. — Не правда, сказалъ *Рубакинъ*, ему почно чешырнацшой, и я очень помню, что онъ родился шога, когда шы былъ еще у насъ маркишаншомъ,

въ чемъ и сама покойница швоя жена была бы со мной согласна. — Сомнѣваюсь, опшѣчалъ хозяинъ, моя жена, не шѣмъ будь помянута, была превеликая спорщица. — Развѣ съ шобою, сказалъ *Рубкинъ*, но что касается до меня, по я увѣряю себя, что ни одинъ нашъ офицеръ не скажетъ, чтобъ она съ кѣмъ нибудь изъ нихъ споривала; и мы во всемъ шолько были ею довольны, что когда ты опъ насъ побхалъ, по вообще всѣ болѣе жалѣли объ ней, нежели о тебѣ; и шакъ спорщицей назвашь ее ты не можешь. Я думаю, что ты и самъ помнишь, какъ любили ее въ полку, и что она не одною рошою ворочала. Правду сказашь, ештьлибъ ты не сдѣлалъ дурачешва и не уѣхалъ шогда опъ насъ, по бы я голову свою далъ тебѣ порукою, что швой Вася, (имя хозяйскаго сына) о сю пору былъ бы уже Адьюшаншомъ. Вишь ты помнишь, какъ Полковникъ нашъ жаловалъ покойницу швою Борисовну, и какъ

шы по милости ея былъ имъ покровительствованъ, такъ, что шы, безъ всякаго опасенія, мѣсяца по два сряду, довольствовалъ весь полкъ прохулою и негодною пищею, а все съ рукъ сходило; и можно сказать, что это не жищье шебъ было, а масленица: шы самъ думаю признаешься, что тогда шы густо понабилъ свой карманъ. — То правда, Ваше Высокоблагородіе, однакожь вы уже весьма много возвеличили мою покойницу, приписывая ей такую власшь; иной изъ этова и невѣшь что подумаешъ, вишь злыхъ людей въ свѣшъ много; мало ли что и въ полку тогда объ ней говорили, а отъ шого и полковница и наши офицерши ее шерпѣшь не могли, но все по истинѣ по напрасну; виновата ли она была, что всегда, когда ни случилось ей хаживать къ нимъ на поклонъ, заспавала дома однихъ только ихъ мужей, а онѣ случались или у обѣдни, или гдѣ и въ другомъ мѣстѣ, но какъ бывало къ кому ни взойдешь, то хощя

жены и дома нѣшѣ, такѣ мужѣ безѣ
 шого уже не выпуститѣ, чтобѣ чемѣ
 нибудѣ не поподчиваѣ, попому что
 она покойница и сама была госте-
 приимна. . . . Мудрено ли брапецѣ, ска-
 залѣ полстой судья, что твоя жена
 была вѣ такой силѣ; я самѣ человекѣ
 женашой, и могу не менѣе похва-
 литься своею женою, которая не
 смотря на то, что я былѣ еще ко-
 писомѣ, но и тогда имѣла уже
 множество челобитчиковѣ и давала
 часто рѣшенія на важныя дѣла, ко-
 торыя едва ввѣряли мнѣ на бѣло
 переписываѣ; а вся сила состояла
 вѣ томѣ, что она хорошо стряпала
 кушанья для нашего судьи, и по на-
 слышкѣ знала нѣсколько законовѣ,
 почему казалась весьма знающею;
 и вѣ ней столько нашѣ судья былѣ
 увѣренѣ, что по ея словамѣ, какѣ
 по Уложенью, вершилѣ челобитчи-
 ковы дѣла; вѣ чемѣ право не
 всякой и знашой женщины послу-
 щающѣ.

•

Morbleu! сказала сидѣвшая подлѣ
 меня кукла, въ золотомъ кафтанѣ, и
 эша мѣлочь хочешъ ровнять своихъ
 женъ съ знашными господами. — J'
 engage! — Клянусь, что естлибѣ за-
 хошѣлъ я въ опмщеніе упопробить
 силу моей пешушки, шо бы завпре
 же улешѣли къ чорту эшотѣ марки-
 шантѣ, судья съ своею женою и
 со всею своею челядью. — Можноть
 шолько имѣшь шерпѣніе слушаешь ша-
 кія *имлертинансы!* И какѣ смѣшь сра-
 внивать силу подлыхъ своихъ женъ,
 съ силами почтенныхъ дамъ, кошо-
 рыхъ могущество доказашься можешъ
 тысячею счастливцевъ, кошорые по
 ихъ милости дѣлають фигуру въ
 большомъ свѣтѣ, и кошорые прежде
 того ничего въ ономъ не значили. —
 Я, сударь! я самъ, сказалъ онъ обо-
 ропясь ко мнѣ, естѣ неоспоримое
 доказательство силы своей пешушки;
 представыше, нѣшѣ еще года, какѣ
 я сюда приѣхалъ изъ деревни; бывъ
 благороднымъ и молодымъ человекомъ,

вы можете угадать, что я за нужное почелъ, чтобъ пользоваться порядочнымъ экипажемъ, достать себѣ чинъ не вступая въ службу, которая сопряжена со многими трудностями предославленными для бѣдныхъ шокмо дворянъ; но какъ вамъ покажется? Не прошло еще и десяти мѣсяцовъ по моему приѣздѣ, а я началъ уже повелѣвать чепверкою лошадей, не имѣя никакого понятія о службѣ, кромѣ того, что она не можетъ быть для меня пріятна, потому что моему дядѣ служившему Капитаномъ, на прошедшемъ сраженіи прострѣлена голова, и онъ лишился жизни, съ которою я нимало не имѣю желанія такъ скоро расстаться. — Но скажи мнѣ, спрашивалъ одинъ изъ придворныхъ хозяина, для чего оставляешь ты сына своего въ праздности? Онъ уже въ такихъ лѣтахъ, что можетъ вступить въ службу, или по крайней мѣрѣ считаться въ оной. — Милосивый государь! ошвѣ-

чалъ *Плутархъ*, это правда, что Вася уже на возрастѣ, и я ненамѣренъ всеконечно оставлять его безъ дѣла, но я еще не избралъ родъ службы, въ которую бы его опредѣлилъ. — Другъ мой, скажи придворный, оставь это на мое попеченіе, ты можешь быть увѣренъ о моей къ тебѣ благосклонности, имѣвъ явное доказательство, что изъ дружбы къ тебѣ я не совѣщусь занимать у тебя деньги, и быть должнымъ оными, а потому не можешь сомнѣваться о моемъ участіи, какде приѣмлю я въ счастіи своего сына. Дѣло состоитъ только въ томъ, чтобъ ты далъ двадцать тысячъ въ мои руки, которыя употреблю я въ его пользу; помѣщу имя его въ списокъ отборнаго военнаго корпуса; сдѣлаю его дворяниномъ, и потомъ, пристрою его ко Двору, словомъ: я поставлю его на такой ногѣ, чтобъ онъ со временемъ могъ поравняться съ лучшими, дѣлающими фигуру въ боль-

шомъ свѣтъ. Сколь же такое состояніе блистательно, ты самъ это знаешь, и надобно только имѣть глаза, чтобы видѣть насъ во всемъ нашемъ великолѣпіи, на усовершеніе котораго поршныя, бриліаншцики, галантерейцики и многіе другіе художники ипощающъ все знаніе и искусство, что бы тѣмъ показать цѣну нашихъ достоинствъ и дарованій. . . . Богатыя одежды, сшитыя по послѣднему вкусу, причоска волосъ, пристойная сановитость, важность и уклончивость, соразмѣрныя времени, мѣсту и случаю; возвышеніе и пониженіе голоса, въ произношеніи говоримыхъ словъ; выступка, ужимки, тѣлодвиженія и обороты опличающъ насъ въ нашихъ заслугахъ, и составляютъ нашу службу. — Грамоты предковъ нашихъ явно всѣмъ доказываютъ, что кровь прошекающая въ нашихъ жилахъ изъ давна преисполнена была усердіемъ къ пользѣ своего отечества; а наши ливреи и экипажи,

неложно доказывающъ о важности нашихъ чиновъ въ Государствѣ. Какое же состояніе можетъ быть завиднѣе и спокойнѣе нашего? — Правда, что Философы почиашъ насъ мучениками, однакожь шо несправедливо; а за шо и мы считаеми ихъ безумцами, пустою шбнью, услаждающими горестную и бѣдную свою жизнь. И такъ, другъ любезный, что шебъ споишъ двадцать тысячъ, не сущая ли эшо бездѣлка въ сравненіи съ шбми счастьемъ швоего сына, которое я сильнѣйшимъ своимъ предшательствомъ общаю ему доставишъ; а знакомые мои, шанцмейстеръ, актеръ, поршной и парикмахеръ, чрезъ короткое время пособяшъ миѣ сдѣлать изъ швоего сына блистательную особу въ большомъ свѣтѣ.

Какъ сударь, вскричалъ *Рубакинъ*, вы называеце блистательнымъ шо состояніе, въ большомъ свѣтѣ, въ которомъ люди за свои достоинства обязаны нѣкоторымъ искусникамъ;

но изъ вашего мнѣнія можно дѣйстви-
 тельно доказать, что шѣ самые
 искусники несравненно должны быть
 знашнѣе шѣхъ своихъ куколъ, кото-
 рыхъ они украшая, даютъ цѣну ихъ
 достоинствамъ и... но что объ этомъ
 много говорить! — Нѣшѣ, любезный
*Плутаръ*зѣ, ештли ты хочешь, чтобы
 сынъ твой былъ полезнѣе своему
 отечеству, то я совѣщую тебѣ за-
 писать его въ военную службу. Во-
 образи себѣ, какое это прекрасное
 состояніе, которое, можно по спра-
 ведливости сказать, есть первѣй-
 шее въ свѣтѣ, потому что непод-
 вержено никакимъ строгостямъ, ниже
 какимъ опасностямъ, сопряженнымъ
 съ придворною жизнью. — Военному
 человѣку нѣшѣ ничего непозволен-
 наго; онъ пѣшѣ для того, чтобы
 быть храбрымъ; перемѣняетъ любов-
 ницъ, что бы не быть ни чьимъ пѣн-
 никомъ; играетъ для того, что бы
 привыкнуть къ непостоянству сча-
 стія, шоль сродному на войнѣ; обма-

нываетъ, что бы приучить свой духъ къ военнымъ хитростямъ; а припомъ и участь его ему совершенно извѣстна; ибо состоитъ только въ двухъ словахъ: чтобъ убивать своего непріяеля, или быть самому опъ онаго убишу; гдѣ онъ бьетъ, то тамъ и бѣтъ для него ничего священнаго, потому что онъ долженъ заставлятъ себя бояться; естли же его бьютъ, то ему стоитъ оборотить спину и имѣтъ хорошую лошадь; словомъ: военному человѣку нуженъ больше лобъ, нежели мозгъ; а иногда больше нужны ноги, нежели руки; и я состарѣлся уже въ службѣ, но всегда былъ того мнѣнія, что солдату негодится умничать. И такъ, ты ничего умнѣе не сдѣлаешь, какъ естли запишешь своего сына въ нашъ полкъ, ты же человѣкъ богатой, почему можешь сдѣлать ему хорошее счастье; деньги только нужны, а прочее я беру на себя, и увѣряю тебя, что твой сынъ самъ будетъ тѣмъ доволенъ. —

Государь мой, сказалъ улыбаясь *Тихо-
кравовъ*, вы съ такимъ жаромъ гово-
рите о своемъ званіи, что слуша-
тели могутъ подумать, будто спаш-
ское состояніе и въ подметки вашему
негодится, хотя не распложая пу-
стыхъ словъ, я могу коропко ска-
зать, что служба въ семъ состояніи,
обязанъ я оному значнымъ доходомъ,
состоящимъ изъ десяти тысячъ;
вступая же въ оное, не имѣлъ я ни
полушки; и такъ сіе одно довольно
могло бы доказать, что перо гораздо
полезнѣе, нежели шпага; но я не
люблю жаркихъ, а держусь лучше
основательныхъ доказательствъ. Я не
оприцаю выгодъ военнаго человѣка,
но знаете ли, что спашское состо-
яніе есть соборіще лучшихъ выгодъ
изъ всѣхъ другихъ состояній? — Какъ!
вскричалъ *Рубакинъ*, вы подьячихъ
сравниваете съ воинами? — Но можете
ли вы въ томъ успѣть? — Одно это,
когда мы возьмемъ какую крѣпость,
сколько приносимъ намъ славы,

и сколько попомб чувствуемб удо-
вольствія, обогащая себя всѣмб, что
только на глаза наши погда ни по-
падешся. Кто другой можетб имѣть
такую волю, чтобб безб малѣйшаго
нарушенія права присвоивашь себѣ
вещи, никогда ему не принадлежав-
шія? — Поспойте, поспойте, пере-
рвалб съ скоростію *Тихокрадовѣ*, дай-
те мнѣ докончатъ; вы погда сами
увидите, правду ли я сказалб. Спаш-
ской человекѣ столько же казашься
можетб блистательнымб, сколько и
придворный; онѣ такѣ же можетб
приобрѣтать себѣ дарованія посо-
біями тѣхѣ самыхѣ искусниковѣ, ко-
шорые своимб искусвомб состав-
ляютб достоинства большей часши
придворныхѣ, чему многіе изѣ нашихѣ
судей могутб быть явнымб доказа-
тельствомб; а иные столько же въ
шомб себя отличили, что лучше
знаютб, какѣ одѣться по послѣдней
модѣ и сообразно годовому времени,
нежели опправлять по надлежащему

свою должность и вершишь судебныя дѣла. — Спашской человекѣ столько же можешь имѣть тогда славы, сколько и военной, когда онъ сообразивъ всѣ послѣдствія и проникнувъ въ существо дѣла, разрушитъ всѣ хитросплетенія гнусныхъ лжей, покрывавшихъ мракомъ цѣлый вѣкъ или и болѣе истину, которой опредѣленіемъ своимъ доставишь принадлежащую ей справедливость. — Чшожь принадлежитъ до обогащенія его, шо онъ имѣетъ еще шо преимущество, чшо не ошлучаясь за нѣсколько сотъ или тысячъ верстѣ, и не подвергая себя столь видимой опасности, какой подвергается воинъ, можешь ежедневно обогащать себя, и присвоивать вещи съ собственнаго согласія ихъ хозяевъ, которые за немалое еще удовольствіе себѣ поставляютъ служить оными, и почиаютъ за ошмѣнную къ нимъ благосклонность, естли ошъ нихъ оныя принимаешь. — Сверхъ шого, спашской человекѣ

можешъ производить торгъ своими рѣшеніями точно такъ же, какъ и купецъ, съ пою покмо разницею, что одинъ продаетъ свои шовары по извѣстнымъ цѣнамъ на аршины или на фуншы, а другой измѣряетъ продажное правосудіе собственнымъ своимъ размѣромъ, и продаетъ его, сообразуясь со сщеченіемъ обстоятельствъ и случая, смотря при томъ на количество приращенія своего богатства. — Если вы противъ сего скажете, что все это непозволено законами, то въ крайней мѣрѣ должны въ томъ признасться, что въ свѣтѣ введенныя обыкновенія столь же сильны, какъ и самыя законы; сказанныя же мною выгоды шашскаго челоувка издавна между людьми вошли въ обычай, и нынѣ онѣ столько же употребительны и извинительны, сколько прощительно придворному не плашшь своихъ долговъ, а купцу имѣть окороченный аршинъ и невѣрные вѣсы, или сколько сему послѣднему позво-

лишельно, обогативъ себя чужими деньгами, и надававъ въ пріятельскія руки пустыхъ на себя векселей, избавишься шѣмъ отъ плашежа истинныхъ своихъ доходовъ. — И такъ, видишь ли, другъ мой, продолжалъ онъ, оборотясь къ хозяину, что я не солгалъ; и ты весьма несправедливо сдѣлаешь, еслии предпочтешь какое нибудь состояніе сшашскому, въ которомъ онъ можешь бышь столько же знашенъ и блиспапеленъ, сколько и придворный; столько же обогащаетъ себя всѣмъ, что ни увидишь, сколько и воинъ, и съ такою же способностію шорговать, какъ и купецъ. — Не оплагай же долбе, ошдай его въ мой приказъ, и будь увѣренъ, что я выведу его въ люди. Не думай, чтообъ я эшо обѣщаль изъ одной только учнивости, нѣтъ, мнѣ ничего не стоишь доставишь ему чинъ, чему явнымъ доказательствомъ мой дворецкой, котораго за усердную его ко мнѣ службу, сдѣлалъ я Секретаремъ.

И такъ, когда я дворецкому доставилъ такое счастье, то будь увѣренъ, что тебѣ, какъ моему другу, могу болѣе услужить; нужно только потеряшь тебѣ нѣсколько тысячъ при его производствѣ, такъ и дѣло съ концемъ; но повѣрь мнѣ, что сынъ твой со временемъ, когда будешь на судейскомъ стулѣ, издержки сіи возвратитъ тебѣ въ созеро.

Что до меня касается, сказалъ *Трудолюбовъ*, то я вмѣсто того, что бы защищать выгоды своего званія въ моемъ опечесствѣ, при первомъ же случаѣ постараюсь изъ онаго удалиться и возвратиться въ Англію, гдѣ знаютъ лучше цѣну моего художества, и гдѣ за оное получалъ я во сто разъ больше, нежели здѣсь, хотя я никакой не примѣчаю разности въ моемъ искусствѣ; а сіе меня столько опечалило, что не размышляя нимало предался я пьянству; знаю, что разумному человеку сіе непроспешельно, но что уже дѣлалъ, когда

е томъ я скоро думавъ, едѣлаея же-
 перь совершеннымъ пьяницею: извѣ-
 стно, что скоросшь не одному мнѣ,
 но многимъ причинила пагубу. И шакъ,
 любезный *Плутаръзъ*, еспьли шы хо-
 чешь сына своего сдѣлашь счастлив-
 вымъ какимъ нибудь художествомъ,
 шо или пошли его для рабошы въ
 чужіе краи, или не вели ему ни за
 что принимашься, пошому что здѣш-
 ніе жишели своихъ художниковъ и
 ихъ рабошу ни за что почишаюшъ,
 а уважаюшъ одно привозимое изъ за
 моря. Я могу сказашь, что мое иску-
 сшво всегда почишалось изъ первыхъ,
 и въ Англии ошъ онаго многіе обога-
 щающься; я самъ со временемъ, мо-
 жешъ бышь, былъ бы изъ первыхъ
 шамъ богачей, еспьлибъ не прину-
 денъ былъ сюда выѣхашъ. — Нѣшъ!
 милоспивые государи, сказаъ хозя-
 инъ, я свое соспоянiе всѣмъ прочимъ
 предпочишаю, и оспавлю навсегда въ
 немъ своего сына. Правда, копя я
 и не дворянинъ, но деньги все мнѣ

Часъ I.

14

замѣняютъ. — Я увиѣлъ, любезный *Маликульмулкъ*, что онъ говоритъ правду; ибо процвѣшая въ избыткѣ, живеть онъ, какъ маленькой царѣкѣ. Придворные, ученые и художники, ежедневно ищутъ въ немъ благопріятства; первые просятъ у него въ прозѣ въ долгъ денегъ, вторые ищутъ награжденія за подносимые стихи, а претъи ожидаютъ, чтобъ онъ употребилъ ихъ къ своимъ услугамъ; и шакъ, придворнымъ даетъ онъ по щеславію, ученымъ по великодушію, хотя въ прочемъ никогда не чипаетъ ихъ стиховъ, а шретъимъ, льспя пустою надеждою, опказываетъ, сохраняя шѣмъ домашнюю свою экономію.

П И С Ь М О XII.

Отъ Гнома Буристона къ волшебнику Маликулъмулкъу.

И надежды нѣшѣ, любезный *Маликулъмулкъ*, что бы я могъ скоро возвратишься въ адъ. Сколько здѣсь ни обширны фабрики правосудія, но почти на всѣхъ обрабатывается оное довольно дурно. Одно шолько нѣсколько меня упѣшаетъ, что мнѣ есть изъ чего выбрать; ибо на всякія 30000 жителей, навѣрное находится 20 тысячъ судей; но еслии ты меня спросишь, найдешь ли въ сихъ 20 тысячахъ, хотя 2 десятка мудрецовъ, или лучше сказать, хотя 1 добродѣтельный и знающій судья, то я для рѣшенія сего вопроса, покорно попрошу у тебя дать мнѣ 500 лѣтъ срока. Впрочемъ, ты изъ маленькаго случая, о коемъ я тебя здѣсь уведомлю, и кошорому я самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, увидишь, правду ли я думаю.

Послѣдую предписанію *Диогену*,
 вѣлѣвшъ на землю, вошелъ я въ одну
 изъ славнѣйшихъ лавокъ *Фемисы*;
 увѣнчанныя перьями головы судей,
 съ кошорыхъ уже давно сошли во-
 лосы, дѣлали ростъ ихъ величествен-
 нымъ, и хоша полсшыя ихъ шуло-
 вища не предвѣщали судейской забош-
 ливосши, но впалые глаза, казалось,
 были у всѣхъ припулены на чпеніи
 законовъ. Судейская зала, правда,
 хоша не соломою, а шелкомъ и золо-
 томъ была украшена, однакожь со-
 всѣмъ шѣмъ, полъ забрызганный чер-
 нилами доказывалъ ихъ шрудолубіе;
 надъ дверьми, на восковой, но сдѣ-
 ланной подъ мраморъ, доскѣ, *Фемиса*
 держала слѣдующую надпись:

Хранящій истины усшавы,
 Законы шы мои внемли:
 Не продавай своей расшравы,
 Не будь здѣсь пьянъ, и не дремлѣ. —

Я едва могъ разобрать сію надпись,
 для шого, что судьи очень жарко
 шопяшъ залу, и восковая доска сдѣла-

лась такъ гладка, что почти ни одного слова не было порядочно видно; со-всѣмъ шѣмъ, мнѣ это подавало очень хорошую надежду, какъ вдругъ вошелъ въ залу полской купецъ, который шянулъ за собою бѣднаго чело-вѣка. Разсудите меня съ этимъ негодяемъ, кричалъ сей брюханъ, онъ укралъ у меня изъ кармана плашокъ, но ваше правосудіе конечно не допуститъ, чтобъ было въ самомъ городѣ такое ужъ ушѣшеніе отъ сихъ наглецовъ; и я пребую, продолжалъ онъ, чтобъ его осудили вы по всей строгости законовъ. — Судьи нимало не медля приговорили бѣдняка сего повѣсиль, и шолпа народа неперпѣливо дожидала уже сего позорища. — Почтенное собраніе, сказалъ тогда судьямъ бѣднякъ, ваша воля ничемъ не можетъ бышь оспорима; но не уже ли правосудіе съ начала наказываетъ преступника; а потомъ уже разсматриваетъ существо его дѣла. — Нѣшѣ! ваше званіе обнадеживаетъ меня, что вы

конечно благоволите, чшобъ я оправдался. . . . Чшобъ ты оправдался, сказалъ одинъ изъ нихъ, смотря на солнце, да знаешь ли ты, что уже шеперь полдень, и что тебя скорбе можно повѣсить, нежели выслушать твои оправданія, которыя у всѣхъ пресупниковъ безчисленны. — Постойте, сказалъ бѣднякъ, одна минуша шерпѣнія не нанесетъ вреда вашему желудку, и спасетъ несчастнаго отъ строгаго наказанія. Признаюсь, я укралъ плашокъ; но скажите, когда вы не желая вытерпѣшь двухъ минутъ голоду, хотите похитить у опечества, можете быть, полезнаго ему гражданина, то могли я при дни бывъ безъ пици, не украсть наконецъ сего плашка, потеря котораго ничего не стоить сему богачу. Знайте, что я никогда не имѣлъ сей склонности, родясь съ способностями къ живописи, кошоры подкрѣпя наукою и усовершивъ въ чужихъ краяхъ, возвратился я

назадъ съ успѣхомъ, надѣясь имѣть безбѣдное пропитаніе въ своемъ отечествѣ. Мои картины хотя всѣми были здѣсь одобряемы, но порочили ихъ тѣмъ, что онѣ не были *Алле-совы*, *Рубенсовы* и *Рафаеловы*, или по меньшей мѣрѣ не были иностранной работы, и для того никто не хотѣлъ ихъ имѣть въ своихъ галереяхъ. Это меня лишило бодрости, предало унынію и повергло въ отчаяніе и нищету, такъ что я не имѣя никакой надежды поправить свое состояніе, имѣя престарѣлыхъ родителей и малолѣтнихъ сестеръ на своемъ содержаніи, на которое при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и дороговизнѣ испоцивъ все, что имѣлъ, и самъ наконецъ умирая съ голоду, принужденъ былъ сдѣлать сіе преступленіе. И такъ, разсмотрише теперь; я ли виновенъ, что по необходимости прибѣгнулъ къ пороку; или вы, гнушающіеся художествами вашихъ соотечественниковъ? Я ли, который старался

вѣ своемъ отечествѣ поравняшь вкусъ живописи со вкусомъ другихъ народовъ; или вы, плащящіе мнѣ за то неблагодарностію? Наконецъ, я ли, который собою подкрѣплялъ надежду своихъ художниковъ, имѣть со временемъ вѣ нашемъ отечествѣ *Мишель-Анжеловъ*; или вы, которые своимъ нерадѣніемъ и презрѣніемъ погашаеше вѣ нихъ весь жаръ къ трудамъ и усовершенію ихъ дарованій? — Судьи признавались, что онъ изрядно говорилъ, и могъ бы по краснорѣчію бытъ хорошимъ спрянчимъ; но какъ они не знали ни *Мишель-Анжеловъ*, ни *Рафаелевъ* и не понимали о живописи, то изъ всѣхъ его словъ замѣтили только то, что онъ признался вѣ кражѣ, за которую законъ наказывалъ висѣлицею; вѣ слѣдствіе чего и не хотѣли опмѣнить своего приговора; нѣкоторые только изъ сожалѣнія хотѣли, что бы вмѣсто висѣлицы опрубить ему голову, а другіе, боясь пещли и шопора, приговаривали

засѣчь его до смерти розгами. — Я между тѣмъ удивлялся строгости судей, и признавалъ самъ въ себѣ, что хотя они не совсѣмъ были правы, однакожь порокъ всегда наказывался долженъ, и ничемъ не можетъ быть извиняемъ. Вотъ, думалъ я наконецъ, иѣ судьи, изъ которыхъ, можетъ быть, я выберу надобное число Плупону. — Въ сіе время, когда они еще спорили, какую помянутому положить ему казнь, отворилися двери залы, и вошелъ богато убранный господинъ; всѣ судьи передъ нимъ встали, привѣщивали его своими поклонами и просили его сѣсть. Бѣднякъ, думая конечно, что это былъ ихъ начальникъ, бросился передъ нимъ на колѣни и просилъ о своемъ избавленіи. — Что стоить прощеніе сего бѣдняка, спросилъ съ гордостію богачъ? — Милостивый государь, сказалъ одинъ изъ нихъ, если бы этотъ живописецъ былъ въ состояніи заплащать 200 небольшихъ листовъ

здѣшняго золоша, шо бы не былъ наказанъ; но онъ очень бѣденъ, и для шого, мы приговорили было его къ висѣлицѣ, однакожь нѣкошорые изб насѣ, по мягкосердечію своему, присуждають опрубить ему голову, а другіе засѣчь розгами; и вотъ уже полчаса, какъ о помѣ у насѣ происходитъ споръ, какою смертію его наказать, но еще ни на чемъ не рѣшились. — Вотъ двѣсти листовъ, сказалъ богачъ, подавая оныя, опустшите его, и примитесь лучше за мое дѣло; а ты, другъ мой, сказалъ онъ живописцу, подожди меня, мнѣ нуженъ человекъ швоего искусства размалывать паркетъ въ моей прихожей. Живописца выпустили, и сей рѣдкой искусникъ, кошорый бы могъ сдѣлать честь своему опечешству, дожидался своего избавителя, чшобъ ишти за нимъ рисовать холстъ, для обширанія ногъ пьяныхъ служителей; а судьи, что бы скорѣе приняться за дѣло сего господина, не медля нимало

приговорили къ висѣлицѣ еще десять бѣдняковъ, которыхъ нѣкогда имъ было тогда выслушать. Определе́нiе о томъ заключили они въ слѣдующихъ словахъ: „хотя сущность ихъ дѣлъ намъ неизвѣстна, но въ предположенiе, что бы другiе не на дѣялись на оправданiе, повелѣваемъ всѣхъ ихъ перевѣшать, а разсмотрѣнiе сихъ дѣлъ, отлагаемъ до предбудущаго засѣданiя.“

Кто это такой, спросилъ я у одного изъ стоящихъ близь меня, который столь щедро выкупилъ живописца, и передъ которымъ судьи такъ благоговѣютъ? — Это одинъ преступникъ, отвѣчалъ онъ мнѣ на ухо, который судится въ нѣкоторомъ похищенiи и грабительствѣ; и вотъ уже лѣтъ двадцать, какъ это дѣло тянется. — Какъ, спросилъ я, и его по сихъ поръ не повѣсили! Развѣ онъ похитилъ меньше, нежели золотникъ мѣди? — Нѣтъ! отвѣчалъ онъ, на него донесено, что онъ

покраѣ изъ Государственной казны нѣсколько милліоновъ въ золотѣ и серебрѣ, и разграбилъ цѣлую врученную ему область. — Пропащей же онъ человекѣ, сказалъ я; его конечно уже замучатъ жесточайшими казнями. — Напрошивъ того, отвѣчалъ онъ, онъ уже оправдался предъ правосудіемъ, и это ему стоить одного милліона; а чтобъ оправдаться въ глазахъ народа, то онъ дѣлаетъ такіе выкупы, какимъ освобожденъ живописецъ, и вноситъ на содержаніе сиротъ немалыя суммы денегъ, и чрезъ то, въ мысляхъ нѣкоторыхъ людей, вочисляется честнымъ, сострадательнымъ и правымъ человекомъ; изъ донощиковъ его большая половина перемерли въ шюрмѣ, а оставшіе завтра ушоплены будучъ въ морѣ, если только не успѣютъ они подкупить своихъ надзирателей и скрыться побѣгомъ; но я вижу, продолжалъ онъ, что вы недавно прибжали на нашъ островъ; поживи-

ше-шко у насъ подолѣ, такъ и увидише всего поболѣ. — Но и сего для меня довольно, сказалъ я. Мнѣ удивительно, какъ можете вы жить въ такой землѣ, гдѣ чуть было не засѣкли розгами бѣдняка, не бѣшаго шрое сущки, за то, что выпацилъ онъ у богатаго купца плашокъ; гдѣ прежде вѣшаютъ, подобныхъ ему, нежели разсмашриваютъ ихъ дѣла, и гдѣ пресшупникамъ, обворовавшимъ Государшвеную казну на нѣсколько миллионовъ, и разграбившимъ цѣлую область, судьи кланяюща чуть не въ землю. — Другъ мой, сказалъ мнѣ мой новой знакомецъ, это не такъ удивительно, какъ ты думаешь; въ томъ шолько вся сила состоитъ, что прежде, нежели хвататься за какое ремесло, надобно оное разшотрѣть со всѣхъ сторонъ. Сей живописецъ хватился за воровство, но съ самой безчестной и низкой стороны. Если бы онъ, напримѣръ: вступилъ съ какимъ нибудь купцомъ въ нова-

рищество, хотя бы по было со мною, по бы ты увидѣлъ, что, подѣ моимъ богатымъ предводительствомъ, мы могли бы обманывать тѣхъ, кого нельзя грабить, и грабить тѣхъ, кого нѣтъ нужды обманывать, а совсѣмъ тѣмъ остались бы у всѣхъ оспровскихъ жигелей въ почтеніи; но чтобъ было для тебя сіе понятнѣе, по расскажу тебѣ повѣсть сихъ жигелей, кошую слышалъ я отъ своего дѣда, а ему рассказывала объ ней покойница его бабушка. — Приспращіе къ плутовству, есть природное свойство дѣшнихъ жигелей, и мои земляки уже давно имъ промышляютъ. Въ старину оно было во всей своей силѣ; но какъ просвѣщеніе начало умножаться, по наши промышленники приняла на себя разныя имена, первошашейные сдѣлались *старшинами* и *законниками*, другіе *кулцами*, а шрешіе *ремесленниками* и *люсельянами*; но перемѣня званія, жигели не перемѣнили своихъ склонностей, и плу-

шловство никогда сполько не владычествовало надъ ними, какъ по сей перемѣнѣ, такъ что наконецъ преворилось оное въ совершенный грабежъ; которому однакожь даны самыя честныя виды; одно сполько старое воровство запрещено, а въ прочемъ, кто чемъ болѣе крадетъ, тѣмъ онъ почтеннѣе; опасно лишь тому, кто въ семъ хранитъ умѣренность: украденное яблоко можетъ спойти голову, а миллионы золота принесутъ уваженіе. — Такъ по этому, сказалъ я, никто не можетъ имѣть никакихъ собственныхъ своихъ выгодъ, по тому что вы другъ у друга сполько что перекрадываете? — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, *мастеровые* имѣютъ нѣкоторыя сполько способы къ плутовству, *кулцы* въ десятеро того больше, а *законники* и *старшины* употребляютъ всѣ средства и способы къ своему обогащенію, и для того всѣ купцы и *масперовые* стараются у насъ разбогатѣвъ купить себѣ

между судьями скамейку; опъ чего
 произошло, что нынѣ у насъ сѣ лиш-
 комъ во сто разъ больше судей, не-
 жели было прежде. — Представь, лю-
 безный *Маликульмулькъ*, каково было
 мое удивленіе, услышавъ о столь
 развращенныхъ нравахъ сихъ остро-
 влянъ. Я было не медля хотѣлъ уже
 отправиться на Сѣверъ, по совѣту
Диогену; но любопытство, а паче
 нѣкоторый лучъ надежды, что между
 таковымъ множествомъ судей, мо-
 жетъ быть, сыщутъ прехъ знаю-
 щихъ и добросовѣстныхъ, удержали
 меня нѣсколько на семъ островѣ.
 Распавшись сѣ моимъ знакомцемъ,
 лишь только успѣлъ я выйти на
 улицу, какъ встрѣтившись со мной
 разсерженной челоуѣкъ, державшій
 въ рукахъ своихъ бумагу, просилъ
 меня просмотрѣть, какова его чело-
 биная, которую подавалъ онъ на
 нововышедшую въ свѣтъ Саширу. —
 Государь мой, отвѣчалъ я ему, я не
 знаю ни Саширы ни вашего дѣла. —

О сударь! сказалъ онъ, эшо дѣло
 шребуешъ непремѣннаго ошмщенія.
 Сашира эша написана на рогоносца,
 а жена моя почно доказываешъ, что
 эшо на меня; послѣ чего подалъ, онъ
 мнѣ свою челобитную, съ кошорой
 копію, какъ любопытную вещь, къ
 тебѣ посылаю.

Судей собраніе почтенно,
 Внемли Пинта жалкій гласъ,)
 И разсуди ты непремѣнно,
 Съ Саширомъ негодяемъ насъ;
 Онъ смѣлъ наспроишь дерзку лиру
 И выпустишь во свѣтъ Саширу,
 Гдѣ онъ рогатаго браня,
 Назвалъ глупцомъ его безбожно,
 Женажъ моя, швердишь неложно,
 Что эшо пасквиль на меня.
 Второе, онъ сказалъ нахально,
 Что въ семъ рогатомъ чеспи нѣтъ,
 Хотя признашья непохвально;
 Но эшо почно мой поршреть.
 А шретье, шотъ его рогатой,
 Лишь красъ чужое шороватой,

Не можеть самъ писать стиховъ,
 А вамъ весь городъ это скажетъ,
 И всякой стихъ мой по докажетъ,
 Чшо я и былъ и есть шаковъ.

Прошуъ покорно накажите
 За пасквиль моего врага,
 И впредь указомъ запрешите
 Писать Саширы на рога.

Можетъ быть, любезный *Мали-*
кульмулькъ, послѣ увѣдомлю я шебя,
 чемъ эта странная шяжба кончипся.

Конецъ первой части.

П О Ч Т А
Д У Х О В Ъ,

ИЛИ

Ученая, Нравственная и Криптическая переписка Арабскаго Философа *Маликулъмулка* съ водяными, воздушными и подземными духами.

Ч А С Т Ъ II.

Съ дозволенія С. П. В. Ценсуры.

Въ Санктпетербургѣ,
печатано въ Императорской Типографіи,
1802 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧАСТИ II.

Стран.

- ПИСЬМО XIII. Опъ Сильфа Свѣшовида, о бышій его въ собраніи молодыхъ Госпожь и Пешимешровъ; какіе шамъ происходили разговоры на счетъ одной Графини, которой въ глаза всѣ льстили. — 1
- — XIV. Опъ Гнома Зора, о приходѣ его невидимкою въ лавку къ Французенкѣ, поргующей модными уборами. 14
- — XV. Опъ Сильфа Свѣшовида, о собравшейся шолпѣ народа у дома г. *Людомора*, шамощяго Апшекяря, кошорой заспалъ свою жену въ любовномъ обхожденіи съ своимъ сидѣльцемъ; разсужденіе о невѣрности женъ и мужей. — — — 34
- — XVI. Опъ Гнома Вуриспона, о входѣ его въ оперной домъ. Разговоръ съ Акшеромъ, кошорой приглашалъ его вступити въ ихъ шайку. — 47
- — XVII. Опъ Гнома Зора, о женидбѣ Г. *Припрыжкина*. Разговоръ о его невѣстѣ. — 60
- — XVIII. Опъ Асшароша, о разговорѣ съ однимъ молодымъ чловѣкомъ, жаляющимъ вступити въ должность Секрешаря. — — — 80

- ПИСЬМО XIX.** Онь Сильфа Свѣтовида, знакомство его съ однимъ Пестиметромъ, кошорый непремѣнно хещѣтъ, чшобъ онъ одѣтъ былъ по его вкусу. - - - - 89
- — **XX.** Онь Сильфа Дальновида, разсужденіе о нѣкошорыхъ Государяхъ и Миниспрахъ, кои носипупками своими причиняли всаикій вредъ людемъ. - - - - 108
- — **XXI.** Онь Гнома Вѣсподава, о новыхъ перемѣнахъ въ адѣ. 117
- — **XXII.** Онь Сильфа Дальновида, о шомъ, чшо гораздо бы лучше для людей, когда бы они непрещавно спали, и видѣли хорошія сновидѣнія. 139
- — **XXIII.** Онь Гнома Зора, о окончаніи свадьбы *Припрыжкина*; разговоръ *Неотказы* съ своєю прѣшельницею *Безстыдою*, о выгодахъ имѣшь глуваго мужа, кошораго можно всегда обманывашь. - - 148
- — **XXIV.** Онь Сильфа Дальновида, о шомъ, чшо въ гражданскомъ обществѣ часпо называюшь *гестымѣ гелоевкомѣ* шото, кошорой ни мало сего названія незаслуживашь, и какія нужно имѣшь досшощива, чшобъ приобрѣсши названіе истинно *гестнаго гелоевка*. - 171
-

П О Ч Т А
Д У Х О В Ъ.

П И С Ь М О XIII.

*Отъ Сильфа Свѣтовида къ волшеб-
нику Маликулъмулку.*

Осмашривая многіе города, взду-
малось мнѣ въ семъ городѣ прожить
нѣскольکو времени. Принявъ на себя
видъ знашнаго путешественника, по-
знакомился я со многими здѣшними
жителями, которые со всѣхъ сто-
ронъ осыпающъ меня превеликими
ласками и приглашающъ во всѣ лучшія
собранія модныхъ своихъ госпожъ и
пешиметровъ, гдѣ съ великимъ при-
мѣчаніемъ разсмашриваю я хипроси
женщинъ и вѣроломство мущинъ. Въ
одно время случилось, когда я шуда

Часъ II.

1

вошелъ, по рѣчь шла о нѣкоторой Графинѣ, о которой всѣ говорили съ превеликою насмѣшкою, не смотря на то, что въ глаза ей всѣ показывались друзьями.

„Я не знаю, говорила одна молодая
 „госпожа, откуда Графиня беретъ
 „свои пусшыя рассказы, которыми
 „всегда намъ наводишь скуку; по
 „чести въ ея лѣта не позволялось бы
 „такое пустое болшанье.„ — Никакъ,
 сударыня, сказалъ одинъ пешиметръ
 съ насмѣшливымъ видомъ: „ежели
 „только эшо правда, что лѣта бы-
 „ваюшъ причиною охотѣ скучашъ въ
 „собраніяхъ своимъ болшаньемъ, шо
 „Графиня давно уже имѣетъ сіе
 „право.„ — Куды какой ты насмѣш-
 никъ, подхватила другая госпожа:
 „я знаю Графиню, она еще не такъ
 „стара, чшобъ ее считатьъ въ числѣ
 „болшливыхъ старухъ. Она вышла за
 „мужъ въ шобъ годъ, какъ я роди-
 „лась: ей было тогда двадцать четыре
 „года, а мнѣ шеперь шолько шридцать

„два.„ — Какъ, сударыня, вскричалъ одинъ вершопрахъ, съ видомъ прѣвеликаго удивленія: „вы кажешься еще „совершеннымъ младенцемъ, а говорите, будто вамъ придцать два „года; эшо мнѣ кажешься сполько же „удивительнымъ, какъ и по невѣроятнымъ, чшобъ Графинѣ было пятьдесять шесть лѣтъ, хопя она и „сказываешъ всѣмъ, чшо ей не больше „сорока.„

Въ шу самую минушу, какъ спорили о лѣтахъ сей Графини, вошла она въ собраніе; каждый передъ нею перемѣнилъ свои слова. Ахъ! Боже мой, любезная Графиня, говорила ей ша самая госпожа, кошорая за минушу предъ тѣмъ споль щедро награждала ее пятьюдесятью шестью годами: „какой у тебя сего дня прѣкрасной цвѣтъ въ лицѣ, какъ шы кажешься прелестна, никшо не скажетъ, чшобъ тебѣ было придцать „лѣтъ.„ — Однакожь мнѣ больше придцати, сказала Графиня въ полго-

лоса, усмѣхаясь, прищуривая глазами, и кусая себѣ губы, чтобѣ сдѣлать ихъ алѣе: „я совсѣмъ не спала нынѣшнюю ночь, продолжала она, и поутру вставши спрашивалась сама на себя взглянуть въ зеркало; но чеспи! я не хошѣла никуда сего дня показаться; но имѣя чрезвычайное желаніе бытъ съ вами вмѣстѣ, рѣшилась наконецъ сюда прибхать. — Мы бы очень много сожалѣли, когда бы лишены были вашего пріятнѣйшаго для насъ присутствія, вскричалъ шопъ пепимешрѣ, который предъ ея входомъ явилъ ее жестокими насмѣшками: „пошому чпо никто не приноситъ столько удовольствія въ собраніяхъ, какъ вы сударыня. Чортѣ меня возьми! ешлыи я не гораздо пріятнѣе слушаю шѣ небольшія пошвѣсти, кошорыя вы иногда изволише намъ рассказывать, нежели лучшія басни Бокасовы и де ла Фоншеновы. „

Я чрезвычайно удивлялся, слушая сіи разговоры, наполненные гнуснаго

ласкашельства и прищворства, и почиталъ оное непрощительнымъ вѣроломствомъ. Мнѣ очень казалось страннымъ, что здѣсь, по заочности, столь язвительно насмѣхающся надъ такою особою, съ кошорою всякой день бывающъ вмѣстѣ, и кошору называющъ именемъ друга; а еще того страннѣе, что въ глаза шу же самую особу осыпающъ чрезвычайными похвалами. Сіи похвалы я почиталъ не иначе, какъ несносимымъ оскорбленіемъ, пошому что онѣ заключали въ себѣ скрытыми шъ самыя насмѣшки, которыя предъ ея входомъ на сцену ея были произносимы.

Какъ скоро вышелъ я изъ сего собранія, то не могъ воздержаться, чтобъ не открытъ моего удивленія одному корешку мнѣ знакомому Графу.

„Ежели всѣ люди, говорилъ я ему,
 „съ кошорыми вы живете, обходящся
 „съ вами съ такимъ прищворствомъ,
 „то вы великаго сожалѣнія достойны,

„и ни на чьи слова не должны по-
 „лагаться. Кто можетъ васъ увѣ-
 „рить, чшобъ не говорили когда и на
 „вашъ счетъ такихъ же язвитель-
 „ныхъ насмѣшекъ, какія говорены
 „были на счетъ Графини? Эши люди,
 „имѣющіе столь злобныя и коварныя
 „сердца называютъ себя ея друзь-
 „ями, равно какъ и васъ увѣряютъ
 „въ своей дружбѣ. — Я уже знаю,
 ошвѣтствовалъ мнѣ Графъ, какимъ
 образомъ я въ такомъ случаѣ посту-
 патъ долженъ. „Мнѣ довольно извѣ-
 „стенъ свѣтъ, чшобъ не допустишь
 „себя обманушь никакими щетными
 „увѣреніями дружбы и пустыми по-
 „хвалами, произносимыми безъ мы-
 „слей и безъ всякаго основанія. Я самъ,
 „сообразуясь съ обычаемъ и модою,
 „часто хвалю то, что мнѣ кажется
 „смѣшнымъ, и послѣ охотно отка-
 „жусь отъ тѣхъ похвалъ, ежели
 „потребуютъ отъ меня истиннаго
 „въ томъ доказательствѣ. — Но къ
 чему сіе пришворство? спрашивалъ я

его. На что непрестанно измѣнять чувствамъ своего сердца? „Ваши „уша по этому никогда не произносятъ того, съ чемъ согласуется „ваше сердце; и искренность, которая почитается самонужнѣйшею „добродѣтелию для общежитія, со- „всѣмъ вамъ неизвѣстна.„ — Чтожъ дѣлать, говорилъ онъ мнѣ, якое заведено здѣсь обхожденіе; припворство почитается шѣснѣйшимъ узломъ всѣхъ здѣшнихъ сообществъ. Здѣшніе жили, примѣняя въ себѣ, что они не могутъ быть способными истинно любить шѣхъ людей, съ коими обращаются, начали употреблять припворство вмѣсто истинной любви. Хищность заснула вмѣсто истины, а ласкательство вмѣсто чистосердечія; и наконецъ нужда сдѣлала сіе припворство извинительнымъ.

Вошъ, почтенный *Маликульмулкъ*, какія главнѣйшія причины вѣжливости и учтивства, кошорыя шоль много уважаются между здѣшними согражда-

нами, и коими они не иному чему одолжены, какъ искренности и чистосердечію, копорыхъ они лишены, и вмѣсто копорыхъ оныя упошребляющъ. Всѣ ихъ обязательныя и учшивыя увѣренія, ихъ ласковые приемы и льстивыя слова сунъ слѣдствія ихъ пришворства. Философъ долженъ похвалы ихъ и вѣжливостъ почищать ядомъ, положеннымъ въ напишокъ, имѣющій самый пріятный вкусъ.

Въ здѣшней сторонѣ каждый чело-вѣкъ ни о чемъ болѣе не спарается, какъ о помѣ, чѣмъ наружно обла-скашь всѣхъ, попадающихъ ему на встрѣчу: одному онъ учливо кла-няется, другаго осыпаетъ льсти-выми словами, и попомъ обнимае-тъ съ знаками искреннѣйшей дружбы особу, очень мало ему знакомую. Всѣ здѣшніе жишели въ искренности и чистосердечіи могутъ почестъся Ти-пами, и всякому по наружности ихъ покажешся; что они почищаютъ шѣ

дни, въ копорые не удастся имъ ни кому оказашь благодѣянiя, днями въ жизни ихъ пошерянными; но естли войшишь во внушрренность ихъ распоженiя, то найдешь совсѣмъ пому прошивное. Они чрезвычайную имѣюшъ склонность къ злословію и почитаюшъ по для себя великимъ ушѣшенiемъ, когда на чей счетъ удастся иному изъ нихъ сказашь оспрое слово. Здѣсь очень часто другъ своимъ другомъ жершвуютъ удовольствiю вымолвишь въ обществѣ вершопраховъ оспрую и забавную шушку. Здѣсь мало сыщешь шакого дружества, которое не было бы при случаѣ подвержено насмѣшкамъ, и шакъ же очень рѣдко найдешь шакихъ людей, копорые были бы сполько счастливы, чшобъ имѣли шакого, кому бы могли отккрышься въ своихъ несчастiяхъ и ввѣришь свои шайны. Ежели истинные друзья повсюду рѣдки, то здѣсь они всего рѣже.

Крипическій и злословящій духъ, обладающій всѣми здѣшними жителями, дѣлаетъ ихъ принужденными во всѣхъ своихъ поступкахъ. Они другъ за другомъ во всемъ рачительно примѣчаютъ; они знаютъ, что всѣ окружающіе ихъ взираютъ на нихъ завистливыми и злобными глазами, что самаалѣйшія ихъ движенія будутъ обращены въ насмѣшку; и для того во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ, въ позорищахъ и на гуляньяхъ, во всемъ наблюдають они превеликую осторожность, въ походкѣ, въ смѣхѣ, въ произношеніи голоса, а болѣе всего въ нарядахъ. Женщины употребляютъ на то чрезвычайное искусство, такъ, что полководецъ, въ собраніи военнаго совѣта, не столь рачительно располагаетъ и совѣтуетъ о удачномъ успѣхѣ назначаемаго сраженія, какъ здѣшняя щеголиха распоряжаетъ своими горнишными дѣвками при надѣваніи на себя своихъ уборовъ, сирашивая у нихъ поминушно: пристало ли

ей надѣшое платье, и къ лицу ли чепчикъ, или шляпка? Все сему подобное привлекаетъ на себя ея вниманіе. Она двадцать разъ посмотрится въ зеркало прежде, нежели совсѣмъ бываетъ опмалевано ея лицо разными пришираньями, помадами, румянами и прочимъ, и прежде нежели всѣ уборы ея приведены бывають въ совершенный порядокъ. Каждой цвѣшокъ, каждая ленточка, и даже каждая булавочка, должны быть осмошрѣны, помѣщены ли на своемъ мѣстѣ.

Женщина скорѣе согласится пробыть десять лѣтъ запершою, нежели на одну минуточку показаться на гуляньѣ безъ убору. Здѣсь часто въ лѣтнее время собираются въ саду, гдѣ бываетъ обыкновенное сборище пешешровъ и щеголихъ, которыя проширають свое злословіе и насмѣшки надъ всѣми попадающимися имъ на встрѣчу. Въ прежнія времена очень часто случались въ семъ саду любовныя приключенія, повреждающія честь

мужей, и шумъ непрестанно происхо-
 дило сраженіе у *Любви* съ *Гименомъ*.
 Мнѣ нѣкто рассказывалъ весьма за-
 бавное случившееся шумъ приклю-
 ченіе. Одинъ любовникъ, скрывшись
 нѣкогда въ шемной алеѣ сего сада,
 дожидался своей любовницы, копорая
 обѣщалась шуда приѣхать къ нему
 вечеромъ подѣ видомъ прогулки. Она
 сдержала ему свое слово, выпросив-
 шись у своего мужа, кошорый шѣмъ
 охотнѣе на шо согласился, что самъ
 имѣлъ назначенное свиданіе съ своею
 любовницею въ помѣ же саду. Лишь
 шолько жена его уѣхала, шо онъ не
 медля самъ отшправился къ своей лю-
 бовницѣ. Мѣсто избранное имъ для
 любовнаго собесѣдованія было не по-
 далеку отъ шого мѣста, гдѣ жена
 его имѣла свиданіе съ своимъ любов-
 никомъ; двое или шрое прогуливаю-
 щихся въ семъ саду нечаянно подо-
 шедъ къ шому мѣсту, гдѣ происхо-
 дили сіи два любовныя свиданія, воз-
 препятшшвовали ихъ забавамъ и при-

нудили ихъ ипши искашь другаго вы-
годнаго мѣста; но вѣ какое пришли
они удивленіе по выходѣ на большую
дорогу, гдѣ при лунномъ сіяніи узнали
они другъ друга и увидѣли, что оба
мущины были мужья, размѣнявшіеся
своими женами. При такой нечаянной
встрѣчѣ они не могли вдругъ удер-
жаться, чтобъ не оказашъ явнымъ
образомъ своего прискорбія и удивле-
нія, такъ что другіе, находившіеся
шущъ вѣ саду, слышали взаимные ихъ
другъ другу дѣлаемые выговоры и
упреки, и на другой же день сіе при-
ключеніе многимъ сдѣлалось извѣстно.
Наконецъ сіи несчастные мужья при-
нуждены были предашъ совершенному
забвенію взаимную свою досаду, и
внушренно утѣшались только тѣмъ,
что одинъ другому заплашилъ оди-
накою монешою.

П И С Ь М О XIV.

*Отъ Гнома Зора къ волшебнику
Маликульмулку.*

Получивъ вновь повелѣніе отъ *Прозерлины*, чѣмъ при исканіи модныхъ искусниковъ постарался я, какъ можно скорѣе доставить ей разныхъ модныхъ уборовъ; сколько ни было мнѣ досадно сіе подивительное повелѣніе, напоминающее мнѣ о невозможности возвратиться скоро въ адъ, однакожь долженъ непремѣнно выполнитьъ волю своей богини. Для сего выбору вошелъ я въ лавку къ одной Француженкѣ, торгующей модными уборами, сдѣлавшись невидимымъ, нарочно для того, чѣмъ безъ всякаго обману узнать, копорые уборы были больше въ модѣ. Въ то время въ лавкѣ случилось множество щеголихъ, выбирающихъ для себя разные уборы. Съ начала я очень обрадовался шакому случаю, надѣясь

онѣ ихъ узнашь цѣну и достоинства сихъ уборовъ, и которые изъ оныхъ были больше въ модѣ и одинъ передъ другимъ предпочтительнѣе; однакожь никакъ не могъ удовольствоваться своего любопытства, пошому что всѣ онѣ были разныхъ мнѣній: одна изъ нихъ больше хвалила *токи*, другая *селсики*, иная *шляпки*, иная *тюрбаны*, а иная *каска*, такъ что на выборы ихъ я никакъ не могъ положиться, и крикомъ своимъ чуть было онѣ меня не оглушили. Наконецъ купивъ каждая, что ей было надобно, вышли онѣ всѣ изъ лавки; модная торговка такъ же ушла въ другую комнату, и я оставшись одинъ размышляя, какой бы найти способъ, чтобъ не обманувшись узнать, которые уборы предпочтительнѣе другихъ, и въ какое время съ лучшимъ успѣхомъ могутъ быть употребляемы, какъ вдругъ услышалъ, что въ шкапу самые сии модные уборы начали между собою разговаривать; а шебѣ

извѣстно, почтенный *Маликульмулкъ*, что мы имѣемъ способность слышать и разумѣть разговоры всѣхъ даже и неодушевленныхъ вещей. Они спорили между собою о ихъ другѣ передъ другомъ преимуществѣ. Разговоры сіи показались мнѣ очень забавными; я слушалъ ихъ съ великимъ удовольствіемъ и почишаю за долгъ сообщить тебѣ оныя.

Аглинская шляпка.

Можетъ ли какой уборъ быть лучше мѣня! и естли что нибудь на свѣшѣ прекраснѣе Аглинскихъ модъ?

Французской токъ.

Куды какъ ты забавна съ швоею Англією! Повѣрь мнѣ, моя голубушка, что хошя Агличане и берутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ преимущество передъ Французами, однакожь по конечно не съ стороны уборовъ и хитрыхъ выдумокъ щегольскихъ модъ.

Покосвой геттикѣ.

О чемъ вы друзья мои спорите! Повѣрьте мнѣ, что между нами нѣтъ никакого различія, и мы другъ передъ другомъ не можемъ имѣть ни малаго преимущества, пошому что ежели накой головной уборъ къ лицу одной женщины, то къ другой онъ совсѣмъ не бываетъ приличенъ; все зависитъ отъ расположенія лица, какимъ образомъ уборъ бываетъ надѣтъ, и отъ глазъ любовниковъ; ибо женщины желаютъ только нравиться своимъ любовникамъ и во всемъ полагаются на ихъ вкусъ.

Аглинская шляпка.

Въ этомъ - то вы больше всего обманываетесь; любовникамъ не нужны излишніе уборы, а имъ нужна горячность сердца; о уборахъ судитъ только публика, нѣжность же модной щеголихи не имѣетъ въ оныхъ ни малаго участія; а дѣйствуетъ одно только самолюбіе и щеславіе; онъ

Часть II.

9

шо больше всего ею обладають и располагають ея вкусомъ. Для нее лестнѣе привлекать на себя вниманіе многочисленнаго собранія, нежели нравиться одному воздухашелю: и главная цѣль ея нарядовъ состоить въ томъ, что она желаетъ нравиться многимъ, а не одному. Это только одно всѣхъ женщинъ побуждаетъ къ нарядамъ, и онѣ очень мало заботятся о томъ, что скажетъ имъ любовникъ о ихъ уборахъ; имъ нѣтъ никакой нужды въ излишнихъ украшеніяхъ для препровожденія прішнѣйшихъ минутъ съ любимымъ человекомъ, а напросивъ того въ любовномъ свиданіи лучшимъ украшеніемъ почитаются природныя прелести, безъ всякаго искусства въ уборахъ; тутъ наряды дѣлають только излишнее безпокойство и помѣшательство.

Покоевой гентикъ.

Однакожь совсѣмъ шѣмъ, госпожа *шяла*, ты должна признаешь, что

нѣкоторыя женщины, надѣвъ на себя или шляпу, или другой какой головной уборъ, кажутся другимъ чрезвычайно смѣшными, и очень часто пошлѣ самой ихъ уборъ дѣлаешь ихъ дурными, и для того - то лучше бы было, когда бы всякая женщина старалась избирать такіе уборы, копорые были бы ей къ лицу, а не такіе, копорые больше въ модѣ, въ чемъ просила бы совѣта у искренней своей пріятельницы, или бы слѣдовала вкусу модныхъ торговкѣ, доставляющихъ имъ сіи уборы.

Аглинская шляпка.

Можно ли положишься на вкусъ модной торговки! Она всегда больше выхваляетъ шлѣ уборы, копорые хочешь скорѣе сбыть съ рукъ? Она безъ всякаго сомнѣнія каждой женщиѣ будешь говорить, что эшотъ уборъ къ ней ужешъ какъ присталъ, хотя бы въ немъ казалась она совершеннымъ спрашилищемъ.

Покоевгій гентикб.

Ну, шакъ пусшь она полагається на вкусъ своего хорошаго друга; шо есть: обладашеля ея сердца.

Аглинская шляпка.

Вошь шо-шо хорошо! Обладатель сердца способенъ ли въ уборахъ подавашь совѣшты, когда всегда судишь онъ о семъ присшрасшно, наблюдая собшвенную свою пользу. Ежели онъ къ любовницѣ своей ревнуешъ, шо конечно не присовѣшуетъ ей надѣшь такой уборъ, ошъ кошораго бы она казалась прелестнѣе, боясь, чшобъ она не понравилась многимъ муцинамъ, и не привлекла бы на себя ихъ взоры.

Покоевгій гентикб.

А всего лучше, ешъли она будешъ совѣшовашься съ своимъ зеркаломъ.

Аглинская шляпка.

Вошь другая глупость; совѣшовашься съ своимъ зеркаломъ! Какъ

это забавно! совѣтоваться съ зеркаломъ! по-по изрядной совѣшникъ! Еслили хотя одна и самая гадкая женщина, копорую бы зеркало не увѣряло, что она довольно хороша?

Покоевой телтикъ.

О! пошой, чтожъ бы ты сказала, когда бы она пошребовала совѣшовъ у своихъ горнишныхъ дѣвокъ, непрестанно ее окружающихъ, такъ какъ шо дѣлаютъ многія здѣшнія щеголихи?

Аглинская шляпка.

Да! это прекрасная выдумка; слѣдуя такимъ совѣшамъ, можетъ она надѣяться хорошихъ успѣховъ въ своихъ нарядахъ, чтобы сдѣлаться или совсѣмъ гадкою, или не шоль пригожею. Сколько разъ случилось мнѣ слышать, что женщина говорила другой женщинѣ: *ахъ! какъ это къ тебѣ пристало! ужасъ! ужасъ жизнь моя! Гдѣ ты купила этотъ телтикъ? Ахъ! какъ онъ прекрасенъ и проч.*

а въ самое то время внутренно радовалась, что шопъ уборъ, въ прошив-ность ея похваламъ, былъ совсѣмъ не къ лицу.

Покоевой чепчикъ.

Ну, такъ пусть дѣлаешь она то, что хочешь.

Французской токъ.

Ты очень хорошо судишь, будучи но справедливости названъ покоевымъ чепчикомъ! Ну, можно ли тебѣ вмѣшиваться въ наши разговоры? Какъ тебѣ съ нами равняешься? Мы, по крайней мѣрѣ, бываемъ на позорищахъ; являемся при Дворѣ и шорже-спвуемъ на балахъ. Мы можемъ себя почитать лучшимъ украшеніемъ для всѣхъ щегольскихъ нарядовъ; но ты, бѣднякъ! ни къ какому платью не годишься, кромѣ какъ къ упренному *дезабиле*. Съ тобою только можно показаться при уединенномъ завтракѣ. Тебя надѣвають безъ всякой осто-

рожности, такъ какъ накидывающъ на шею плашокъ; нимало не примѣчая, какимъ образомъ ты надѣшъ бываешь. Ты всегда прикрываешь волосы совсѣмъ не причесанные, почему никакъ не можешь ровняться съ щегольскими уборами, и не иначе можешь почищаться, какъ спальнымъ чепчикомъ; и такъ, пожалуй скажи, имѣешь ли ты право вмѣшиваться въ наши разговоры?

Покосвой гентикъ.

Я тебѣ прощаю, почтенный шокъ, въ твоихъ грубыхъ и язвительныхъ противъ меня словахъ; но ежели, по твоему, я ни въ чемъ не могу ровняться съ вашими достоинствами, то для чего же меня положили въ одинъ съ вами шкапъ?

Французской токъ.

Вѣдь надобно же тебя куда нибудь положить; но находясь въ нашемъ почтенномъ сообществѣ, ты дол-

женѣ себя помнишь и передъ нами
молчаешь.

*Покоевой чепчикѣ (сѣ лукавою
услѣшкою.)*

И такъ я замолчу; ибо, ежели бы
я захопѣлъ сдѣлаться нескромнымъ,
но могъ бы насказать множество
любопытныхъ случаевъ, копорымъ
очень часто бывалъ я очевиднымъ
свидѣтелемъ, и копорыми вы никакъ
похвалишься не можете; вы конечно
бы позавидовали моему счастью. Разу-
мѣешь ли ты меня, гордой шокъ? дерз-
ской шокъ? грубой шокъ? неловкой
шокъ? ... Да знаешь ли ты, что по-
коевой чепчикъ бываетъ свидѣтелемъ
многихъ прятнѣйшихъ приключеній,
копорыхъ тебѣ никогда видѣть не
удася. Въ любовныхъ уединенныхъ
свиданіяхъ не почиашъ за нужное
имѣшь на головѣ своей такой щеголь-
ской уборъ, каковъ ты, господинъ
шокъ. Тогда почиашъ тебя самымъ
неловкимъ и скучнымъ украшеніемъ,

и изъ уваженія къ шебѣ не дерзають предаваться пріятнымъ и нѣжнымъ любовнымъ восторгамъ, чпобѣ не измяшь твоихъ пышныхъ кружевъ и ленъ; а попому ты присутствуешь шолько при скучныхъ и безмолвныхъ свиданіяхъ, въ которыхъ соблюдается превеликая благоприсойность. Такія шягосшныя церемоніи охлаждають чувства и удаляютъ сладостное восхищеніе любви. Но покоевой чепчикъ! ха, ха, ха, покоевой чепчикъ! любезной мой шокъ нарочно сдѣланъ для любовныхъ ушѣхъ, и нимало не препящшвуешь свободнѣйшему между любовниками обращенію. Ежели когда онъ безпокоитъ, шо снимають его безопасно и кладуть на уборной шюликъ; а послѣ опять надѣвають на себя безъ всякой ошторожности.

Блондовая косынка.

(Во время сихъ разговоровъ слитъ и хралитъ: хррѣ, хррѣ, хррѣ.)

Часъ II.

-3

Аглинская шляпка.

Вошѣ какѣ спокойно почиваетѣ наша любезная сосѣдка; желала бы я и ее вмѣшати въ наши разговоры....
(*Будитѣ ее.*)

Косовка.

Охѣ!.. Кшо это?... Кшо это мѣшаетѣ мнѣ спа... а... а. (*зѣваетѣ*)... а ашь? Я шакѣ спокойно спала, а эши глупцы мнѣ помѣшали; правду говорятѣ, чшо....

Аглинская шляпка.

Ты очень неучлива, чшо спишь въ шакое время, когда мы разговариваемѣ о шакихѣ важныхѣ предѣмѣшахѣ!

Косовка.

Ну! чшо шакое, о чемѣ вы говорите? посмотримѣ.

Аглинская шляпка.

Мы споримѣ о нашемѣ другѣ передѣ другомѣ преимущестѣвѣ.....

И каждой изъ насъ доказываетъ свои права.

Косвинка (соннымъ голосомъ.)

Да, это очень хорошо; напримѣръ: говоришь о правахъ и преимуществахъ тогда, когда я здѣсь.... Это было еще ваше счастье, что я спала.

Аглинская шляпка, токъ и покоевой гентикъ (всѣ вдругъ вскригали съ сердцемъ.)

Какъ! что такое она хочетъ сказать?

Косвинка (съ насмѣшкою.)

Да, это не трудно угадать.... Кто изъ васъ можетъ имѣть право при мнѣ превозноситься своимъ достоинствомъ? Вы прикрываете только головы и волосы; но я! какія прелести собою охраняю? Развѣ я не бываю покровомъ шѣмъ прелестнымъ грудямъ, которыя почитаются гораздо превосходнѣе шѣхъ мѣстъ, которыя вы собою украшаете.

*

Поковой геттикѣ.

О! пожалуй сполько не говори, любезная моя пріятельница, и не наговори уже съ лишкомъ много. — Чшо шакое прелести, о которыхъ шы намъ съ шакимъ восхищеніемъ выражаешь!... Тебя покупаютъ шолько на шо, чшобъ шы пышностію своею дѣлала пустой обманъ; а не для прикрышія прелестныхъ грудей.... Повѣрь, чшо мнѣ все эшо довольно извѣшно....

Косынка (захохотавъ.)

Я! сударь; о! я вамъ божусь, чшо никакого обмана не дѣлаю; а груди прикрываемыя мною вѣ самомъ дѣлѣ шакковы, каковыми я ихъ представляю....

*Шляпка, поковой геттикѣ и токъ
(всѣ вѣ одинъ голосѣ.)*

О! шы совершенная обманщица, госпожа косынка; тебя по справедливости шакъ называть должно.

*Косинка (взявъ на себя важ-
ной видъ.)*

Ну, ну, перестанемъ горячиться; не ко всякому слову, друзья мои, надобно привязываться. . . . Вы чувствуете сами, что. . . . когда я говорю, . . . что я не дѣлаю никакого обмана, . . . то это только такъ говорится; . . . а въ самомъ дѣлѣ, я хотѣла сказать, . . . что не дѣлаю почти никакого обмана. . . . Однакожь, по крайней мѣрѣ, вы можете признаться, что я болѣе васъ приношу пользы. Вы всѣ головные уборы ни къ чему больше не служите, какъ только для одного украшенія, и не охраняете ни отъ дождя, . . . ни отъ вѣтра, . . . ни отъ холоднаго воздуха. . . . Но я охраняю прекрасную грудь отъ просуды; а что еще и того лучше, отъ дерзкихъ взоровъ нескромнаго мужчины. . . . И такъ, я бываю защитницею стыда и цѣломудрія, и орудіемъ благоприсшойности.

Тюковой геттикѣ.

Не вѣрьше ей, не вѣрьше; она лжешъ. Вошъ какую дѣлаешя она набожною! Вошъ какая припворщица!... А я со сто разъ видалъ совсѣмъ шому прошивное, чшо она изволилѣ рассказывашъ.

Косинка (сѣ досадою.)

Какъ! шы смѣешъ сказашъ!... Ахъ какое поношеніе!... Какъ! я не бываю покровомъ благоприспойности?

Тюковой геттикѣ (сѣ насмѣшкою.)

Такъ, моя голубушка, такъ; тебѣ конечно надлежало бы эшо дѣлашъ; но сколько разъ видалъ я, чшо шы совсѣмъ не исполняешъ сей должности! Вѣдь кшо имѣешъ глаза, тошъ ясно видишъ, чшо шы...

Косинка.

Ну, посмопримъ же господинъ прозорливецъ, чшо такое шы видѣлъ?

Тюковей тентикѡ (унизивѡ голосѡ.)

Не видывалѡ ли я множество разѡ, что ты открывала свободной пущѡ дерзновенной рукѡ, ... кошорая шихо проходила промежду швоими складками, и ты шо ей позволяла.... Ты, какѡ казалось, безѡ всякой упорности допускала опкальвашѡ булавку, кошорую ты была приколоша.... и ушѡшалась смущеніемѡ и спыдливостію шой красавицы, на кошорой ты надѡша, и кошорую при шебѡ такѡ нагло оскорбляли.... По сему малому швоему сопрощивленію можно видѡшь, что ты сама соучаствовала вѡ томѡ маломѡ почшеніи, кошорое шогда было ей оказываемо. И такѡ, скажи шеперь, хипрая обманщица, когда пригожая женщина надѡваешѡ шебя на свою грудь, не говоритѡ ли она шебѡ: *я надѡваю тебя для того, чтобѡ ты охраняла меня отѡ стужи и отѡ дерзскихѡ локушеній воздуха-хателя.*

Косинка.

Право ни одна женщина никогда мнѣ этого не говаривала.

Покоевой гентикѣ.

Однакожь, безъ всякаго сомнѣнія, каждая красавица съ такимъ намѣреніемъ себя на себя надѣваетъ.

Косинка.

Пусть такъ, но я за шо не берусь, чшобъ я одна могла вопрошивишься прошивъ двухъ рукъ, изъ которыхъ каждая во сто разъ сильнѣе меня. Ежели сама красавица не захочетъ сдѣлать мнѣ ни малой помощи, но какъ можно пребывать отъ меня, чшобъ я одна успояла прошивъ сильнаго приступа? При такомъ случаѣ сердяшся, ворчатъ, краснѣютъ, усмѣхаются, прищворяются, будто досаждаютъ, будто хотяшъ кричатъ, и думаютъ, что тѣмъ подають мнѣ великую помощь! А я, какъ вы сами можеше посудить, лучше соглашаюсь

погда совсѣмъ оставить мое упорство, нежели доведши себя до того, чшобъ меня разодрали, чшобъ сорвали меня съ груди и изорвали бы въ клочки. Вамъ легко говорить, друзья мои; но ешьлибъ вы были на моемъ мѣстѣ, шо повѣрили бы, что такое упорство могло бы стоить моей жизни; а вамъ извѣстно, что всякому своя жизнь всего дороже на свѣтѣ.

Сей разговоръ прервался наконецъ приѣздомъ многихъ щеголихъ, кошорыя закупили всѣхъ спорщиковъ и спорщицъ вмѣстѣ. . . . Графиня купила шокъ, Княгиня Аглинскую шляпку; безымянная и вершопрашная кокешка подцѣпила покоевой чепчикъ; а акшриса взяла косынку, кошорая по видимому пойдетъ вмѣстѣ съ нею на театръ играть ролю. Бѣдные уборы, видя шоль близкую разлуку, и не имѣя надежды, когда нибудь увидѣться, прощались съ такою нѣжностью и ласлою, какихъ никогда

не оказывающъ между собою шб, кому они доспались. По выходѣ изъ лавки приѣзжихъ щеголихъ съ ихъ покупкою, вышелъ и я, надѣясь впредь найти какой нибудь способъ, узнавъ совершенно достоинство и преимущество уборовъ, сдѣлать доставленіемъ ихъ угодность *Прозерлинѣ*.

Желалъ бы я, любезный *Маликульмулкѣ*, какъ можно скорѣе исполнишь препорученныя мнѣ дѣла, и не занимаясь больше разными пусяками возвратишься въ адъ; однакожь видно, что мнѣ здѣсь довольно еще будетъ дѣла.

П И С Ь М О X V.

Отъ Силсфа Свѣтовиды къ волшебнику Маликульмулку.

Пробывъ нѣсколько времени въ семъ городѣ, отправился я въ другой,

и хочу увѣдомить тебя, почтенный *Маликульмулькѣ*, о нѣкоторыхъ въ дорогѣ случившихся приключеніяхъ.

Не добѣжая за нѣсколько верствъ до***, при выходѣ нашемъ въ одинъ постоялой домъ, или лучше сказать, въ одинъ пракширѣ, услышали мы вмѣстѣ съ другими дорожными моими сошоварищами превеликой шумъ, и увидѣли множество людей, собравшихся толпою у воротъ сосѣдняго дома. Мы хотѣли узнать о причинѣ сего собранія, и нѣкто изъ числа оныхъ, увѣдомилъ насъ о семъ слѣдующими словами: „Государи мои, „говорилъ онъ намъ, домъ, у котораго собралась сія толпа народа, „принадлежитъ Г. *Людомору*, здѣшнему Апшекарю, который въ искушвѣ своемъ очень прославился. Онъ сего дня засталъ свою жену въ любовномъ обхожденіи съ своимъ си-дѣльцемъ, отъ чего пришедъ въ превеликое бѣшенство, ухватилъ старое свое ружье и хотѣлъ изъ него

„заспрѣлишь своего соперника; но
 „ружье будучи разумнѣе и снисходи-
 „тельнѣе его, не согласилось выстрѣ-
 „лить, такъ что раза съ два спускалъ
 „онъ курокъ, однакожь кремень всегда
 „осѣкался. Любовникъ между тѣмъ
 „выскочилъ въ окно на улицу; а жена
 „крикомъ своимъ созвала всѣхъ сво-
 „ихъ сосѣдей, копорые сбѣжавшись,
 „увидѣли Г. *Людомора* въ изшупле-
 „ни, съ ружьемъ въ рукахъ, пора-
 „жающаго любезную свою супругу
 „прешолстою дубиною, и съ великимъ
 „шрудомъ могли ее освободить отъ
 „его бѣшенства. „ Какоежь сдѣлаюшъ
 наказаніе, государь мой, говорилъ я,
 сей женѣ за измѣну къ своему мужу? —
 „А какое ей дѣлать наказаніе? отвѣщ-
 „ствовалъ онъ мнѣ, она еще будетъ
 „жаловаться на своего мужа, кошо-
 „рый не имѣя никакого свидѣтеля
 „того оскорбленія чести, копорое,
 „по его увѣренію, сдѣлано ему отъ
 „его сидѣльца, принужденъ будетъ
 „давать ей ежегодное содержаніе у ея

„родственниковъ, куда она отъ него
 „удалилась. „ — Помилуйте! что вы
 говорите? вскричалъ я, какъ можно
 принуждать мужа платить наличными
 деньгами женѣ за ея невѣрность?
 „Такъ повелѣваютъ наши законы,
 „отвѣтствовалъ онъ мнѣ, и наши
 „законоискусники, будучи сами низ-
 „ходительнѣйшими мужьями, не одно
 „уже дѣло рѣшили въ силу сихъ
 „законовъ. „

Что подумаешь ты, почтенный
Маликульмулькъ, о замѣшательствѣ и
 безпорядкѣ, царствующихъ во нра-
 вахъ и обычаяхъ здѣшнихъ жителей?
 Они ежедневно швердящъ о благо-
 нравіи, и похваляюся соблюденіемъ
 правилъ хорошаго поведенія; а невѣр-
 ность женъ и мужей почитается у
 нихъ за ничто. Вѣтренность и не-
 постоянство женщинъ служатъ имъ
 вмѣсто забавы, и они въ собраніяхъ
 шолько для увеселенія о томъ другъ
 другу рассказываютъ. Одинъ офицеръ,
 бывшій въ дорогѣ моимъ сошовари-

щемъ, смѣялся моему удивленію. Его слова споль глубоко впечатлѣлись въ моемъ сердцѣ, что я сколько могу припомнишь, выражу себѣ точно тѣми словами, какими онъ со мною говорилъ. „Видно, сказалъ онъ мнѣ, что „вы сюда приѣхали совсѣмъ изъ другаго свѣта. Какъ! непоспоянная „женщина приводитъ васъ въ такое „удивленіе? Вы безъ сомнѣнія къ сему „привыкнете, когда поживете сколько „нибудь у насъ, и забудете споль „много уважаемую вами спрогую до- „бродѣтель. „ Не уже ли, говорилъ я ему, здѣсь часто случаются такіа произшествія, о какомъ шеперь намъ рассказывали? „Нѣтъ, отвѣщствовалъ онъ мнѣ, не всѣ мужья бываюшъ „шакъ глупы, какъ Г. *Людоморъ*, а „обыкновенно не опкрываюшъ предъ „цѣлымъ свѣтомъ домашнихъ своихъ „обшоятельствъ. „ По эшому видно, говорилъ я, что брачныа обязательства здѣсь очень мало уважаюшся; по моему мнѣнію, онѣ должны бы были

составлять блаженство въ человѣческой жизни, а не несчастія. О какъ вы ошибаешься! — сказалъ онъ мнѣ, мы уже привыкли къ шаковымъ несчастіямъ. „Участъ нашихъ сосѣдей, „нашихъ сродниковъ и нашихъ друзей, „приготовляютъ насъ съ самой юности къ сношенію собственной нашей „судьбы, и лишаютъ всякаго огорченія. Знаешь, что бракъ у насъ почти „заключается нѣкоторымъ родомъ шорга. „Здѣсь берутъ жену, равно какъ бы „покупали кусокъ матеріи: одну „покупаютъ мѣрою на аршины, а другую „цѣнятъ безъ мѣры полновѣсными „червонцами. „ Изъ сего я заключаю, ошвѣщивавъ я ему, что здѣсь жена должна очень мало любить такого мужа, который женясь на ней, ничего въ ней не искалъ любви достойнаго, кромѣ ея богатства, и она не должна нимало сожалѣть о потерѣ такого супруга.

„О конечно! сказалъ онъ мнѣ захохотавъ, здѣсь очень цало вдовѣ

„умираетъ отъ печали, лишившись
 „мужей своихъ; однакожь при похоро-
 „нахъ соблюдаютъ онъ превеликія
 „церемоніи. У насъ, какъ скоро какая
 „женщина лишится своего мужа, то
 „вы съ начала увидя ея огорченіе, по-
 „думаете, что все несчастіе ея со-
 „вершилось, пошому что она тогда
 „запирается въ своемъ домѣ, изъ ко-
 „шораго выносятся всѣ обыкновенныя
 „украшенія, и въ коемъ всѣ стѣны
 „обвѣшиваются чернымъ сукномъ;
 „тогда всякой бы подумалъ, что она
 „заклучилась въ гробницу.„ При ма-
 „лѣйшемъ воспоминаніи о покойникѣ,
 глаза ея дѣлаются двумя источни-
 ками, изъ которыхъ иссекаетъ вода
 въ превеликомъ изобиліи. Ея вопли
 и опчаяніе оказываются явно предъ
 всѣми; но ежели кто увидитъ ее на
 единѣ, то примѣтитъ, что съ самаго
 перваго дни она внимаетъ утѣшенія
 отъ искреннихъ друзей своихъ. Другъ
 или пріятельница, прилѣжно спара-
 рающая ей представитъ, что она еще

въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ не
 должна бышь въ живѣ погребенною;
 они ей говорящъ: „Ты еще молода,
 „прекрасна и любви достойна; не
 „уже ли ты хочешь скрышь отъ
 „свѣта всѣ свои прелести: очень
 „мало същещя мужчинъ, которые не
 „почли бы себя счастливыми, чшобъ
 „заслупишь мѣсто умершаго своего
 „супруга; повѣрь мнѣ, сударыня,
 „что я тебѣ подаю совѣтъ отъ
 „искренняго сердца; тебѣ извѣстно,
 „какія имѣешь о тебѣ мысли такой-
 „то Графъ или Князь; онъ чувствво-
 „валъ къ тебѣ любовь еще при жизни
 „своего мужа, шакъ не уже ли нынѣ
 „не пожелаешь съ великимъ удоволь-
 „ствіемъ занять его мѣсто?„ Вдова
 при сихъ словахъ потупляешь глаза
 и жеманится. Послѣ того любовникъ
 дѣлаешь ей благоприспое пощѣ-
 щеніе, и его присутствіе совершенно
 ее увѣряешь шакъ, что наконецъ
 прежде еще, нежели погребеніе умер-

Часть II.

4

таго совсѣмъ кончится, вдова избираешь уже себѣ друга мужа.

Слышанное мною отъ сего офицера о ихъ женщинахъ, возбудило во мнѣ превеликое желаніе узнать о свойствахъ ихъ обстоятельнѣе. „Государь мой, говорилъ я ему, сказанное вами раждаетъ во мнѣ любопытство; не прогнѣвайтесь, что я будучи здѣсь иносстранцемъ, осмѣливаюсь васъ просить о увѣдомленіи меня подробнѣе о здѣшнихъ женщинахъ, и я буду вами очень одолженъ, когда вы, подавъ мнѣ лучшее свидѣніе, чрезъ шо доставите способъ, судить о нихъ по ихъ достоинству. „ Наши женщины, ошвѣщствовали онъ мнѣ, могутъ быть раздѣлены на два рода: первой заключаешь въ себѣ всѣхъ вообще свѣтскихъ женщинъ, а во второмъ счисляются набожныя. Ихъ образъ жизни въ двухъ столь различныхъ соспояніяхъ спремился однакожь къ одной цѣли, и хотя разными пушями, но всегда кончишся

вѣпренностію и непостоянствомъ. Къ сей-то цѣли доспигають онѣ всѣ по различію своихъ свойствъ; но чшобъ дать вамъ яснѣе о семъ понятіе, то я увѣдомляю васъ о каждомъ изъ сихъ свойствъ особенно.

„Свѣтская женщина, не прежде
 „должна вспавать съ постели, какъ
 „вѣ при часа по полудни, а какъ у
 „насъ почишается за неблагоприспой-
 „ное, чшобъ жена жила съ мужемъ
 „своимъ вѣ однихъ покояхъ, то для
 „шого живешъ она на другомъ поло-
 „винѣ дома, и иногда по нѣскольку
 „недѣль мужъ и жена другъ съ дру-
 „гомъ совсѣмъ не видяшся и не про-
 „молвяшъ между собою ни одного
 „слова, развѣ только вѣ публичныхъ
 „собраніяхъ, или на балѣ и вѣ ко-
 „медіи. И такъ свѣтская женщина
 „не успѣешъ еще порядочно одѣшся,
 „какъ уже посылаетъ служителя къ
 „знакомымъ своимъ: или къ Графинѣ,
 „или къ Княгинѣ, спросишь о ихъ
 „здоровѣ и условишься куда нибудь

„вмѣстѣ бѣхашь. Послѣобѣденное вре-
 „мя проходитъ въ церемоніяхъ, ком-
 „плиментахъ и въ принятіи посѣще-
 „ній. По пробитіи пяти часовъ, она
 „еще не совсѣмъ рѣшилася, куда ей
 „бѣхашь, въ комедію ли или на балъ;
 „и есшьяли когда случится, что она
 „приглашена куда нибудь къ ужину,
 „что для того даетъ преимущество
 „театральному зрѣлищу; откуда вы-
 „ходитъ, занявшись шѣми любовными
 „шипросшями, которыя шамъ видѣла
 „представляемыя, и попомъ вино,
 „хорошее кушанье, и вольность ме-
 „жду всѣми за ужиномъ употребляе-
 „мая, воспаляютъ мысли ея пущимъ
 „жаромъ, и она по выходѣ изъ за-
 „шпола, прежде возвращенія домой,
 „прохлаждаетъ оный съ своимъ лю-
 „бовникомъ до пяти часовъ упра, и
 „тогда-то уже показавшійся день,
 „прошивъ воли ея, принуждаетъ ее
 „отправиться домой. „

„Набожная, напротивъ того, съ
 „великимъ стараніемъ удаляется отъ

„сихъ шумныхъ бесѣдъ, и отъ такой
 „беспорядочной жизни; но удовле-
 „творяетъ страстямъ своимъ въ
 „пріятномъ уединеніи. Вертопрахъ и
 „модный щеголь приводитъ ее въ
 „соблазнъ; его вътренные поступки
 „чрезмѣрно ее оскорбляютъ; онъ мо-
 „жетъ въ одну минушу лишить ее
 „той славы, кошорую она въ три
 „года приобрѣла уединенною и воз-
 „держною своею жизнію; а она изби-
 „раетъ своимъ любовникомъ учителя
 „дѣшей своихъ, и они оба почишаютъ
 „для себя необходимостію быть
 „скромными; ибо самамалѣйшая не-
 „скромность лишила бы госпожу при-
 „обрѣтенной ею славы, а учителя
 „выгоднаго мѣста, и того уваженія,
 „кошорое онъ лицемѣремъ своимъ
 „получитъ отъ всѣхъ надѣется.„

Есть еще здѣсь нѣкошорой родъ
 набожныхъ мушинъ, кошорыхъ онъ
 иногда въ нужныхъ случаяхъ упо-
 шребляютъ, и кои болѣе всѣхъ ува-
 жаются по своей скромности; они

втирающа въ лучшіе дома въ званіи душевнѣхъ наставниковъ и пушеводителей на спезю спасенія, и общающѣ руководствоватъ къ небесному жилищу всѣхъ въ домѣ безъ извѣстія. Мужъ первый бываетъ имѣ обманушѣ, и каждый день самъ ублажаетъ счастливое знакомство того, который наноситъ ему безчестіе и украшаетъ голову его великолѣпнымъ головнымъ уборомъ.

Какое распущство! почтеннѣйшій *Маликульмулькѣ*, какой безпорядокъ! Признаюсь, что съ трудомъ могъ я повѣришь тому, что мнѣ сей офицеръ рассказывалъ; но поживши здѣсь нѣскольکو времени, можетъ бышь, самъ узнаю о всемъ собственнымъ своимъ опытомъ: и ежели все сказанное мнѣ справедливо, то посуди, можно ли жить между такими людьми! По крайней мѣрѣ, я благодарю судьбу, что я не человекъ, а духъ, и что на нѣскольکو шолько времени по собственному моему желанію, сдѣбался

человѣкомъ. Прощай! почтенный *Маликульмулкъ*, не премину тебя впредь уведомить, что примѣчу здѣсь еще любопытнаго.

П И С Ь М О XVI.

Отъ Гнома Буристона къ волшебнику Маликульмулку.

Не давно прогуливаясь по городу, увидѣлъ я домъ, у котораго шѣснилась шолпа народа; я вошелъ въ сѣни, чшобъ спросить, что это значить? какъ взялъ меня за руку молодой человекъ. Государь мой! сказалъ онъ, еще очень рано, не угодно ли вмѣстѣ со мною прогуляться, и я вамъ послѣ въ семъ домѣ покажу вещи, подлинно достойныя удивленія. Радуюсь шовариществу, вышелъ я съ нимъ изъ сѣней и пошелъ по вымощенной краснымъ мраморомъ улицѣ. Какъ былъ я въ самомъ простомъ плащѣ, и не

еполько долженъ былъ отвѣчать на поклоны; но пошому безъ всякаго помѣшательства могъ имѣть съ товарищемъ моимъ слѣдующій разговоръ.

Признайся, что въ большемъ свѣтѣ очень шѣсно жить безъ денегъ, сказалъ я, соблюдая имя бѣдняка; а еще несноснѣе видѣшь, что люди недостойные пользуются богашствомъ; а мы, кошорые чувствуемъ, что могли бы принести пользу Государству, совсѣмъ позабышы, что сущесшвуетъ на свѣтѣ.

Это правда, сударь, отвѣчалъ онъ, что хотя куча бѣдняковъ больше, нежели богашыхъ; однакожь совсѣмъ шѣмъ ихъ не примѣчаютъ. По крайней мѣрѣ, намъ служишь одношо ушѣшеніемъ, что мы не первые на это жалуемся. Впрочемъ, видя по лицу вашему въ васъ честность, и имѣя способы вамъ помочь, я за долгъ почишаю эшимъ вамъ служишь. — Послушай, другъ мой, сказалъ онъ

вдругъ перемѣня голосъ, ты кажешься мнѣ такъ бѣденъ, что съ трудомъ можешь себя поправить; правда, хотя на нашемъ островѣ можно надѣяться на хитрость; но состояніе швое такъ мало, что тебѣ не лзя сдѣлать никакого плутовства, не бывъ за то повѣшену или высѣчену розгами. — Хочешь ли ты, чтобъ я далъ тебѣ хлѣбъ; вступи въ нашу шайку, я въ ней спаршиною и общаю тебѣ мое покровительство.

Я. А какая это шайка? не одна ли изъ тѣхъ, которыя, какъ сказывали мнѣ, состоятъ изъ ярмоначныхъ врачей, бродящихъ безъ всякаго знанія съ своими пузырьками, порошками и пластырями, коими, какъ язвой, переводятъ они большую половину вашихъ добродушныхъ земляковъ.

Онъ. Нѣтъ, они нынѣ не бродятъ шайками; а живутъ на нашемъ кошѣ на одномъ мѣстѣ, и дожидаются въ своихъ домахъ охотниковъ отпра- виться на шотъ свѣтъ.

Часть II.

5

Я. Такъ не избѣтѣхъ ли она со-
стоишь *Евунгалловъ*, (*) кошорые хо-
дя по селамъ и по городамъ, сказыва-
ють сказки, бравъ за шо дорогую цѣ-
ну; кошорые одни имѣють хипросшь
вдругъ: и брашь милосшыню, и нала-
гашь подаши, и продаватъ какія-шо
моральныя лѣкарства ошъ физиче-
скихъ болѣзней, за кошорыя имѣ пла-
тятъ очень много, хошя никшо ошъ
нихъ не вылѣчиваешся.

Онѣ. Нѣтъ, и они уже нынѣ не
ходятъ шайками; а на нашъ щотъ
построили школы, и всякой городъ
спавишь себѣ за честь содержать по
нѣсколку сотъ такихъ *Евунгалловъ*.
Правда, имѣ скучно было привыкнушь
къ такой жизни; но за шо приумно-
женіе ихъ доходовъ ихъ ушѣшаешъ.

(*) *Евунгаллы*, на семъ островѣ живущіе
подъ самымъ экваторомъ народы; они
такъ же черны, какъ Арапы, съ шою
разностію, что у нихъ ошъ обжорства
гнилые зубы и толстыя брюха.

Они и нынѣ продаютъ неизлѣчающія лекарства, налагаютъ подати, берутъ милосшыню, получаютъ отъ насъ жалованье, и торгуютъ очень прибыльно жизненными каплями; обнадеживая, что кто ихъ принимаетъ, будетъ жить 3000 лѣтъ. Но оставимъ ихъ; я предлагаю тебѣ вступить въ нашу шайку, которая сего дня будетъ играть въ епомѣ домѣ; — то есть, чтобы ты сдѣлался комедіантомъ.

Мнѣ очень хотѣлось посмотреть, до какой степени простирается самолюбіе самыхъ послѣднихъ званій; а для того хотѣлъ я нѣсколько унижить званіе комедіантовъ и послушать, каково оно будетъ защищаемо своимъ членомъ. Какъ, сударь! сказалъ я, вы совѣтуете, чтобы я вступилъ въ столь презрѣнный и подлый промыселъ!

Онъ. Попише, государь мой! вы живете въ обществѣ, а не знаете учтивости, которая употребляется на нашемъ островѣ, и при мнѣ назы-

ваете подлымъ ремесло, въ которомъ я нахожусь; но я не сержусь никогда на вспыльчивость молодова челоуѣка, и увѣрю васъ, что мое ремесло ничемъ не хуже другихъ. Скажите, что вы въ немъ находите дурнаго?

Я. Во первыхъ то, что это ремесло всѣми почиается подлымъ.

Онъ. Это одно шолько предразсужденіе. Приказной челоуѣкъ нимало не уважаетъ военнаго соспоянія; воинъ бранитъ приказныхъ; купецъ хвалитъ свое званіе, а лѣкарю нравится свое. Негодный промыселъ есть шолько тошъ, который приноситъ болѣе вреда, нежели пользы; а нашъ приноситъ больше пользы, нежели вреда. И самая низость сего званія полезна для того, что поведеніе комедіанша не берется въ примѣръ, и онъ своею худою жизнію не заражаетъ цѣлаго народа; а добродѣтельною не дѣлаетъ лицемѣровъ, спарающихся ему подражать, и подъ видомъ благочестія производящихъ тысячу разореній. Ко-

діантѣ не имѣешь случая сдѣлать несправедливаго суда; угнѣтаешь какимънибудь откупомъ цѣлый городъ; проманиваешь по двадцати лѣтъ бѣдныхъ просителей, не дѣлая ничего и живя ихъ имѣніемъ. Вся власть его ограничивается только тѣмъ, что изображаетъ на театрѣ пороки. Онъ можетъ поправить тѣ части злоупотребленія, до которыхъ не достигаютъ законы, и которыя болѣе вреда и разоренія приносятъ Государству, нежели самые хищные откупщики.

Я. Это правда, но надобно бытъ очень тверду, чтобъ сносить презрѣніе.

Онъ. Презрѣніе! его достойны только низкія души; а не низкія званія. Я знаю челоуѣка и въ моемъ промыслѣ, съ которымъ многіе честные и разумные вельможи ищутъ знакомства; знаю такъ же нѣкоторыхъ знатныхъ, которыми, не смотря на ихъ великолѣпіе, гнушаются и низкіе люди; но есѣли ты охотникъ до

значности, но я позволю тебѣ на театрѣ играть роли самыхъ значныхъ людей.

Я. Вы очень унижаете истинную значность, сравнивая ее съ театральною.

Онѣ. Это сравненіе справедливо. Какъ скоро ты на театрѣ играешь значную роль, тогда всѣ другія лица стараются оказывать тебѣ почтеніе: правда, что за театромъ оно исчезаетъ; но не по ли же самое дѣлаешь и съ вельможею? Какъ скоро онѣ входятъ въ значность, тогда всякой старается предъ нимъ казаться униженнымъ, всякой оказываетъ ему обоженіе, всѣ его хвалятъ, всѣ ему льстятъ; но лишь только сила его исчезаетъ, тогда всѣ его приближенные снимаютъ передъ нимъ свои маски; имъ кажется онѣ обыкновеннымъ человекомъ, и они оставляя его идутъ къ другому читать ту же самую роль, которую читали передъ нимъ.

Ж. Это правда, что шумъ есть нѣкошорое сходство; но бытъ народнымъ шумомъ! это очень тягосно.

Онѵ. Напрошивъ того, это очень весело. Лучше заставлятъ народъ смѣяться или приниматъ участіе въ мнимой своей печали, нежели заставлятъ его плакать худыми съ нимъ пошупками. Есть шуны, которые очень дорого стоятъ народу, но мало его забавляютъ; а мы изъ числа шѣхъ, копорымъ цѣна назначается отъ самихъ зришелей, по мѣрѣ нашего дарованія и прилѣжности, а не происками и не по знашности покровишелей; сверхъ же того, мы изъ числа шѣхъ шуповъ, которые неподвержены пороку публичной лестии: мы и передъ самими Царями говоримъ, хотя не нами выдуманную, однакожь испину; между шѣмъ, какъ ихъ вельможи, не смѣя передъ ними раскрыватъ Философическихъ книгъ, читаютъ имъ только оды и надушыя записки о ихъ побѣдахъ.

Я. Я ошдаю наконецъ на вашу волю; но только съ шѣмъ, чшобъ играшь мнѣ иногда Короля, иногда разнощика, иногда судью, а иногда ветошника: меня очень будущъ забавлять такія перемѣны.

Онѣ. Пойдемъ, я согласенъ; и это одна изъ наилучшихъ выгодъ комедіанша. Въ семъ онѣ подражаетъ величайшимъ Философамъ; ибо онѣ послѣ Царя съ такимъ же веселіемъ бываетъ разнощикомъ, съ какимъ равнодушіемъ послѣ разнощика бываетъ Царемъ: чего лишены акшеры большаго шеатра, называемаго свѣшомъ.

Новой мой покровишель ввелъ меня въ залу. Вошъ, друзья мои! вамъ новой шовариць, сказалъ онѣ нѣсколькимъ споящимъ въ кругу Царямъ, Царицамъ, скороходамъ и кресьянамъ, кошерые всѣ вмѣстѣ разсуждали о какомъ-шо полишическомъ предпріяшні ихъ оспрова; его осанка, продолжалъ онѣ, его роспѣ и хорошій шанѣ, подающъ намъ немалую на-

дежду, что онъ будетъ исправной Царь. Послѣ сего Короли и лакеи очень приспально зачали на меня сморѣшь, и что-то шептали между собою; а Королевы говорили въ слухъ, что онъ ни на какомъ театрѣ лучше меня Царя не видывали. Такая похвала заспавляла иногда на меня коситьсь новыхъ моихъ поварищей; но я мало о томъ заботясь, пошелъ въ амфи-театръ, чнобъ посмотрѣшь новую прагедію, копорую тогда дали. Множество зрителей ожидали съ нешерпѣливостію открьшія занавѣсы, и наконецъ минуша эша настала. Трагедія была сочинена по вкусу остро-вищянъ въ 8 дѣйствіяхъ 12 сшонными сшихами. Дѣйствующія лица были очень порядочно связаны, и какъ я еще нѣсколько помню ея содержаніе, то расскажу шебѣ, почщенный *Мал-кульмулькѣ*, подробнѣе.

Главный герой сей прагедіи былъ нѣкошорой острошской *Донъ-Кишотѣ*. (Эшо одинъ Романъ Гишпанской,

стоющій любопытства; я тебѣ его пришло. Впрочемъ ты путешествуя по разнымъ странамъ, можешь быть видалъ многихъ и знасныхъ *Донъ-Кихотовъ*.) Онъ былъ вѣдругъ: Философъ, гордецъ и плакса; актеръ по смыслу словъ очень изрядно поддерживалъ свой характеръ; онъ храбрился въ шюрмѣ; читалъ на театрѣ разсужденія тогда, когда надобно ему было что нибудь дѣлать; будучи прослоюдимомъ, гордился предъ Государемъ и плакалъ предъ своею любовницею, какъ дитя отъ лозы, когда она дѣлала ему ласки, а чтобъ ему чаще хлопали, то онъ оборотясь къ зрителямъ, почти при всякомъ стихѣ швердилъ имъ, что онъ ихъ однеземецъ. Островитяне иногда краснѣлись, что шакѣй чудакъ родился между ими; однакожь не рѣдко хлопали ему въ ладоши, чтобъ не заснуть отъ праздности.

Другая, то есть: его любовница, была Царская дочь; она была нѣсколько

его поумнѣ; но сполько хвалила своего любовника, какъ будто бы желала выпши за него безъ приданова, хопя и не видно было, подлинно ли имѣла она это намѣреніе, будучи богатѣе своего жениха. Третіе лице изобразить хотѣло какого-то злодѣя. — Писашель характеръ его заключалъ въ словахъ, а не въ дѣйствіи. Онъ ничего не дѣлалъ, но иногда кричалъ, что онъ всѣхъ перерѣжетъ и передавитъ; а между тѣмъ, когда онъ спалъ на театрѣ, шо самага его удавили въ седмомъ дѣйствіи, и осьмое доигрывается уже безъ него.

Наконецъ четвертый, какъ говорятъ, былъ прекрасный характеръ; на немъ основывалась вся трагедія; сказывающъ, что это былъ предобродѣтельный человекъ, и имъ окончалось зрѣлище; но жаль сполько шого, что Авторъ не выводилъ его на театрѣ. Можетъ быть добродѣтельный характеръ былъ для него слишкомъ шруденъ.

П И С Ь М О Х V I I .

*Отъ Тнома Зора къ волшебнику
Маликульмулку.*

Извини меня, любезный *Маликульмулкѣ*, что я давно къ тебѣ не писалъ; это не отъ того, чтобъ мнѣ было нѣчего писать; но я сполько занятъ дѣлами и окруженъ споль многими предметами, что не зная за что принялся, впалъ въ нерѣшимость, и долго бы въ ней пробылъ, естли бы мой молодой *Припрыжкинѣ* не подалъ мнѣ причины къ размышленію, которое выбило у меня на время изъ головы всѣ другіе предмѣты.

Поздравь меня, любезный другъ, сказалъ мнѣ *Припрыжкинѣ*, съ исполненіемъ прехъ главнѣйшихъ моихъ желаній. — Какъ! вскричалъ я, не уже ли ты оставилъ свѣтъ! собралъ хорошую библіошеку! и нажилъ себѣ искреннихъ друзей! — Вошъ какой вздоръ! опѣвчалъ онъ, я никогда

этого не желалъ, какъ только одинъ разъ въ жизни, когда не давно проигрался и былъ безъ денегъ; о тогда я былъ великой Философъ! Но любезный другъ! ты знаешь нынѣшній свѣтъ и нашу мягкую Философію, которую и у лучшаго нашего Философа одинъ рубль испортитъ въ состояніи. Нѣтъ, у меня есть другія гораздо основательнѣйшія желанія, которыя Небу было угодно исполнить. Поздравь меня, любезный другъ, продолжалъ онъ, меня обнимая, съ тѣмъ, что я сыскалъ цугъ лучшихъ Англинскихъ лошадей, прекрасную танцовщицу и невѣсту; а что еще болѣе, такъ мнѣ обѣщали прислать чрезъ нѣсколько дней маленькаго прекраснаго Мопса; вопъ желанія, которыя давно уже занимали мое сердце! Представь, не благополучный ли я человекъ, когда буду видѣть вокругъ себя столько любезныхъ вещей! я умру отъ восхищенія. — Прекрасной Мопсъ! — Невѣста! — Цугъ лошадей! —

Танцовщица! — О! я только между ими спану раздѣлять свое сердце! Я принужу ихъ, чтобъ они всѣ равно меня любили... и естля не за другихъ, то конечно за собачку парирую себя всѣмъ, что она будетъ меня любить, какъ роднаго своего брата.

Такое прекрасное начало въ первый разъ заспавило меня узнать, какимъ образомъ здѣсь женятся, и я захотѣлъ лучше развѣдать, что значитъ здѣшняя женидьба. Поздравляю тебя, любезный другъ, сказалъ я ему, съ исполненіемъ швоего желанія, а болѣе всего съ невѣсшою; я увѣренъ, что ты не ошибся въ швоемъ выборѣ. — Конечно, сказалъ онъ, лошади самыя лучшія Аглинскія! — Я о швоей невѣспѣ говорю, продолжалъ я, не правда ли, что она разумна? — Ужъ конечно; говорятъ, что лучше ея со вкусомъ никто не одѣвается. — Безъ сомнѣнія она добродѣтельна? — Въ томъ я вѣрю ея матери, которая говоритъ, что дочка ни въ чемъ ошъ

нее не отспала; а эта барыня можетъ служить примѣромъ добродѣтели.... Она вѣчно или перебираетъ свои чашки на молитвѣ, или бьетъ ими своихъ дѣвокъ; а доспальное время проводитъ въ набожныхъ разговорахъ наединѣ съ своимъ училемъ Богословіи. — Я думаю, что она прекрасна? — О! что до этого, по я никому, кромѣ своихъ глазъ не повѣрю; но я еще не успѣлъ ее видѣть. — Какъ! сказалъ я, ты женишься, и не знаешь своей невѣсты; ... да чемъ же она тебѣ такъ нравится? — шридацью тысячами дохода, отвѣчалъ онъ мнѣ съ восхищеніемъ; не уже ли ты думаешь, что это шушка? Если мнѣ панцовица будетъ стоить и двадцать тысячъ, по все еще у жены останешся десять, къ которымъ приложу мой доходъ, мы можемъ съ нею жить, дѣлая честь нашему роду. Что же ты смотришь на меня выпараща глаза? О! какъ можно въ тебѣ узнать уѣзднаго дворянина? Я вижу, что

тебѣ въ диковинку такіа свадьбы; а это отъ того, что ты еще не знаешь моднаго общежитія; будь же свидѣтелемъ моей женидѣбы, и приучайся къ правиламъ свѣща. Послѣ сего подхватилъ онъ меня въ свою карету, и мы побѣжали съ нимъ въ ряды для закупки къ свадьбѣ ему уборовъ.

Купцы на переборъ просили насъ въ свои лавки и кричали, что у нихъ есть самыя дорогіе товары; нѣкоторые правда, говорили, что у нихъ есть лучшіе; но у такихъ протряпковъ, какъ я примѣшилъ, покупали очень мало. Другъ мой, сказалъ я одному изъ сихъ купцовъ, скажи мнѣ, не уже ли здѣсь товары не пошому выбираются, что они лучше; а потому, что дороже? То правда, что лучшіе должны быть дороже; но я примѣчаю, что это у васъ рѣдко вмѣстѣ встрѣчается. — Государь мой! отвѣчалъ мнѣ купецъ, будешь увѣрены, что я имѣю все должное почтеніе

къ такимъ господамъ, какъ вы и Его Сіяшельство Г. Прилтрыжкинъ, и я бы думалъ обидѣть его милость, ешьли бы показывалъ ему лучшіе повары; а не шѣ, кошорые дороже; да и онъ, конечно, сочтя меня за невѣжу, пошелъ бы иснашь шоваровъ въ другія лавки. Были, правда, здѣсь варварскія времена, когда у насъ спрашивали лучшаго; но просвѣщеніе перемѣнило такіе грубые нравы, и мы нынѣ не рѣдко беремъ за серебро обыкновенную цѣну, по 24 коп. и менѣе за золотникъ; а за такой же золотникъ спали плашяшъ намъ по 120 рубл. За шелкъ беремъ мы самую умѣренную цѣну; а за связку соломы не давно брали по 400 и по 500 рублей; но по несчастію наши барыни не долго пользовались пріятною вольношцію, плашпшь за соломѹ дорогую цѣну, и мы принуждены были поровнять ее цѣною, не болѣе, какъ съ лучшею золошою парчею. Мы были бы въ опчаяніи, ешьли бы дорогая цѣна

Часть II.

6

спали не ушѣшила насѣ въ умѣренной
 прибыли ошѣ соломы. Вотѣ, сударѣ,
 продолжалѣ ошѣ, показывая мнѣ спаль-
 ной Аглинской ефесѣ, которой сто-
 итѣ 110 рублей. Я шебѣ сію минушу
 плачу за него деньги, сказалѣ я; но
 скажи мнѣ, чего онѣ въ самой вещи
 споитѣ? — Я божусѣ, говорилѣ ку-
 пецѣ, что онѣ изѣ самой лучшей
 Аглинской спали; желѣза шупѣ не
 болѣе какѣ на 9 коп. Работа Аглича-
 намѣ, можешѣ быть, споитѣ не
 больше полфунша шерлинговѣ или
 два крона, что на здѣшнія деньги
 сдѣлаешѣ 2 рубл. 20 ко. (*), 52 рубл.

(*) Деньги той земли привелѣ я въ здѣшнія
 Россійскія, что бы ихѣ названіемѣ не
 ошкрышѣ такой спранной земли; а я
 за долѣ почишаю умалчивашѣ о народѣ,
 котораго *Гломѣ Зорѣ* въ письмѣ своемѣ
 описываешѣ; да и не вѣрю, что бы
 могѣ гдѣ бышѣ такой безразсудной,
 которой бы за спаль плашилѣ въ 60
 разѣ дороже золоша. Впрочемѣ увѣряю

80 коп. мы даемъ имъ прибыли; а доспальные 55 рубл. я имѣю честь брать съ своихъ просвѣщенныхъ земляковъ. — Этого безчеловѣчье ничего бышь не можешь! вскричалъ я. — Не угодно ли, сударь, говорилъ купецъ, посмотрѣть еще Англинскихъ спальныхъ цѣпочекъ, женскихъ поясныхъ и шляпныхъ пряжекъ, и шляпныхъ пешель; будешь увѣрены, что я уступлю вамъ за самую сходную цѣну. — Что ещоишь эта цѣпочка? спрашивалъ я, указывая на одну подлинно изрядно сдѣланную. — Последнее слово 230 рублей, оповѣствовалъ купецъ; я не говорю о настоящей ея цѣнѣ, продолжалъ онъ, она вамъ извѣсна; но я увѣренъ, что это не помѣшаетъ вамъ купить такъ хорошо выработанную вещь. — Что бы сдержашь мое слово, я заплачу

читателя, что въ сравненіи денегъ ни одною полушкою не ошибся. *Примѣчаніе
Издателя.*

ему за три золотника спали 230 рубл. но скажи мнѣ, говорилъ я купцу, не уже ли это не дѣлаетъ вреда Государству, и какую можетъ приносить ему пользу? — Польза очень не мала, сударь, отъвѣчалъ купецъ; во первыхъ: насъ почищаютъ богатыми пошому, что мы за бездѣлицы платимъ дорого; вкусъ нашъ въ великой славѣ пошому, что такія прекрасныя вещи, нигдѣ такъ не расходятся, какъ здѣсь; наши знатные господа, бывши одѣшны съ ногъ до головы въ такія драгоценности, подають великое мнѣніе иностраннымъ о своей знаменитости.... Вотъ, сударь, пользы отъ дорогихъ товаровъ.... Правда, есть такъ же и вредъ; но онъ почти непримѣненъ, и объ немъ не для чего думать. Эта бездѣлица, сударь, вся состоитъ только въ томъ, что наши мужики иногда умирають съ голоду, и въ городахъ всему необходимому великая дороговизна. — Ты шутишь, сказалъ я, не уже ли такія бездѣлицы, каковыя

Аглинскія цѣпочки, пряжки, пуговицы, пепли, или шакія мѣлочи, каковы Французскія соломенные шляпки, блаженной памяти соломенные накладки, и прочіе подобныя симъ вздоры могутъ принести такой вредъ Государству? Пожалуй мнѣ это разтолкуй. — А вошъ, сударь, продолжалъ купецъ; между тѣмъ, какъ вашъ пріятель покупаетъ у моего сидѣльца нужные для него шовары, я вамъ въ короткихъ словахъ объ этомъ расскажу. Напримѣръ: Его Сіятельство Г. *Припрыжкинъ* вздумалъ жениться; ему неопмѣнно надобно къ свадьбѣ множеству такихъ мѣлочей; деньги на нихъ онъ долженъ брать съ своихъ 4000 душъ крестьянъ; въ одну минуту посылаетъ онъ приказъ, собрать съ нихъ къ будущему году 80000 рубл. Мужики получа такое строгое повелѣніе, и не надѣясь однимъ хлѣбопашествомъ доставить своему господину такую сумму, оставяютъ свои селенія и бредутъ въ города, гдѣ

обыкновенно болѣе можно зарабо-
 тать денегъ; вмѣсто сохи и бороны
 берутъ они лопаты и шопоры, ста-
 новятся каменщиками, плотниками
 или разнощиками: днемъ работаютъ,
 а по ночамъ, чтобъ лучше собрать
 свой оброкъ, взыскиваютъ его съ про-
 хожихъ. Городъ, вмѣсто того, чтобъ
 получать отъ нихъ хлѣбъ, долженъ
 бываетъ самъ ихъ кормить, и сверхъ
 того еще платитъ имъ деньги. Отъ
 такихъ - то гостей становится все
 дорого. Мужики стараются вымѣщать
 это на ремесленникахъ, ремесленники
 на купцахъ, купцы на господахъ, а
 господа опять принимаютъ за своихъ
 крестьянъ. Къ концу года, крестьяне
 возвращаются въ свои жилища съ
 деньгами, отдають 8000 рубл. госпо-
 дину, а на достальные 10000 рублей,
 посылають въ городъ купить себѣ
 хлѣба, котораго имъ становится мало
 до будущаго года. И такъ, города тер-
 пятъ недостатокъ, деревни голодъ,
 граждане дороговизну, а Его Сіяшель-

ство остается при новомодныхъ галантерейныхъ вещахъ, и празднуешъ нѣсколько дней великолѣпно свадьбу съ своею почтенною невѣстою, которая, съ своей стороны, щегольствомъ такую же приносишь пользу Государству.

Между тѣмъ Г. Прилрыжкинъ кончилъ торгъ съ сидѣльцомъ моего красная, и опсчишавъ ему 6000 рубл. за такіе прекрасные товары, радовался, что заплашилъ дороже всѣхъ за свою покупку. Надобно думать, что и невѣста не менѣе дѣлала приутоповленій.

На другой день послѣ сего, у невѣсты въ домѣ былъ балъ, гдѣ было такое же собраніе, о которомъ я себя развѣ увѣдомлялъ, съ тою только разностию, что шутъ были безъ масокъ и не платили денегъ. Невѣста и женихъ въ первый разъ увидѣвшись, чрезъ десять минутъ сдѣлались какъ коротки, какъ будто были уже десять лѣтъ обвѣнчаны. Ему позволяли

нѣкоторыя вольности жениха; но я примѣшилъ, что не одинъ онъ пользовался такимъ правомъ. *Неотказа* (такъ называлась молодая невеста) была такъ благосклонна ко всѣмъ мужчинамъ, что казалось, будто она за всѣхъ за нихъ выходила за мужъ. Съ своей стороны и *Прилрыжкинъ* ей не уступалъ; онъ всякую женщину почиталъ своею невестою, и всякая женщина была такъ къ нему снисходительна, что почитала его своимъ женихомъ или еще и болѣе. Я примѣшилъ между прочимъ, что мать невестина, женщина набожная, очень долго разговаривала у окна съ будущимъ своимъ зятемъ, съ весьма важнымъ видомъ. — Вотъ женщина умная, сказалъ я самъ въ себѣ; она конечно даетъ ему наставленіе въ добродѣтели и въ будущемъ хозяйствѣ; но ты узнаешь скоро, любезный *Маликульмулкъ*, что я имѣлъ причину пріять себѣ въ безвременно сдѣланной похвалѣ сей шарушкѣ.

Прохаживаясь по залу, вздумалось мнѣ хорошенько распросить про здѣшнюю женидѣбу, и для того зачалъ я разговоръ съ однимъ по видимому постояннымъ и скромнымъ гостемъ. Слова наши были напередъ о мѣлочныхъ вещахъ, какъ то, о погодѣ, (здѣсь очень часто начинающся преважные разговоры вопросомъ: какая на дворѣ погода? или, копорой бы вы думали часъ?) наконецъ я довелъ разговоръ до женидѣбы. Признаюсь, сударь, говорилъ я ему, что я очень радуюсь счастію моего пріятели *Прилрыжкина*; женидѣба естъ такое ушѣшеніе въ жизни, что она отъемлетъ у чело- вѣка половину горестей въ оной; какъ весело раздѣлять время съ прекрасною и добродѣтельной женою, копорой нравы во всемъ согласны съ мужнинами! Хорошая женщина, любезной шоварищъ въ уединеніи, и наставленія разумной красавицы скорѣе исправитъ могущъ, нежели десять скучныхъ поученій какого нибудь гру-

Часть II.

7

баго старика; а основательному, но не гибкому разуму мущины, не худымъ себѣ въ общежитіи совѣшникомъ пронцашельный женскій разумъ; и самыя упреки изъ устъ любимой женщины кажутся пріятны. — Изъ Америки или изъ Сибири, изволили вы сюда прибыть? спросилъ меня незнакомой. . . . Я очень любопытно желалъ бы услышать отъ васъ о тамошнихъ дикихъ народахъ; по вашему вопросу мнѣ кажется, что они еще не лишились своей невинности; видно, что письма о развращеніи ихъ нравовъ, полученныя мною, несправедливы. — Государь мой, отвѣчалъ я, очень бы я радъ удовольствоваться ваше любопытство; но признаюсь, что я не былъ столь далеко отсюда, а приѣхалъ прямо изъ одной здѣшной провинціи, для покупки модныхъ уборовъ моимъ родственницамъ; однакожь, что бы впредь не быть мнѣ смѣшнымъ такими вопросами, прошу васъ, пожалуйста расскажите мнѣ,

какимъ образомъ здѣсь почитается женидѣба? Очень просто, ошвѣчалъ онѣ мнѣ, и это въ корошкихъ словахъ разскашъ вамъ можно. У насѣ съ женою шакѣ же постушають, какѣ съ плашьемъ.... Приходяшѣ въ вешошной рядѣ, выбирають шо, которое по богашѣ, плашяшѣ за него деньги и относяшѣ домой; шогда-шо уже увидашѣ, что плашье или не въ пору, или дурно сшишо; и усмотря свою ошибку, вѣшають его въ гардеробѣ, на мѣсто его выбирають другое, и на него никогда уже не взглядывають, а шолько пишушѣ его въ реесрѣ своимѣ, хошя не рѣдко камердинеры и знакомые имѣ пользуются.... Вотѣ исторія женидѣбы, съ малою однакожь разницею. Тотѣ, кто хочешѣ жениться, провѣдываетѣ о невѣсшахѣ; къ нему приходятѣ и сказывають, что шакая-шо дѣвушка приноситѣ за собою въ приданое 10000 рубл. доходу; часто не любопышшвуя даѣе, онѣ посылаешѣ къ ея ошцу

•

сказать, что онъ шакого - то чина, и сполькихъ - то душъ владѣтель, хочешъ на ней женишься. Съ обѣихъ споронѣ справляющся съ великимъ прилѣжаніемъ въ испинѣ сихъ увѣдомленій, и потомъ начинаютъ свадьбу; естли же послѣ, какъ то часто случается, ни жена, ни мужъ другъ другу не поравяшся, то всякой утѣшаетъ себя, какъ можешъ, и дѣлающъ добровольно уговоры, чтообъ не вступаешься въ нѣкоторыя бездѣлицы, копорыя прежде сего мужей и женѣ краснѣться заставляли. И шакимъ образомъ мужъ, не сходясь съ своею женою нѣсколько лѣтъ, можешъ надѣяться бышь не послѣднимъ въ своей фамиліи; а жена имѣетъ удовольствіе приписывать своему мужу всѣ домашнія дѣла, копорыми часто вертятъ комнатной служитель и челоувѣка чешыре постороннихъ.

Дѣши, копорыя приписываются шакому прекрасному супружеству, воспишывающся съ равною съ обѣихъ

споронѣ прилѣжностію. Мужѣ, не почитая это за свое дѣло, думаетъ, что и того довольно съ его спороны сдѣлано, когда они носятъ его имя; а жена видя, какъ мало думаетъ о нихъ шотѣ, кто причиною ихъ рожденія, сама старается перещеголять его въ нерадѣніи; и такіе-то прекрасныя отрасли готовятся со временемъ занимать какія нибудь важныя мѣста въ Государствѣ!

Лишь только окончилъ онѣ свою рѣчь, какъ *Припрыжкинѣ* подошедши отвелъ меня къ споронѣ.... Довольны ли вы, любезный другѣ, свбею будущею щецею? спросилъ я его. — Можно ли спрашивать меня объ этомъ! сказалъ онѣ, когда вы видишь, въ какомъ я смущеніи; предспавъ, что эта спарая хрычовка въ меня влюблена! и какъ видно, что спарушка жалуется скорыя рѣшенія, то по ея словамъ я очень ясно заключаю, что мнѣ не видашь ея дочери за собою до того времени, покуда.... О чемъ же вы думаете?

вскричалъ я; оставь эту спарую фурию; не уже ли ты хочешь бышь до такой степени развращенъ. — Вошь какое дурачество! сказалъ *Припрыж-кинъ*, чшобъ я пожертвовалъ тридцашью тысячамъ доходу для такой мѣлочи; будь увѣренъ, что я не споль своенравенъ, и ешьли я шеперь въ досадѣ, шо это не отъ того, чшобъ я спарался презирашь мою дорогую шещу. — Чшожь! развѣ ты спрадишься, чшобъ не узнали люди о такомъ прешупленіи? — Вздоръ! что кому за нужда до чужихъ дѣлъ. — Или не хочешь, чшобъ швоя невѣста свѣдала о сей измѣнѣ. — Совсѣмъ не шо: хошя невѣсту свою вижу я и въ первый разъ; но какъ у многихъ моихъ пріятелей видалъ я ея поршрешы, кошорые безъ всякаго прекословія переходили изъ рукъ въ руки и дошавались многимъ, шо изъ того заключаю, что и подлинникъ не упряме своихъ списковъ; и пакъ по этому не думаю, чшобъ она на меня

слишкомъ осердилась за непостоянство. — Что же тебя такъ беспокоитъ? — То, отвѣчалъ съ досадою молодой *Припрыжкинъ*, что я сего вечера далъ слово быть у моей прекрасной танцовщицы; а если эта старая хрычовка не отвяжется отъ меня съ своими любовными извѣщеніями, то я лишусь пріятнаго удовольствія увидѣться съ театральною Нимфою; а принужденъ буду проводить скучные часы съ гадкою спарухою. По счастью господина *Припрыжкина* сей день кончился безъ дальнихъ для него хлопотъ съ будущею его пещею, потому что къ вечеру нашелъ онъ отговорку, чтобы убраться для свиданія съ своею танцовщицею, и мы съ нимъ вмѣстѣ поѣхали; меня завезъ онъ въ свой домъ, гдѣ я живу, а самъ поскакалъ къ своей Сиренѣ.

Проси, любезный *Маликульмулькъ*, я скоро тебя уведомлю, чемъ кончится такая знапная свадьба, ко-

порую *Прилрыжкинѣ* поржествуеть
на счетъ своихъ 4000 душъ.

П И С Ь М О XVIII.

*Отъ Астарота къ волшебнику
Маликульмулку.*

Въ послѣднемъ моемъ къ тебѣ
письмѣ, мудрый *Маликульмулкѣ*, упо-
миналъ я о нѣкоторомъ молодомъ
человѣкѣ, который, имѣя намѣреніе
опредѣлиться въ какой нибудь при-
казѣ Секретаремъ, пребывалъ въ томъ
моего совѣта. Онъ столь же былъ
бѣденъ и шакъ же умиралъ съ голоду,
какъ и пріятель его Стихотворецъ.
Наставь меня, говорилъ онъ мнѣ,
долженъ ли я вступить въ сію долж-
ность, и могу ли надѣяться, что по-
средствомъ оной полправлю бѣдное свое
состояніе.

„Будущее, отвѣтствовалъ я ему,
„столь же сокрыто отъ бѣсовъ, какъ

„и отъ людей; однакожь разсмотри-
 „вая подробно наспоющія обстоятель-
 „ства, можемъ мы нѣсколько преду-
 „знавать, что впредь съ кѣмъ слу-
 „чится. И такъ, скажи мнѣ, какія
 „главнѣйшія причины побуждаютъ
 „тебя вступить въ сію должность?
 „Если жадность къ прибытку со-
 „спавляетъ предмѣтъ твоихъ жела-
 „ній, то надѣешься ли ты на свою
 „совѣсть, что не пронесъ она
 „воплемъ бѣдныхъ сиротъ, у кошо-
 „рыхъ алчный корыстолюбецъ, по-
 „средствомъ твоего старанія, опи-
 „шетъ послѣднее ихъ имущество?
 „Чувствуешь ли ты въ себѣ столько
 „ябеднической твердости, чтобъ гра-
 „бить своихъ ближнихъ безъ малѣй-
 „шаго угрызенія совѣсти? И нако-
 „нецъ, надѣешься ли столько на зна-
 „ніе свое въ крючкотворствѣ, чтобъ
 „нагую истину въ глазахъ безграмот-
 „ныхъ судей переодѣвать въ различ-
 „ные наряды, по своему благоу-
 „сужденію? Ежели есть въ тебѣ сіи

„необходимо нужны для корыстполю-
 „биваго Секретаря качества, то не
 „мѣшка нимаго исполняй свое на-
 „мѣреніе, и я предсказываю тебѣ,
 „что наполня свои сундуки имуще-
 „ствомъ ограбленныхъ побою людей,
 „будешь ты очень богатъ. „

Я никогда такъ подробно не раз-
 суждалъ, отвѣтствовалъ онъ мнѣ;
 однакожь признаюсь, что желая вспу-
 нить въ сію должность, смотрю
 болѣе всего на прибыль, и увѣренъ,
 что большая часть будущихъ моихъ
 собратій, такъ же о томъ думаютъ,
 какъ и я. Сыщется ли изъ нихъ хотя
 одинъ, который бы пожертвовалъ не-
 усыпными своими трудами, для при-
 обрѣтенія той пустой и ничего не-
 значущей славы, которая послѣдова-
 шелей своихъ не рѣдко препровождаетъ
 въ богадѣльню? Собственная
 польза должна быть гораздо драго-
 цѣннѣе, нежели польза вдовъ и си-
 ровъ. Виноватъ ли Секретарь, что
 нѣтъ у нихъ денегъ? Въ нынѣшнія

просвѣщенные времена даромъ ничего не дѣлаютъ.

„О го! вскричалъ я съ восхищеніемъ, я предвижу, что имѣя такія мысли, ты будешь со временемъ очень счастливъ; ты достоинъ быть не только Секретаремъ, но и Судьею. По словамъ твоимъ всякой подумаетъ, что ты состарѣлся въ приказѣ, и что уже лѣтъ сорокъ упражняешься въ крючкотворствѣ. Принимайся, другъ мой, поскорѣе за сей промыселъ; увѣряю тебя, что ты ничего лучше сего не сдѣлаешь.“

Мнѣ кажется, отвѣщивавалъ мнѣ нововыпечатанной Секретарь, что ты очень хорошаго мнѣнія, какъ обо мнѣ, такъ и о будущихъ моихъ сошварищахъ; однакожь я многими примѣрами могу тебѣ доказать, что и между ими есть множество честныхъ людей, достойныхъ всякаго почтенія.

„Въ эшомъ я не сумнѣваюсь, отвѣщивавалъ я ему; однакожь сихъ,

„упоминаемыхъ побою, добросовѣст-
 „ныхъ Секретарей столь мало, что
 „въ сравненіи со множествомъ при-
 „страстныхъ къ *акциденци*, можно
 „ихъ почестъ за совершенную рѣд-
 „кость. Когда приходятъ мнѣ на
 „мысль всѣ тѣ плушни, кошорыя
 „они, для уловленія бѣдныхъ челобит-
 „чиковъ въ ябедническія свои сѣти,
 „употребляютъ; но не могу удер-
 „жаться, чтобъ не похвалишь благо-
 „разумныхъ въ судопроизводствѣ об-
 „рядовъ нѣкоторыхъ Азійскихъ на-
 „родовъ, кои для осправленія право-
 „судія, не имѣютъ нужды ни въ вы-
 „пискахъ, кошорыя болѣе зашмѣва-
 „ютъ дѣла, ни въ справкахъ, кото-
 „рыя въ конецъ разоряютъ бѣдныхъ
 „челобитчиковъ; всѣ сіи запутываю-
 „щіе и самыя справедливейшія дѣла
 „ябедническіе крючки, у сихъ наро-
 „довъ, коихъ просвѣщенные Европей-
 „скіе жители называютъ *варварами*,
 „совершенно не извѣстны. Тамъ жад-
 „ный спрячій, безсовѣстный судья,

„и бездушный секрешарь, не имѣ-
 „юшѣ способовѣ обогащаться имуще-
 „ствомѣ ограбленныхѣ ими проси-
 „телей; и еспылибѣ къ швоему не-
 „счастію, родился ты вѣ какомѣ
 „Азійскомѣ городѣ, то сколько бы
 „ни употреблялъ старанія, чшобѣ
 „одному дѣлу дать два различные
 „вида; или, чшобѣ яснѣйшую истину
 „обратить вѣ сомнительную, одна-
 „кожѣ все то ни мало бы не послу-
 „жило къ швоей пользѣ. Тамѣ умерѣ
 „бы ты сѣ голоду, или, можешѣ
 „бышь, вѣ награду за швои плушни
 „отвѣсили бы тебѣ нѣсколько со-
 „шенѣ ударовѣ палкою по пятамѣ.,,

„И такѣ, естлибѣ вѣ Европей-
 „скихѣ присущственныхѣ мѣстахѣ
 „поступали сѣ приказными служите-
 „лями по Азійскому обыкновенію,
 „то всѣ швои товарищи сдѣлались
 „бы столько же честными, сколько
 „теперь корыстолюбивы. Принимаясь
 „за какое дѣло, не приминули бы они
 „прежде сами себѣ сказать: „*Монеже*

де плутни наши вознаграждаются
 здѣсь низлагающимъ на насъ плото-
 нымъ дождемъ: того ради, надлежитъ
 лесть елико возможно, дабы тѣсно-
 стію и безкорыстіемъ предохранить
 сѣны наши отъ вышеретеннаго за
 беззаконія наши истязанія. „Но къ
 „несчастію Европейцевъ, судьи и на-
 „чальники у сихъ просвѣщенныхъ на-
 „родовъ не такъ думаютъ, какъ
 „Азійскіе Паши и Кадіи. Всякое
 „судебное дѣло, какъ бы худо ни
 „было, находятъ своихъ защитни-
 „ковъ; и чемъ которое несправедли-
 „вѣе, тѣмъ болѣе искусный Секре-
 „тарь надѣется получить отъ него
 „прибыли: и сіи-шо ябедническія и
 „запутанныя дѣла составляютъ глав-
 „нѣйшіе его доходы.„

Я вижу, отвѣтствовалъ мнѣ мо-
 лодой человекъ, что ты не весьма
 уважаешь тѣмъ промыслъ, въ ко-
 торой я вступаю намѣреваюсь;
 однакожь всѣмъ довольно извѣстно,
 сколько нуженъ онъ въ Государствѣ;

конечно въ адѣ совсѣмъ иначе о томъ думаютъ.

„А это происходитъ отъ того, ошвѣтствовалъ я, что у насъ вашу брашью лучше знаютъ, нежели здѣсь; однакожь я долженъ себѣ признаюсь, что ничего не можешь быть почтеннѣе, какъ искусный и безприсрастный Секретарь: нѣшь такого достоинства, въ которое бы онъ, по заслугамъ своимъ, не могъ быть возведенъ. Множество, какъ прежде было, такъ и нынѣ, есть такихъ людей, которые честию и безкорыстіемъ, изъ простиыхъ писцовъ произошли въ первѣйшіе чины въ Государствѣ. Но сіе до тебя не касается; ты больше привязанъ къ корыстолюбію, нежели къ добродѣтели, и такъ продолжай, какъ началъ; я себѣ ошвѣчаю, что въ скоромъ времени ты чрезмѣрно обогатишься. Паче всего помни, чтобъ за деньги никому ни въ какой прозьбѣ не отказывать; и еслили

„случится, что не взирая на всѣ
 „швои плушни, рѣшился какое дѣло
 „не такъ, какъ бы тебѣ хотѣлось,
 „то сіе нимало не помрачитъ твоей
 „славы; а всѣ скажутъ, что дѣло,
 „о которомъ ты старался, было
 „черезъ чуръ ужъ гадко; ежели же
 „плутовство твое получитъ успѣхъ
 „и тебѣ удастся переверопить по
 „своему, праваго обвинить, а вино-
 „ватаго оправить, тогда будешь
 „очень щедро награжденъ, и тебя всѣ
 „будутъ почитать самымъ хитрымъ
 „крючкомворцемъ. Совѣтъ, который
 „я тебѣ даю, можешь тебѣ служишь
 „вмѣсто философическаго камня;
 „пользуйся имъ до тѣхъ поръ, какъ
 „увидю я тебя преселившагося въ
 „адъ и сидящаго въ объятіяхъ адскихъ
 „демоновъ. „

П И С Ь М О XIX.

Отъ Силфа Свѣтовида къ волшебнику Маликульмулку.

Ты очень бы удивился, почтенный Маликульмулкѣ, когда бы увидѣлъ меня въ новомъ моемъ нарядѣ. Я непременно долженъ былъ одѣться по вкусу здѣшнихъ жителей. Фракъ на мнѣ полосатой съ длинными полами и съ крошкимъ лифомъ; жилетъ такъ же полосатой и чулки полосатныя. Я думалъ, что надобно было заказать сдѣлать исподнее платье и башмаки полосатныя; но мнѣ сказали, что это еще не вошло въ моду; а можешь быть скоро войдешь; что исподнее платье хоша и носятъ, полосатое, но полосы одинакаго цвѣта; однихъ только башмаковъ цвѣтъ никогда еще не перемѣнялся; пряжки же башмашныя множество развѣ видѣ свой перемѣняли; за нѣсколько лѣтъ назадъ, какъ сказывали мнѣ, употребля-

Часть II.

8

лись маленькія круглыя; но попомѣ часѣ отѣ часу увеличиваясь, бывали иногда круглыя, а иногда чешыреугольныя, самыя большія; нынѣ же носятъ овальныя, вдоль по башмаку лежащія. Кареша у меня самаго послѣдняго вкуса поласатаяжъ; жаль, что здѣшніе господа модные Пешимешры не успѣли еще выдумашъ, выкрашивашъ и лошадей разноцвѣтными полосами; тогда все бы уже одно другому соотвѣтствовало.

Голова моя убрана преогромнымѣ вержешомѣ и превеликими буклями, умазана душистою помадою, усыпана самою лучшею Французскою пудрою, и я весь съ ногѣ до головы опрысканѣ благовонными духами; подѣ мышкою же ношу я огромную шляпу; однакожъ не поласашую, а чорную. Не смѣшно ли шебѣ покажешся, почтенный *Маликульмулькѣ*, что я вошелѣ въ такое дурачешство; но шебѣ извѣстно, что я это дѣлаю единешвенно изѣ любопышешства, чшобѣ посредешвомѣ сво-

его дурачества удобнѣе узнать людскія глупости, и для того нарядами своими стараюсь подражать лучшимъ здѣшнимъ Пепимешрамъ, чтобъ чрезъ нихъ имѣть входъ во всѣ публичныя собранія, и примѣчать нравы и обычаи здѣшнихъ жишелей. Поршней мой увѣрялъ меня, что платье мое самой послѣдней моды. Одинъ Пепимешръ, съ которымъ недавно я познакомился, и который живетъ въ одномъ со мною пракширѣ, все закупалъ для моего наряда, и непременно хотѣлъ, чтобъ я одѣтъ былъ по его вкусу; а онъ здѣсь почитается первѣйшимъ знапокомъ въ модныхъ уборахъ, и самъ многіе изъ нихъ выдумываетъ. Онъ божился мнѣ, что больше мѣсяца выдумывалъ онъ новый образецъ обшлагамъ и клапанамъ на кафтанѣ, и что попомъ вымышленіе новаго покроя въ платьѣ занимало его почти во все прошедшее лѣто. *Конечно у васъ очень мало дѣлѣ, спрашивалъ я у него, то вы тратите*

столько времени на такія бездѣлки?
 „Какъ! отвѣщивовалъ онъ, вы назы-
 „ваете бездѣлкою вымышленіе новой
 „моды! Видно, что вы сюда приѣхали
 „изъ самой дикой спороны, гдѣ хоро-
 „шій вкусъ въ нарядахъ совсѣмъ не
 „извѣстенъ. Знайте, что попребно
 „гораздо болѣе дарованія, разума и
 „науки для расположенія новаго по-
 „кроя въ плашь, нежели для по-
 „строенія огромнаго дома. Не думаете
 „ли вы, что ничего не стоить
 „знать искусство у горбашаго скрыть
 „горбъ; у долгошеяго высокимъ ворош-
 „никомъ закрыть долгую шею; не-
 „стройнаго спаномъ сдѣлать спаш-
 „нымъ; или велѣшь расположишь со-
 „вкусомъ на кафтанѣ фалды? До сего
 „только можно достигнуть хитрыми
 „вымыслами и долговременнымъ упраж-
 „неніемъ; однакожь при всемъ томъ
 „надлежитъ, чтобъ сама природа
 „намъ вспомоществовала, а безъ того
 „и самое великое знаніе казалось бы
 „посредственнымъ. Искусство въ на-

„рядакъ должно почитать особен-
 „нымъ дарованіемъ; хопя многіе спа-
 „раюшся его имѣшь, но немногіе сча-
 „спливо до того достигаютъ. „

Я внутренно смѣялся, почтенный
Маликульмулькъ, слушая такіе вздоры;
 сколько ни почишалъ я людей во
 многихъ случаяхъ заблуждающимися;
 однакожь никогда не воображалъ,
 чшобъ могли они доходить до такого
 безумія, чшобъ почишали важнѣйшими
 дѣлами, заниматьса фалдами и по-
 кроемъ своего плашья. Я спрашивалъ
 у нѣкошораго знакомаго мнѣ госпо-
 дина, называющагося *Старомысломъ*,
 кошорый упражняешся въ разныхъ
 полезныхъ наукахъ, и почиаетъ ихъ
 гораздо нужнѣе новыхъ модъ: *много
 ли въ семъ городѣ людей зараженныхъ
 такими глулостями?* „Больше, не-
 „жели вы вообразить себѣ можеше,
 „ошвѣтшшовалъ онъ мнѣ; мода есть
 „первѣйшая ешрасть здѣшнихъ жи-
 „шелей: чшожъ принадлежитъ до
 „женскаго пола, шо онъ доходитъ

„вѣ помѣ до безумія. Женщина окон-
 „чавъ поуспру свой шуалетъ, про-
 „вождаетъ цѣлое утро вѣ обершы-
 „ваніи и укалываціи около себя раз-
 „ныхъ лоскушковъ, купленныхъ ею
 „на канунѣ. Послѣ обѣда ѣдетъ она
 „вѣ театрѣ, и тогда съ удивленіемъ
 „видитъ, что та мода уже перемѣ-
 „нилась, и что многія модныя щего-
 „лихи одѣшы вѣ другое платье по
 „последнему вкусу. Она съ досадою
 „примѣчаетъ, что всѣ онѣ присталь-
 „но на нее смотрятъ и насмѣхающся
 „ея старомодному убору, опъ чего
 „приходитъ она вѣ опчаяніе, и не до-
 „ждавшись окончанія піесы поспѣшно
 „выходитъ изъ театра, запирается
 „вѣ своемъ домѣ, заставляетъ ком-
 „насныхъ своихъ дѣвокъ шить новыя
 „наряды, и просиживаетъ съ ними во
 „всю ночь, покуда на другой день вѣ
 „состояніи будетъ опять показаться
 „вѣ свѣтъ, одѣшая по новой уже
 „модѣ. „

Знакомецъ мой пешиметръ обѣщался предсавишь меня многимъ здѣшнимъ моднымъ женщинамъ, и познакомишь со всѣми извѣстными ему вершоправами. Вчерась хотѣлъ онъ меня везти въ оперу; сіе зрѣлище, какъ сказывалъ онъ мнѣ, чрезвычайно ему нравилось; однакожь не сдержалъ своего слова, пошому что бѣдилъ съ пріятелями своими за городъ въ одинъ шпактиръ, гдѣ пропили они во всю ночь, и его пошпру уже привезли домой совсѣмъ безчувственнаго. И шакъ на мѣсто его бѣдилъ со мною въ театрѣ Г. *Старомысль*.

Театръ здѣшній показался мнѣ довольно великъ, ложи въ немъ въ пять ярусовъ; но осматривая вокругъ, представилась мнѣ ужасная неспроша, пошому что каждая ложа обита особливаго цвѣта обоями, и у каждой такого же цвѣта занавѣски, шакъ что было шущъ смѣшеніе всѣхъ разныхъ цвѣшовъ. Многія изъ сихъ ложъ были наполнены обоого пола

людьми, а нѣкоторыя закрыты были занавѣсками; однакожь примѣшилъ я, что и тамъ въ потемкахъ сидѣли и пихонько опшуда выглядывали; а какъ изъ любопытства спрашивалъ я: для чего сидящіе въ тѣхъ ложахъ не показываются и скрываются въ темнотѣ: то мнѣ сказали, что часто случаются шумъ любовникъ съ любовницею, которые прибѣгаютъ не для смотрѣнія пьесы; но для любовнаго свиданія. Между театромъ и партерами на довольно просторной площадкѣ стояла толпа мужчинъ, изъ которыхъ очень не многіе подвинувшись ближе къ театру занимались зрѣніемъ пьесы, а большая часть разхаживая взадъ и впередъ заглядывали въ глаза женщинамъ, сидящимъ въ партерахъ, и разговаривали между собою такъ крѣпко, что ошъ ихъ разговоръ совсѣмъ не слышно было рѣчей актеровъ, представляющихъ на театрѣ. Нѣкоторые изъ сихъ разхаживающихъ были съ растрепанными

волосами, въ розовыхъ на шеѣ платкахъ и подпоясанные кушаками: они во все горло кричали и спорили о скорости въ бѣгѣ своихъ лошадей, и между шѣмъ хлопали по полу бичами, копорые въ рукахъ у нихъ были; а нѣкоторыя, поднявъ къ верху головы, и приложивъ къ глазу лорнетъ, смотрѣли на сидящихъ въ ложахъ женщинъ, и какъ скоро сей лорнетъ устремлялся на какую женщину, то она пихонько опворачивалась, пріятно усмѣхалась и попрогивала искусно, или ленточкою на шеѣ, или опахаломъ; такое жеманство продолжалось непрестанно до самаго того времени, какъ смотритель въ лорнетъ оборачивался къ другой женщинѣ, которая въ ту же минушу принималась за шапкѣя же ужимки.

Пожалуйте, государь мой! скажите мнѣ, спрашивалъ я у Г. Старомысла, кто такіе сіи Гослода, которые съ такимъ любольствомъ смотрятъ на женщинъ, и для того жен-

щины передъ ними такъ коверкаются
 и ломаются? „Эши Господа, ошвѣш-
 „сшвовалъ онъ мнѣ, почишаюся
 „здѣсь знаннѣйшими въ своемъ родѣ
 „Пешиметрами; они замѣчаютъ и
 „пересмѣхаютъ женскіе уборы, и су-
 „дятъ о красотѣ и о достоинствѣ
 „всѣхъ женщинъ; напримѣръ: осмо-
 „тря прилѣжно которуюнибудь изъ
 „нихъ, въ одну минушу на вѣрное
 „будущъ они увѣрятъ, что у ней но-
 „вой любовникъ, что она бросила
 „уже шого Спуденса, который долго
 „былъ на ея содержаніи, а на мѣсто
 „его взяла новоприбзжаго Офицера,
 „который по всюду вмѣстѣ съ нею
 „бѣдитъ; а о другой скажутъ, что
 „она гадко одѣта, что она неловка,
 „что усмѣшка ея непривлекательна,
 „что не умѣетъ она дѣлать пріят-
 „ныхъ ужимокъ, и не такъ сморитъ,
 „какъ было бы должно въ нынѣшнемъ
 „модномъ свѣтѣ. И такимъ образомъ
 „непремѣнно сыщутъ чтонибудь
 „скажутъ о всякой женщинѣ, на ко-

„порую смотрятъ; а для сего - шо
 „самаго, всякая женщина спарается
 „передъ ними дѣлать разныя шѣло-
 „движенія и ужимки, желая, чшобѣ
 „они нашли въ ней что нибудь пре-
 „лестное, и похвалили бы ея красоту
 „и вкусъ въ уборахъ, или по крайней
 „мѣрѣ не показалась бы она имъ со-
 „всѣмъ гадкою и безобразною.

А эшо конечно чьи нибудь кучера,
 спрашивалъ я у Г. *Старомысла*, копо-
 рые похлопываютъ бичами и кричатъ
 о добротѣ лошадей своихъ? — „Нѣтъ,
 „отвѣщивовалъ онъ, эшо другаго
 „рода вершопрахи, кошорые во весь
 „день скачутъ по улицамъ и другъ
 „друга перегоняютъ, не для шого,
 „чшобѣ они были охотники до лоша-
 „дей и имѣли бы хорошихъ бѣгуновъ;
 „но шолько, чшобѣ нѣсколько разъ
 „проскакать мимо оконъ шѣхъ дѣву-
 „шекъ, за кошорыми они волочатся,
 „и показатъ имъ великолѣпные на ло-
 „шадяхъ своихъ приборы, купленные
 „ими на послѣднія деньги, осшающіяся

*

„у нихъ отъ промотаннаго ихъ имѣ-
 „нія. Они приѣзжаютъ сюда не для
 „смотрѣнія театральнаго зрѣлища;
 „но для разсказыванія другимъ, ша-
 „кимъ же шалунамъ, о тѣхъ чуде-
 „сахъ, которыя будшо надѣлали мни-
 „мые ихъ бѣгуны.

Я ничего не могу тебѣ сказать, почтенный *Маликульмулькъ*, о пѣсѣ, кошорую тогда играли, попому что хошя я сидѣлъ въ ложѣ; но отъ шуму разговаривающихъ здѣшнихъ Пешимешровъ ничего не могъ слышать, что на театрѣ пѣли и говорили.

Побѣхавши изъ театра, дорогою спрашивалъ я у своего поварища о достоинствѣ видѣнныхъ мною на театрѣ пѣвицъ и шанцовщицъ, и какой ведутъ онѣ родъ жизни? — О! онѣ чрезвычайно хипры, отвѣтствоваль онѣ миѣ, въ привлеканіи къ себѣ мушинъ, которыхъ очень искусно обираютъ, и тѣмъ обогащаются. Многие богатые купцы дѣлаются отъ нихъ банкротами; знатные господа

накапливають на себя превеликіе долги, а молодые господчики часто совсѣмъ раззоряюся. Хипросць и пришворство, наилучшія дарованія театральныхъ дѣвокъ; онѣ пришворною наружностію очень искусно умѣюшъ прикрывать жадность свою къ корысполюбію. Тѣ, копорые многими опытами знаюшъ ихъ хипросць, не даюся имъ въ обманъ и не вѣряшъ пришворному ихъ постоянству; но многіе неопытные молодые люди, и легковѣрные ослѣпленные ими шаррики, часто попадаюся въ ихъ сѣти, копорыхъ избѣгнушь очень шрудно, пошому что эти хиприя женщины умѣюшъ принимашъ на себя всякой видъ, какой шолько захопяшъ.

Ежели театральная дѣвка захочешъ обманывашъ шарика, шо пришворяется передъ нимъ, что она ко всѣмъ молодымъ людямъ чувствуешъ особливое презрѣніе; осуждаешъ безуміе шѣхъ женщинъ, копорыя предаюся нескромнымъ вершопрахамъ;

выхваляетъ благоразуміе почтеннаго мужа, пожилыхъ уже лѣтъ, и кляпвенно увѣряетъ, что она никогда не можетъ чувствовать истинной любви, кромѣ какъ къ такому только человеку, который по совершеннымъ своимъ лѣтамъ одаренъ здравымъ разсудкомъ.

Ежели, напротивъ того, захочется ей понравиться Пешиметру, то увѣряетъ его, что всякой мужчина выше тридцати лѣтъ, кажется ей очень смѣшнымъ, и что ее прельщаютъ одни только молодые люди. *Какъ можно*, говоритъ она, *любитъ старика*, и какой вкусъ наши сестры находятъ въ шестидесятилѣтнемъ любовникѣ? Послѣ сего она передъ нимъ танцуетъ, поетъ, прыгаетъ и скачетъ, такъ что кажется всѣ забавы и веселости ее окружающъ.

Ежели обратитъ она взоры свои на богатаго опкушника, то шутъ употребляетъ уже совсѣмъ другія уловки. Тогда презираетъ она вся-

каго, кто не богатъ: „Къ чему нужна
 „для нашей сестры любовь молодыхъ
 „Господчиковъ? говоришь она своему
 „любовнику, котораго обираешь; они
 „повреждають только нашу славу, и
 „вмѣсто того, чтобы намъ что ни-
 „будь давали на наши нужды, насъ
 „еще разоряють. Разумная женщина
 „можетъ ли спрасно любить при-
 „дворнаго за то только, что онъ
 „часто бываетъ при дворѣ и умѣетъ
 „искусно шаркать по полу ногами,
 „или за то, что онъ имѣетъ знашной
 „чинъ? Клянусь тебѣ, продолжаетъ
 „она, что гораздо больше можно
 „чувствовать любви къ такому чело-
 „вѣку, который щедростію своею
 „можетъ доставить намъ счастли-
 „вую жизнь.„

И такимъ образомъ очень трудно
 избѣгнутьъ хищныхъ обмановъ сихъ
 опасныхъ сиренъ; и ежели кто по
 несчастію попадетъ въ ихъ сѣти,
 тогда совсѣмъ погибаетъ и запусы-
 вается въ такой лабиринтъ, изъ ко-

порого почти никогда выпши не можеть, пошому что хипрое пришворство, обманъ, ложныя кляшвы, пришворное опчаяніе и обманчивыя увбренія въ вбчной любви, сполько его обольспятъ, что онъ самъ себя не будеть помнишь.

Театральныя дѣвки имбють опмбнное дарованіе и искусство содержашь сердца въ своихъ оковахъ. Ежели примбшятъ онъ, что спокойное услажденіе въ любви сдѣлаеть любовниковъ ихъ не споль чувспвишельными, по онъ очень къ спатъ умбють возбудишь въ нихъ ревность; но дѣлають по сѣ такую хипросшію, что ни мало не спрашатся, чтобъ любовники опъ досады ихъ оставили, пошому что послѣ онятъ очень искусно увбрятъ ихъ совершенно въ своемъ постоянствѣ. Ежели онъ усмопрятъ, что любовники подозрѣвають ихъ въ вбрности, по въ одну минушу спануть передъ ними проливать слезы, и величайшія кляшвы будуть служишь

доказательствомъ въ страстной любви ихъ; есѣли же слезы ихъ не производушъ ожидаемаго дѣйствія, то предаюся онѣ совершенному опчаянію, и покажешся, будшо бы въ состояніи сами себя лишитъ жизни. Тогда никакой любви ихъ не можешъ устояшъ прошивъ столь ясныхъ доказательствъ жестокой ихъ страсти; въ одну минушу оставляешъ онѣ всѣ свои подозрѣнія, самѣ признаешъ себя виновнымъ, что напрасно ее подозрѣвалъ, и послѣ сего налагаешъ на себя новыя, жесточайшія прежнихъ оковы.

Сверхъ того театральныя дѣвки очень широко умѣюшъ раззоряшъ своихъ любовниковъ требуемыми отъ нихъ подарками, и эту науку знаюшъ онѣ во всемъ совершенствѣ. Ихъ грабительное искусство имѣешъ особыя свои правила; напримѣръ: ежели кошорой нибудь изъ нихъ захочешся бриліантоваго перстня, или платья, или головнаго какого убора, тогда

начнетъ она искусно выхвалять видѣнныя ею у другихъ своихъ знакомыхъ такія вещи, и пошомъ говоришь своему любовнику: — „Такой-то Графъ подарилъ *Парашѣ* перстень; такой-то Князь сдѣлалъ *Дашѣ* богатое платье. По чести эшѣ дѣвки очень счастливы, что онѣ ласками своими умѣли любовниковъ своихъ довести до того, что они во всемъ ихъ утѣшаютъ.

И такъ естли любовникъ ее очень любилъ, и боится, чтобъ не упустить ее изъ рукъ, то легко понимаетъ, къ чему клонялся сїи хитрѣя ея слова, и на другой же день присылаетъ къ ней въ подарокъ такое же богатое платье, какое у *Даши*, и такой же перстень, какой у *Параши*; а сїи подарки подаютъ случай другимъ ея прїятельницамъ выпянуть такіе же у своихъ любовниковъ. Каждая изъ нихъ очень искусно умѣетъ налагать на своего любовника такіе поборы; однакожь при всемъ помъ,

сколько бы кто для нихъ ни распочалъ денегъ, никакъ не можетъ быть совершенно увѣренъ въ искренней любви эгихъ шварей. Онъ не откажущя изъ всякихъ рукъ принимать подарки, лишь только бы былъ къ тому удобный случай; добродѣтели ихъ нимало ошъ того не поспраждешъ. Однакожь берущъ онъ чрезвычайную оспорожность, чшобъ обожатели ихъ не узнали о шаковыхъ ихъ поступкахъ, потому чшо не хопяшъ для малаго прибытка лишиться того великолѣпнаго содержанія, кошорое ошъ нихъ получающъ, естли же бывающъ онъ увѣрены, чшо тайна ихъ никакъ не можетъ быть ошкрыта, шо безъ дальнаго размышленія заключающъ шоргъ съ другимъ, принимающъ ошъ него тайно опредѣленную цѣну, за кошорую условились продать свои прелести, и назначающъ ему мѣсто свиданія.

Приѣздомъ нашимъ домой кончились наши разговоры, и я просясь

съ моимъ поваричемъ удаился въ мою комнапу, гдѣ довольно размышлялъ о всемъ помъ, что видѣлъ и что слышалъ.

Вошъ, почтенный *Маликульмулькъ*, въ короткое время, сколько могъ я примѣшишь глупостей въ здѣшнихъ жишеляхъ. Надѣюсь, что скоро откроются передо мною новые предметы, о которыхъ при первомъ случаѣ не премину тебя увѣдомишь.

П И С Ь М О ХХ.

Отъ Силфа Далновида къ волшебнику Маликульмулку.

Весьма часто, мудрый *Маликульмулькъ*, оплакиваю я злополучіе смертныхъ, поработившихъ себя власти и своенравію такихъ людей, кои родились для ихъ погибели. Львы и шигры менѣе причиняли вреда людямъ, нежели иѣкошорые Государи и ихъ

Министры. Скажи, премудрый *Маликульмулькъ*, бросался ли когда левъ, возбужденный величайшимъ голодомъ, на подобнаго себѣ льва, и раздирали ли его на части для утоленія своего голода? Напрошивъ того, ежегодно почти видимъ мы людей, которые для удовлетворенія своего тщеславія, гордости или корысполюбія, жертвуютъ подобными себѣ людьми безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти.

Не подѣ владѣніемъ однихъ только тирановъ видимы были цѣлыя Государства поверженныя въ бездну злополучія; много было такихъ Государей, коимъ хотя потомство приписываетъ великія похвалы; однакожь они не менѣ другихъ вреда людямъ причинили. *Неронъ* выжегъ Римъ для удовлетворенія своего безчеловѣчія; *Юлій Кесарь* наполнилъ кровью и грабительствомъ всю Римскую Имперію, дабы чрезъ то показашъ свое могущество. Не все ли равно для людей, ошъ какой бы причины они ни поги-

бали? Все шо, что ихъ истребляеть, не можеть быть имъ пріятно.

Область опустошенная щеславнымъ побѣдителемъ, не должна ли почищать его чудовищемъ, рожденнымъ для гибели рода человѣческаго? Кто далъ право человѣку, убивать миллионъ подобныхъ себѣ людей для удовлетворенія своихъ пристрастій? Въ какомъ установленіи естественнаго закона можно найти, что множество людей должны принесены бытъ въ жертву щеславію, или лучше сказать, бѣшенству одного человѣка? Всѣ сіи мнимые герои, которыми ослѣпленные смертные придаютъ пынное названіе *Великихъ* и *Побѣдителей*, въ глазахъ истиннаго Философа суть не что иное, какъ *Нероны* и *Калигулы*; разность между ими только та, что сіи Римскіе Императоры истребляли людей въ своихъ владѣніяхъ; а шѣ погубляютъ какъ своихъ, такъ и подданныхъ сосѣдственныхъ Государей.

Монархъ предприемлющій войну для защищенія своихъ областей, и для поддержанія правъ и преимуществъ своего народа, есть мудрый отецъ, обремененный великою семьею дѣшей, коихъ хранишь и оберегаетъ онъ отъ ненависти ихъ непрятелей; на прошивъ того, Государь пекущійся единственно о удовольствореніи своего щеславія, и убѣгающій мира для пагубнаго только удовольствія, чшобъ вести безпрестанно войну, наноситъ болѣе вреда людямъ, нежели язва и голодъ. Можно предохранить себя отъ недоспашка въ пропитаніи, выписавъ хлѣбъ изъ другихъ земель: отъ заразительной болѣзни есть такъ же средство избавишься, удалясь въ тѣ мѣста, гдѣ она еще не свирѣпствуетъ; но щеславнаго Государя никакъ избѣгнушь не возможно. Подбавь низпадающему съ крупины горъ источникъ, поглощаетъ онъ все, что въ пуши своемъ ни встрѣчаетъ. *Александръ* гналъ людей и на концѣ

вселенной; *Карлъ XII.* подражая его примѣру, сколько же бы, можетъ бышь, причинилъ вреда людямъ, сколько и сей Македонскій Государь, естлибъ Небо, для спасенія рода человѣческаго, не низпослало въ свѣтъ мудраго и человѣколюбиваго Государя, который, преобразя души своихъ подданныхъ, обуздаль чрезъ то пагубное стремленіе сего надменнаго врага человѣчества.

Кажешся, что люди шѣхъ только Монарховъ называютъ *Великими*, которые во время своего царствованія истребили изъ нихъ нѣсколько миліоновъ: на противъ шѣмъ, кои не погубляли рода человѣческаго, приписываютъ они только названіе *кроткихъ и справедливыхъ*. Бѣдственное и странное обыкновеніе!... Государи истинно *Великіе*, слѣдуя ихъ предразсудкамъ, должны уступать въ славѣ шѣмъ, коихъ мщеніе правосудныхъ Небесъ употребляетъ для наказанія развращенныхъ человѣковъ, вмѣсто язвы и голода.

Не одно только щеславие побѣдителей причиняетъ гибель роду человеческому; корыстолюбие столько же иногда бываетъ пагубно, какъ и наикровопролитнѣйшая война. Гораздо бы было лучше для нѣкопорохъ Государей, чтобъ потеряли они половину своихъ подданныхъ на сраженіи, или при осадѣ какого города, нежели собравъ ихъ имущество къ себѣ въ сундуки, поморить послѣ съ голоду. Смерть воина, сраженнаго во время битвы скоропоспѣжнымъ ударомъ, не столь мучительна, какъ смерть бѣднаго земледѣльца, который испавается подъ бременемъ тяжкой работы, который въ потъ лица своего снискиваетъ себѣ пропитаніе, и который истощивъ всѣ свои силы для удобренія земель, видитъ поля, обѣщающія вознаградить его обильною жатвою, расхищаемыя корыстолюбивымъ Государемъ; смерть, говорю я, сего бѣднаго земледѣльца во сто разъ жесточе смерти воина, оказываю-

Часть II.

10

щаго въ одно мгновеніе жизнь свою на сраженіи. Тщешно бѣдные подданные спараются скрышь малые оспашки своего стяжанія отъ жадности корыстолюбиваго Государя; опредѣляемые отъ него надзиратели, сборщики и поставщики пробѣгають безпрестанно города и селенія; и сіи ненасытные піявицы высасываютъ кровь у бѣднаго народа даже до послѣдней капли.

Ревность Государей къ распространенію своего закона, не менѣе причиняла вреда людямъ, какъ и другія ихъ приспращія. Сколько во Франціи несчастныхъ принесено было въ жертву злости и ненависти безчеловѣчныхъ пустосвятовъ? Государя предвѣренныя сими лицембрами думали, что убивая людей, не только что изпребляли въ нихъ своихъ непріятелей; но и угождали тѣмъ самому Богу.

Защитники нетерпимости другихъ вѣрѣ въ Государствѣ, для извиненія своихъ безчеловѣчій, говорятъ: *Локо-*

ритесь намъ; мы воздвигаю на васъ временное гоненіе, устрояемъ трезъ то вѣтное ваше сласеніе. Вы заблуждшія овцы, коихъ противъ воли желаемъ мы возвратитъ на лажитъ Гослодню. Жестокіе паспыри! можно бы было имъ сказаць, въ пысячу разъ свирѣпѣйшіе, нежели наилютѣйшіе звѣри. Не уже ли думаете вы свирѣпствомъ и безчеловѣчїемъ преклонитъ къ себѣ сердца челоувѣческія? Почшо гоните вы несчастныхъ, копорые, какъ вамъ, шакъ и обществу ни малѣйшаго зла не причинили? Безжалоспные вѣропроповѣдники! между вами и *Нерономъ* нѣтъ никакого различія; шотъ посредствомъ огня и меча хотѣлъ, чшотъ всѣ люди были язычники: а вы шѣ же самыя средства употребляете, чшотъ преобращитъ всѣхъ въ Кашоликовъ. Христїане, отступившіе отъ вѣры, ошнюдь не были увѣрены въ шѣхъ нелѣпыхъ идолопоклонническихъ догмашахъ, копорымъ для избѣжанія смерти они послѣдовали; равнымъ

образомъ Пропештаншы, Жиды и Люшеране, принужденные для избѣжанія вашихъ гоненій переѣбнишь свой законъ, гнушающся во внутренности своихъ душъ шѣмъ, который наружно они исповѣдушъ. Такимъ образомъ шемницы, пышки и висѣлицы принуждашъ шолько людей припворно вѣришь шому, чему они не вѣрашъ. Смѣете ли вы несмысленные и безчеловѣчные Богословы ушверждашь, чтошбъ мучишь людей повелѣно было вамъ милосердымъ Богомъ? Вы не шолько не ужасаетесь своихъ злодѣяній; но и Всевышнее Существо предшавляете столь же кровожаждущимъ, каковы вы сами.

Я чувствую, премудрый *Маликульмулькъ*, что вспоминая пагубныя дѣла нѣкоторыхъ безчеловѣчныхъ Законопроповѣдниковъ, не могу удержашся, чтошбъ не ощутишь къ нимъ величайшаго омерзѣнія. Противъ воли лишаясь я философической моей швердосши; ибо бѣдствія причиненныя

людямъ суевѣріемъ пакъ велики, что
разсуждая объ оныхъ не лзя бытъ
равнодушну; и для шого прекращая
сіе письмо, я всячески буду впредь
спарашься, чтобъ удаляшь ошъ себя
сшоль печальныя мысли.

П И С Ь М О Х Х I.

*Отъ Гнома Вѣстодава къ волшеб-
нику Маликулъмулку.*

У насъ, любезный *Маликулъмулкъ*,
часъ ошъ часу дѣлаешся больше пере-
мѣнъ. *Прозерлинны* побѣдки, думаю,
со временемъ во всемъ адѣ не оспа-
вяшъ ни одной головни на своемъ
мѣстѣ.

Тебѣ уже извѣстенъ несчастный
случай съ нашими судьями, что двое
изъ нихъ оглохли, а шрешій сошелъ
съ ума; *Плутонъ* видя, что они не-
способны болѣе ошправляшь прежнюю
должностъ, вздумалъ на время самъ

сбссть на ихъ мѣсто; но не привыкши къ судебнымъ дѣламъ, онъ часто запушывался въ своихъ резолюціяхъ, и начиналъ бѣлымъ, а оканчивалъ чернымъ; шакъ что адскіе приставы, копорые опводящъ души въ назначенныя мѣста, могли переворачивать его слова, какъ хошѣли; отъ чего у насъ завелись превеликіе взяшки, и тѣни очень на это жалуются; и адскіе крючкотворцы, когда захошящъ, по въ силу начала резолюціи опвести ихъ въ Рай, а въ силу окончанія бросящъ въ вѣчную муку. Я увѣренъ, что въ нынѣшнее время *Сократъ* и *Диогенъ* не такъ скоро попались бы въ Елисейскія поля, какъ *Крезъ* и *Дарій*.

Непорядки въ дѣлахъ еще умножаешъ шо, что *Плутонъ* сдѣлался нѣсколько лѣнивъ и вдаля въ разныя забавы. Между прочимъ онъ спалъ великимъ охотникомъ до живописи. *Прозерлина*, не знаю съ какимъ намѣреніемъ, стараешся какъ можно больше

отводишь его отъ дѣлъ и возбудишь въ немъ разныя склонности, которыя представляли бы его первымъ нерадивцемъ во всемъ адѣ. Не рѣдко, когда сказывающъ ему, что многія шѣни прибыли съ того свѣща и ждуть его рѣшеній, и когда уже принимаешься онъ разбирать ихъ дѣла, тогда *Прозерлина* приказываетъ принести дюжины двѣ бушылокъ лучшихъ винъ, присланныхъ къ ней съ того свѣща.

„Вошъ, душа моя! говоритъ она ему, напишки, которыя въ открытомъ свѣтѣ употребляются всѣми судьями; тамъ часто многіе блюстители правосудія того мнѣнія, что лучшей способъ рѣшить премудро самое запутанное дѣло есть пошъ, чтобъ прежде опорожнить съ подюжины такихъ бушылокъ; эшо не вино, а премудрость заключенная въ бушылакахъ, и мнѣ не рѣдко случалось видать секретарей, идущихъ въ приказъ съ такимъ тяжелымъ грузомъ сей премудрости, что они не до-

„несши его до приказа съ ногъ свали-
 „вались; но ты, любезной *Плутонъ*,
 „Богъ, тебѣ не можетъ быть вредна
 „премудрость шакъ, какъ человѣку;
 „а изъ нихъ многіе думаютъ, что для
 „человѣка разумъ вреденъ; и такъ
 „ты не откажешь для меня выпить
 „хотя нѣсколько рюмокъ.», Наконецъ
 она принуждаетъ его лишь за здо-
 ровье своихъ братьевъ, а попомъ за
 здоровье ее, и такимъ образомъ пере-
 бираетъ всю свою родню по очереди.
 Бѣдный *Плутонъ* сколько ни опго-
 варивается; но она говоритъ ему,
 что въ большемъ свѣтѣ почитается
 неучливостью, еслии кто за здо-
 ровье знакомыхъ откажетъ напиться
 до пьяна: въ слѣдствіе сего очень
 часто нашъ Богъ, не успѣвая пере-
 счищать рюмками всѣ здоровья, спо-
 койно засыпаетъ, ничего не сдѣлавъ,
 и весь Дворъ спавитъ за честь въ
 помъ ему подражать. Я думаю, лю-
 безный *Маликульмулькъ*, что ты этому
 не шакъ станешь дивиться, пошому

что свойство придворныхъ тебѣ, какъ жипелю свѣща, болѣе извѣстно; но что принадлежишь до здѣшнихъ Философовъ, копорые видяшь это въ первый разъ, шо имъ показался нашъ дворъ бѣшенымъ домомъ.

Между шѣмъ множество приходящихъ шѣней шолпяшя у двора и ждушь рѣшеній своей судьбы; но *Плутонъ* опкладываетъ оныя, не зная какъ ихъ дѣлать. *Марсъ* думая подслужись дядюшкѣ своей любовницы, ежечасно присылаешъ къ намъ новыхъ жипелей; однакожь онъ не знаетъ, что шѣмъ шолько мѣшаетъ бѣдному *Плутону* въ его забавахъ, копорый шо и дѣло посылаешъ провѣдывать о здоровьѣ больныхъ судей; но *Галенъ*, *Эскулалій* и *Илократъ* доносяшь, что никакихъ еще нѣтъ признаковъ къ ихъ выздоровленію. Къ *Буристону* такъ же посланы были приказы, чтошбъ онъ спарался поскорѣй ошыскать шрехъ честныхъ и умныхъ судей; но-и шотъ покорнѣйше увѣдомляешъ, что всѣ

Часъ II.

11

его поиски напрасны, и что онъ скорѣе возмется сыскашь прехъ Фениксовъ, шесть Василисковъ и десять Единороговъ; нежели одного шакого судью, каковы были *Миносъ* съ его поварищами; а сверхъ того онъ доноситъ, что со времени ихъ прибытія въ адъ, сдѣлалась на землѣ великая перемена, и разумъ съ честностию въ превеликой ссорѣ; такъ что нынѣ въ свѣтѣ много можно сыскашь добродушныхъ дураковъ и умныхъ бездѣльниковъ; но добродѣтельные мудрецы очень рѣдки; а особливо на судейскихъ спульяхъ. И самому *Плутону* не хочется, чтобъ въ Елисейскія поля былъ впущенъ всякой безъ разбору, и чтобъ награжденія раздавались по проискамъ.

Такимъ-то образомъ желая сего избѣжать, самъ *Плутонъ* занимался разсмащиваніемъ дѣлъ, какъ вдругъ вошла къ нему *Прозерлина*. Любезный супругъ, сказала она ему, ты уже довольно пошрудился и попошѣлъ:

оставь пожалуй ешотъ скучный спулъ и пойдѣмъ лучше на мою половину; я даю севодни сполъ, превеликолѣпной концертъ, балъ, и послѣ театральное зрѣлище. — Душа моя, отвѣчалъ, нахмуривъ брови, важный *Плутонъ*, дай мнѣ окончашъ хопя нѣсколько дѣлъ: ты уже и шакъ причиною тому, что я оспался безъ помощи, и долженъ самъ разсмапривашъ дѣла и самыхъ послѣднихъ негодяевъ. Сказывай, говорилъ онъ попомъ одному Ишалиянцу, что ты въ свой вѣкъ дѣлалъ? — Я ваше адское величество, отвѣчалъ Римлянинъ, сорокъ восемь лѣтъ прыгалъ выше всѣхъ въ Европѣ. Имя мое славно на всѣхъ театрахъ; но дарованія нигдѣ не оспаются безъ гоненія: изъ нѣкошорыхъ мѣстъ я былъ вышѣсненъ знашными за то, что получалъ доходу болѣе ихъ; одинъ полководецъ охотникъ великой до скачковъ, чуть было не уморилъ меня за то, что я вспрыгнулъ выше его; а нѣкошорой знашной господинъ, коего

*

сынъ занималъ важное мѣсто въ Государствѣ, посредствомъ проворства своихъ ногъ и былъ первымъ панцовщикомъ, не могъ перпѣшь меня за то, что я показавшись на придворномъ шеапрѣ, уничтожилъ все вниманіе двора къ ногамъ сего молодого вельможи, послѣ чего и голова его потеряла всю довѣренность..... Но дѣлалъ ли ты какія нибодь добрыя дѣла? спросилъ у него *Плутонъ*. — Множество, отпѣчалъ понконогій *Фурбиній*; я выуча одного бѣднаго дворянина панцовать, сдѣлалъ шѣмъ его счастье, и онъ посредствомъ панцованія дошелъ наконецъ до великихъ чиновъ. Нѣкопорою молодой женщины мужъ былъ за взяжки посаженъ въ тюрьму и приговоренъ къ наказанію, которое бы конечно надъ нимъ исполнилось; но я научилъ ее какимъ образомъ должна она была припши предъ вельможу; я расписалъ ей всѣ шаги и всѣ поклоны; научилъ, какъ ей надобно было плакать и какія припши

ности употребляшь въ движеніи рукъ, такъ какъ по часто дѣлають балетныя героини: онъ чего была она счастлива, половину моимъ, а половину можешь бышь и своимъ искусствомъ, и мужа ея оставили по прежнему на судейскомъ стулѣ, гдѣ онъ подъ покровительствомъ женниныхъ балетныхъ ухвашокъ, пользовался какъ могъ своимъ мѣстомъ. Одна знатная дама выгнала изъ своего дома молодого любимца; онъ бросился ко мнѣ, я показалъ ему всѣ тонкости моего знанія, и онъ провѣдавъ, что бывшая его благодѣтельница будетъ на балѣ у одной госпожи, танцовалъ на ономъ съ такою пріятностію, что она его съ балу отвезла опять къ себѣ въ своей каретѣ. Я множество дѣлалъ еще добрыхъ дѣлъ; я распространилъ мое искусство и исполнялъ свое званіе съ величайшимъ раченіемъ; въ чемъ свидѣтельствовать можешь то, что нынѣ многіе судьи знаютъ лучше танцовать, нежели судить, и многіе

молодые войны болѣе имѣютъ духу пропрыгать конспранецъ, или сдѣлать хорошій анпраша, нежели оставя балы ишии въ поле шагашь подъ военную музыку, кошорая всегда дерешъ нѣжный слухъ хорошаго танцовщика, привыкшаго къ пріятной гармоніи минуешовъ, Польскихъ и Кадрилей.

Бросьте сего развратителя благопристойности и нравовъ, вскричалъ *Плутонъ*, танцовашь подъ музыку *Эменидъ*; самыя его благодѣянія унижающъ, какъ его самаго, такъ и шѣхъ, кому они оказаны; а пользы свѣшу его скачки очень мало сдѣлали. — Помилуй жизнь моя, сказала *Прозерлина Плутону*, схватя за руку *Ипаліянца*; помилуй, ты заславляешь меня краснѣясь за себя: ты богъ, а право менѣе согласишь, нежели послѣдней деревенской мужикъ. Возможно ли такъ мало уважать рѣдкія дарованія эшого любезнаго челоѣка! Право ты очень гадокъ съ швоими

глупыми шансами. Знай, сударь, продолжала она, что нынѣ весь большой свѣтъ танцуетъ, и что никакое искусство не почиается споль почтеннымъ, какъ танцовальное: оно приноситъ уваженіе и доставляетъ богатство и чины. Не рѣдко о помѣ, кто хорошо прыгаетъ коншпанцы заключающъ, что онъ можетъ быть искусной воинъ и дающъ ему полкъ; а самой искусной полководецъ, которой не знаетъ танцовать, почиается невѣжею. Какой ты сыщешь дворъ, гдѣбъ не было уважено танцование? а ты сударь хочешь подвергнуть наказанію челоѣка рѣдкаго въ своемъ родѣ, котораго одна нога стоить десяти шакихъ головъ, какова швоя; и шакъ я сказываю тебѣ, что я беру его подъ свое покровишельство, дѣлаю его первымъ балешмейшеромъ своего двора, и завтра же ты начнешь учиться у него танцовать. — Развѣ ты хочешь сдѣлать изъ меня мальчика, богиня? вскричалъ

Плутонъ; какъ! мнѣ учишься танцовать! мнѣ бышь прыгуномъ! или шы хочешь меня выгнать оцсюда своими попрыгушками? — Не выгнать, опвѣчала *Прозерлина*; а заставишь тебя почувствовать, что танцованье всего почтеннѣе. Я сама бывши на свѣтѣ, повседневною была свидѣтельницаю, что хорошаго танцмейстера лучше принимающъ, нежели заслуженаго офицера, и что въ нынѣшнемъ просвѣщенномъ свѣтѣ, вообще, хорошія ноги въ большемъ уваженіи, нежели хорошія головы.

Послѣ такого изряднаго объявленія, бѣдный *Плутонъ* не зналъ что дѣлать, и лишился удовольствія наказать шонконогаго шунядца, кошорому препоручила богиня сославивъ свой дворъ. Едва окончился ихъ споръ, какъ предстали предъ *Плутона* доктора, и доносили его безсмертію, что адскіе судьи совершенно здоровы: смѣются, ходящъ, пьющъ и бдящъ; но что двое изъ нихъ навсегда оглохли, а претій

невозвратно лишился ума, и такъ куда приказано будетъ ихъ помѣстить. *Плутона* не мало обезпокоилъ сей вопросъ, и онъ не успѣлъ еще сдѣлать рѣшенія, какъ предсталъ предъ него одинъ духъ, который просилъ его именемъ судей, что бы позволилъ онъ имъ судить по прежнему шѣни; что еще въ большее привело замѣшательство бѣднаго *Плутона*, и онъ совсѣмъ не зналъ что дѣлать.

Прозерлина совѣтовала ему, чтобъ изъ уваженія къ ихъ службѣ, не смотря на то, что они повредились, оставилъ ихъ на прежнихъ мѣстахъ, и что лучше имѣть какихъ нибудь помощниковъ, нежели самому за всѣ дѣла приниматься. *Плутоно* можетъ быть и самъ бы на это покусился для своей живописи; но онъ боялся *Юлитера*, которому не преминулъ бы *Меркурій* наушничать по своей склонности. Танцмейстеръ подъ покровительствомъ *Прозерлины*, подалъ слѣдующій голосъ: ваше адское вели-

чество, сказалъ онъ, хотя я живни на свѣтѣ болѣе прыгалъ, нежели вмѣшивался въ политическія дѣла, но слухъ о многихъ изъ нихъ доходилъ до моихъ ушей, и я нѣсколько успѣлъ узнать политическіе поступки въ такихъ случаяхъ. Мнѣ кажется, что хотя *Миносъ*, *Родомантъ* и *Еакъ* танцовашь не умѣюшъ; однако я признаюсь, что долговременная ихъ служба уваженія достойна: а всего важнѣе, что между ими есть сынъ *Юлитеровъ*, по вамъ не обидя бапюшки, не лзя сына оставишь отъ мѣста; такъ же по слабости ихъ не лзя имъ поручишь и отправленіе важныхъ дѣлъ, неподвергнувъ ихъ пѣмъ замѣшательству; почему остаеся вамъ одинъ способъ, что бы оставя при нихъ прежнія ихъ достоинства, не давашь имъ власши, и все дѣло состоишь въ томъ, чтобъ приставишь къ нимъ умнаго секретаря, кошорой бы вмѣсто ихъ разсмашривалъ дѣла, а они бы подписы-

вали то, что онъ имъ скажетъ. Всѣ присущствующіе похвалили его предложеніе, за что отвѣсилъ онъ многимъ по пренизкому поклону *а ла минутѣ*, копорые сдѣлали его въ глазахъ женщинъ совершеннымъ умницею.

Ахъ! какое это сокровище; вскричала *Прозерлина*, еспьлибъ онъ вѣчно рша не опворялъ, то всякой бы его шагъ доказывалъ, что его умнѣе никого нѣтъ на свѣтѣ. Самъ *Плутонъ* долженъ былъ признаться, что *Фурбиній* превеликой Полишикъ, и обѣщаль приказать, списать съ него углемъ портретъ для своей галлерей.

Но чшобъ довести свое предложеніе до совершенства, *Фурбиній* общался судей выучишь шанцовашъ. Это очень нужно, говорилъ онъ, чшобъ секретари знали бумаги, а судьи бы хорошо шанцовали. Въ нашемъ свѣтѣ, продолжалъ онъ, такой судья получаетъ покровительство женщинъ, и дѣлаетъ изъ себя важную особу при дворѣ. Онъ видѣнъ на

всѣхъ балахъ, во всѣхъ маскарадахъ, и во всѣхъ гуляньяхъ; а между тѣмъ гремишь скорыми рѣшеніями своихъ дѣлъ. Публика дивится его проворству и распоропности; всѣ вычисляють время его упражненія и находятъ, что онъ въ сушки не болѣе долженъ спать двухъ часовъ. При дворѣ дѣлають о немъ заключеніе, что это существо произведено цѣлыми вѣками съ тѣмъ, что бы служилъ украшеніемъ двору, дѣлалъ честь опечеству своими сочиненіями, и былъ славнѣйшимъ Министромъ. Всѣ кричатъ: ахъ какъ онъ хорошо танцуетъ! какой онъ умница! какой исправной судья! и какой рѣдкой сочинитель! но опними у сего чуда природы его секретаря и человѣка при ученыхъ, которыхъ труды издаетъ онъ подъ своимъ именемъ; но опнешя при немъ одно танцованье, коимъ приобрѣлъ онъ такую довѣренность.

Чувствуешь ли ты теперь драгоценность сего искусства, сказала

Прозерлина своему мужу, и не согласишься ли самъ, что непременно надобно изъ Елисейскихъ полей вытолкать всѣхъ древнихъ мудрецовъ и героевъ, не умѣющихъ танцовать; а на мѣсто ихъ помѣспишь туда однихъ панцмейсперовъ.... Она бы еще далѣе продолжала, естлибъ не вбѣжали къ нимъ опрометью наши при судьи.

Ваше адское величество, сказалъ *Еакъ* подошедши къ *Плутону*, древность моихъ лѣтъ и долговременность нашей службы не такого достойны награжденія, чшобъ ошдашь насъ на мученіе премъ палачамъ, которые едва насъ вновь не уморили своими дьявольскими лѣкарспвами, шогда; когда мы не чувспвуемъ никакой болѣзни; развѣ смѣюшся надъ нами, что вѣ то время, когда болѣе обыкновеннаго приходитъ сюда тѣней и кучами шѣсняшся на нашей площади; а что всего достойнѣе уваженія, когда сильнѣйшая охоша напала на насъ судишь, шогда мы запершы

въ какой-то негодной карантинѣ и
 содержимся какъ бѣшеные; или выпу-
 стите насъ вонъ изъ ада, или поса-
 дите по прежнему на наши спуля. —
 Я тысячу разъ виновашъ предъ вами,
 любезные друзья, опвѣчалъ *Плутонъ*;
 но мнѣ донесено, что двое изъ васъ
 оглохли, а ты *Миносъ* сошелъ съ
 ума. — „Какъ! я сошелъ съ ума!
 „вскричалъ *Миносъ*, который тогда
 „пускалъ на воздухъ водяные пузырь-
 „ки? Какая ябеда!... О боги! сдѣлай-
 „ше, чтобъ всѣ мои пузырьки по-
 „сѣли на носъ тому, кто называетъ
 „меня безумнымъ. Еслили хошите
 „знать, ваше адское величество, про-
 „должалъ онъ, такъ я никогда такъ
 „уменъ не былъ, какъ нынѣ; въ чемъ
 „свидѣтельствуюсь тѣмъ, что я вы-
 „брилъ бороду, ношу Французскіе
 „кафтаны, и сдѣлался любимъ мно-
 „гими женщинами, которыя прежде
 „перпѣшь меня не могли за мою
 „угрюмость... Пустите, пустите
 „меня на мой спуль; вы увидите,

„какой новой видѣ я дамъ моему суду:
 „всѣ красавицы, которыя прежде
 „подвергались здѣсь штрафу за свои
 „непорядки, и всѣ славнѣйшія *Лайсы*
 „нынѣшняго свѣта будутъ видѣть
 „здѣсь во мнѣ покровителя, и всякая
 „хорошая женщина впредь можетъ
 „откупаться у меня отъ наказанія
 „шѣмъ, чемъ въ открытомъ свѣтѣ
 „у судей часто находятъ онѣ себѣ
 „покровительство; однѣ только упря-
 „мицы будутъ мною жестоко на-
 „казаны. „

Я хочу быть сама сумасшедшая,
 сказала *Прозерлина*, если онѣ со-
 шелъ съ ума; ты самъ согласишься,
 жизнь моя! что онѣ никогда такъ
 умно не суживалъ; я до сихъ поръ
 всегда взираю съ оскорбленіемъ, что
 здѣсь хорошимъ женщинамъ предъ
 дурными никакого не дѣлается опли-
 чія, и что наши судьи имѣли жесто-
 кость, равнодушно съ ними обра-
 щаются; напрошивъ того въ просвѣ-
 щенномъ открытомъ свѣтѣ совсѣмъ

не по. Тамъ прекрасныя женщины избавлены отъ всякой опасности, и часно выигрываютъ самыя прудныя дѣла. Красота послѣ золота для многихъ судей есть второй камень соблазна. . . . А особливо, перехватилъ Ишаліянецъ, тѣ, которыя знаютъ хорошо танцовать, очень сильны въ большомъ свѣтѣ; онѣ не рѣдко судами ворочаютъ для того, что ихъ не только прѣсполудимы, но и чиновные боятся.

Плутонъ со всѣми ихъ доказательствами видѣлъ, что доносъ на судей справедливъ; но уважая жену и ихъ службу, сказалъ, что чрезъ шесть часовъ сдѣлаетъ онѣ рѣшительное опредѣленіе. *Прозерлина* и Ишаліянецъ не мало шаралнсь помочь ему своими совѣтами; но примѣшя, что онѣ не на шушку заняты, ушли всѣ на половину богини, что бы тамъ опкрытъ балъ, къ кошорому и шрое судьи приглашены были; и такъ оставили спокойно разсуждать одного бога тѣней.

Онѣ не долго ломалъ голову, ка-
кимъ образомъ поступить въ семѣ
обстоятельствѣ, и сдѣлалъ такое
дѣло, которое много произвело шуму
въ адѣ. Въ шесть минутъ повелѣ-
ніемъ его поставлены были преогром-
ныя палашы съ надписью: *Чиновная*
богадѣльня, въ которыхъ приказалъ
онѣ поставить стулья для судей,
одѣвъ ихъ какъ куколъ, и накласть
передъ нихъ множество игрушекъ.
Многія шѣни уславлены по всѣмъ
лѣспницамъ, что бы судьямъ кла-
нясь, когда они проходятъ будущъ
къ своимъ стульямъ, гдѣ по прежнему
должны они будущъ судить шѣней;
но съ такою разницею, что бы по ихъ
приговорамъ не дѣлалъ ни одного
рѣшенія; а чтобъ не надѣлали они
какихъ шалостей, то къ сей *бога-*
дѣльнѣ приславленъ надзирашеть съ
предлинною палкою, у которой на
концѣ навязанъ пучокъ крапивы: ею
долженъ онѣ ихъ бить по рукамъ,
если примуща они не за свое дѣло;

Часть II.

19

а что бы ихъ болѣе занять, по велѣно имъ наблюдать прибыль и убыль въ *Стиксѣ*, *Ахеронѣ* и *Кацитѣ*; сочиняшь о томъ ежедневную записку; дѣлашь свои разсужденія и подаваешь голоса, чшобъ удерживаешь въ берегахъ ихъ воды, копорыя и безъ того изъ береговъ никогда не выходили. Имъ расшолковано, что отъ нихъ зависить спасеніе всего ада, и наши бѣдные судьи безпрестанно ломають голову, чшобъ уменьшиваешь прибыль здѣшнихъ рѣкъ, хошя онѣ никогда не грозятъ наводненіемъ. Сіи-шо важныя дѣла занимають нынѣ нашихъ судей, и они наперерывъ спараются подаваешь голоса и дѣлашь примѣчанія. Надзирашель беретъ оныя всегда съ уваженіемъ и относитъ къ *Плутону*, копорый отдаетъ ихъ *Прозерлинѣ* на завивныя бумажки.

П И С Ь М О ХХІІ.

Отъ Сильфа Далновида къ волшебнику Маликульмулку.

Разсуждая, премудрый *Маликульмулкъ*, о многоразличныхъ бѣдствіяхъ удручающихъ родъ человѣческой, нахожу я, что люди во время полько сна, сопровождаемаго пріятными мечпаніями, избавляющся на нѣсколько времени отъ шягосшнаго бремени своихъ злополучій. Я признаюсь однакожь, что сонъ есть подобіе смерти; но сіе случается шолько шогда, когда духъ и шѣло погружены бывающъ вѣ совершенную безчувсшвенность: ештли же человѣкъ видишъ во снѣ пріятныя сновидѣнія, шогда споль же онъ бываетъ благополученъ, какъ и шотъ, кошорый не спитъ.

Положимъ, чтошбъ человѣкъ спалъ двадцать лѣшъ сряду, и чтошбъ безпрешанно снілось ему, что онъ будучи сильнымъ Государемъ, беретъ

множество городовъ, опустошаетъ области, и шоржествуетъ надъ всѣми своими непріятелями; тогда не сколько же бы сей сновидящій Герой былъ счастливъ, какъ и наивеличайшіе въ свѣтѣ Государи? Наслаждаясь мечшашельными своими побѣдами, ощущалъ бы онъ такое же точно удовольствіе, какое чувствовали нѣкогда Юлій Кесарь, Сципіонъ и Генрихъ IV, съ шюю при шомъ разностию, что спокойствіе его не возмущалось бы никогда такими злополучіями, какія случились съ Помпеемъ, Францискомъ I, и Карломъ XII. Сей спящій и грезящій побѣдитель гораздо бы былъ благополучнее многихъ настоящихъ завоевателей.

Бѣдный спящій сочинитель, великія имѣлъ бы преимущества предъ шѣмъ, кошорый не спитъ. Ему снилось бы, что Публика превозноситъ до Небесъ похвалами глупыя его сочиненія, и что *Расинъ*, *Корнелій* и *Деспро* въ ученики къ нему негодятся.

Будучи преисполненъ свойственнымъ всѣмъ Авшорамъ самолюбіемъ, помѣщаетъ онъ себя въ число славнѣйшихъ въ древности мудрецовъ; удивляется обширнымъ своимъ познаніямъ, и восхищается скучными и ничего незначащими произведѣніями своего пера; но проснувшись, вся его слава и до스포инство мгновенно исчезающъ. *Счастливыи сонъ!* вскричалъ бы онъ тогда, *что ты не во всю мою жизнь продолжался? Лестное метаніе! для того ты столь скоро исчезаешь? Не гораздо ли бы было для меня лучше, что бы я вѣчно спалъ, и что бы снились мнѣ безпрестанно такіа хорошіа сновидѣнія?*

Разсмапривая различныа соспоанія челоѳческой жизни, мудрый *Малкульмулькъ*, легко можно примѣшпшь, что нѣтъ ни одного, въ кошоромъ бы сонъ, для соспавленія блаженства оной, былъ не нуженъ. Жребій *Сатурновъ*, коего, какъ тебѣ извѣсно, *Юлитеръ* усыпилъ посредствомъ нѣ-

котораго порошка, кажешся мнѣ гораздо счастливѣе, нежели самаго *Юлитера*. Обладатель Олимпа очень ошибся, что не принялъ самъ сего *Олиума*, тогда не былъ бы онъ принужденъ, для убѣжденія свирѣпыхъ красавицъ, превращаться въ различные виды, какъ сіе съ нимъ не однократно случилось, и не спрашивался бы ревности жены своей *Юноны*. Не должно ли почищать безумцемъ того мужа, который имѣя злую и безпушную жену, не захотѣлъ бы перемѣнить настоящее свое мученіе на пріятныя сновидѣнія?

Какое счастье послѣдовало бы для всѣхъ людей, мудрый *Маликульмулькъ*, еслибы *Юлитеръ* открылъ имъ тайну, какъ составляеть сей усыпляющій порошокъ! Какое бы собралъ богатство тотъ лѣкарь, которой бы нынѣ оный изобрѣлъ; и сколькобы было тогда спящихъ во всемъ свѣтѣ! Рогоносецъ наслаждался бы сладкимъ покоемъ, не помышляя о новомодномъ

своемъ головномъ уборѣ; промотав-
 шійся Пешиметръ, позабылъ бы тогда
 о своихъ заимодавцахъ; устарѣлыя
 дѣвицы, копорымъ незамужство чрез-
 вычайно наскучило, выходили бы во
 снѣ за мужъ за молодыхъ и при-
 гожихъ жениховъ; бѣдный Аббатъ
 превращался бы въ богатаго Прелата;
 Прелатъ въ Кардинала; Кардиналъ
 пользовался бы мечшательнымъ до-
 стоинствомъ Папы; а Папа мыслилъ
 бы о себѣ, что онъ побѣдитель и
 законодатель всего свѣта.

Всѣ Европейцы, или лучше ска-
 зать, всѣ жители земнаго шара спали
 бы безъ просыпу; ибо что можетъ
 быть блаженнее для людей, какъ из-
 бѣгая тѣхъ печалей, копорыя нераз-
 лучно сопряжены съ человѣчествомъ,
 наслаждаться хошя мечшательнымъ
 благополучіемъ.

Въ какомъ бы состояніи человѣкъ
 ни былъ, безпрестанно раждающіяся
 въ немъ новыя желанія лишаютъ его
 спокойствія, и онъ никогда не мо-

жестъ бытъ благополученъ. И пакъ во время полько сна человекъ наслаждается совершеннымъ блаженствомъ. Такова естъ участь смертныхъ; они погда полько могутъ почитать себя счастливыми, когда наслаждаются мечтательными воображеніями. Всѣ ихъ забавы сопряжены съ печалями, даже и въ по самое мгновение, когда исполняются наиприятнѣйшія ихъ желанія, съ удивленіемъ ощущаютъ они въ себѣ безпокойство, страхъ, надежду, и всѣ другія страсти, произтекающія отъ тѣхъ же увеселеній, копорыя почитали они чуждыми всякихъ печалей.

Возмемъ въ примѣръ любовника, копорый по прешерпѣніи множества злоключеній, соединяется наконецъ съ обожаемымъ имъ предметомъ неразрывными узами. Онъ клянется, что не промѣняетъ своего благополучія на обладаніе Престоломъ всего свѣта, и что счастье, копорымъ онъ наслаждается, превосходитъ всѣ его

желанія; но лишь только произносишь онъ сіи великолѣпныя восклицанія, какъ ощущаешь въ себѣ страхъ, дабы не лишишься какимъ случаемъ того, что составляетъ все его блаженство. Слабые смертные! когда всѣ ваши забавы сопровождаются печальми, и когда несчастіе по всюду за вами слѣдуетъ, то чѣмъ бытъ вамъ совершенно благополучными, спите лучше и никогда не пробуждайтесь.

Придворной, пользующійся милостіями своего Государя, какими неисчислимыми шутками и огорченіями долженъ снискивать оныя? Воинъ счастливѣе ли придворнаго? Можно ли почестъ шаковымъ человѣка, которой, для приобретенія ничего не значущихъ почестей, соглашается добровольно бытъ изуродованъ? Купецъ, который не спитъ ни днемъ ни ночью, который для барыша готовъ удавиться, и который при одномъ названіи *банкрута* ошъ ужаса пре-

пещетѣ, можешъ ли когда бытъ спо-
коенѣ? Земледѣлецъ, угнѣщенный шяж-
кимъ бременемъ несносной работы,
доволенѣ ли своимъ состояніемъ? За-
спавимъ лучше всѣхъ сихъ несчаст-
ныхъ спашь, мудрый *Маликульмулькѣ*,
и дадимъ имъ способность грезить
безпрестанно хорошіе сны; тогда-
то развѣ будущѣ они благополучны.
Придворный сброситѣ съ себя, угнѣ-
щающія вольность его, золотыя око-
вы; воинѣ не захочетѣ бытъ извѣ
пусняковѣ изувѣченѣ; купецъ пере-
спанетѣ мыслишь о прибышкѣ; земле-
дѣлецъ избавишя отѣ тяжкой рабо-
ты. Всѣ они будущѣ спокойны, и всѣ
ихѣ шруды, печали и безпокойшва
совершенно уничтожатѣся. Сии люди,
кѣшорые вѣ жизни своей споль были
несчастливы, займутѣся во время сна
прятными сновидѣніями, кошорыя
вѣ грезящемѣ ихѣ воображеніи без-
престанно будущѣ перемѣнятѣся.

Наконецѣ, премудрый *Маликуль-
мулькѣ*, шы долженѣ былѣ примѣшитѣ

при началѣ моего письма, что говоря о выгодахъ сна, упоминалъ я о такомъ, который сопряженъ бываетъ съ пріятными мечпаніями, и который подаешь людямъ нѣкоторое понятіе о томъ спокойствіи, коимъ будучи они наслаждаешься, переселясь въ жилище *Сильфовъ*; естли же сонъ повергаешь ихъ въ совершенную безчувствственность, или представляешь имъ спрашныя и непріятныя сновидѣнія, тогда ничѣмъ онъ не разнишся отъ настоящей бѣдствіями наполненной человѣческой жизни. Я ушверждаю только то, что гораздо выгоднѣе для людей спать и видѣть всегда хорошіе сны, нежели наслаждаешься всѣми увеселеніями, сопряженными съ состояніемъ неспящихъ людей, для того, что сіи ихъ увеселенія смущаемы бываютъ множествомъ злоключеній и страхомъ, чтобъ по какому либо случаю не лишиться оныхъ.

*

П И С Ь М О ХХІІІ.

*Отъ Гнома Зора къ волшебнику
Маликульмулку.*

Свадьба моего дорогаго *Припрыж-кина* кончилась; онъ опдѣлился отъ своего опца, сдѣлался самовластнымъ господиномъ шестидесяти тысячъ рублей дохода, и носитъ имя мужа, первой во всемъ городѣ красавицы. Счастливое состояніе! скажетъ ктонибудь, имѣешь богатство и прекрасную жену. Я и самъ признаюсь, что трудно удержаться, чтобъ эшого не подумать, видя сію молодую чешу; но ты увидишь, любезный *Маликульмулкъ*, можно ли эшо сказать, зная ихъ жизнь.

Свадьба сія продолжалась съ такимъ же великолѣпиемъ, съ какимъ началась. Какъ имя невѣсты и жениха всегда имѣетъ нѣчто привлекательное, и они болѣе другихъ обращаютъ на себя взоры людей, шо молодая

Неотказа ничего не упустила въ нарядахъ и ужимкахъ, чшобъ могло пльнишь свидѣтелей ея свадьбы; равнымъ образомъ и *Прилрыжкинъ* не менѣе спарался о женщинахъ, и они оба споль были заняшы наукою нравиться, чшо имъ едва оставалось время взглянуть другъ на друга. Совсѣмъ шбмъ казалось, чшо они чрезмѣрно восхищены своимъ счастиемъ, и ничего болѣе не желаютъ, какъ шой минушы, кошорая кончишь ихъ свадьбу. Минуша подлинно блаженная! ешьли невѣсша и женихъ въ первый еще разъ оную чувствуюшь, и ею начинается новый человѣческій вѣкъ; но въ нынѣшнемъ свѣтѣ и въ здѣшной землѣ, любезный *Маликульмулкъ*, рѣдкимъ дѣвушкамъ бракъ кажешся новостію: онъ по большей части шакія Философки, чшо во всемъ находятъ скучное повшореніе; и ешьли бываешь нѣкоторымъ изъ нихъ мило супружество, шо конечно не новостію, а развѣ свободою, кошорую оно съ собою приносишь.

Между шѣмъ, какъ всѣ гости упопали въ веселостяхъ, музыка гремяла, вины заставляли многихъ шашаться около буфетовъ; а другіе помогали своею непорядочною скачкою разспроивать веселые танцы молодыхъ госпожь и господчиковъ; и между шѣмъ, когда казалось, что всякой принималъ участіе въ благополучіи новобрачныхъ, хотя у многихъ каршы и вино выбили изъ памяти и жениха и невѣсту, я примѣшилъ, что она ушла въ свою комнату съ одною изъ молодыхъ своихъ знакомокъ.

Желая узнать невѣстино мнѣніе о семъ супружествѣ, и заключаая, что въ такихъ уединенныхъ разговорахъ не можетъ быть ничего пуспаго, скрылся я изъ гостиной комнаты, и сдѣлавшись невидимымъ вошелъ въ уборную молодой *Неотказы*. Я засталъ ее съ пою же незнакомкою, съ кою она ушла отъ гостей, и онѣ обѣ хохотали, какъ безумныя. Признанья, любезная *Безстыда*, говорила

своей, подругѣ *Неотказа*, что изъ всѣхъ мужчинъ прудно сыскашь глупѣ моего жениха; вообрази себѣ, какое счастье, имѣшь мужемъ шакого фалю, копорого вѣ день можно по спу разв обманывашь. Признаюсь, отвѣчала *Безстыда*, что я завидую швоему счастью; а мнѣ шакъ сватающѣ какого-шо урода, копорого я шерпѣшь не могу; одно шолько шо, что онѣ уменѣ, дѣлаешѣ мнѣ его несноснымѣ. Подумай, жизнь моя! сносенѣ ли шакой мужѣ женщинѣ нынѣшняго свѣша: я умру сѣ досады, ешьяли бапюшка и мапушка не перемѣнятѣ своего слова. — Да, я совѣшую шебѣ, какѣ можно ошвязашься ошѣ шакого женишка, сказала *Неотказа*; я не одинѣ разв слышала мнѣнѣе о замужствѣ моей мапушки, (шы вѣдѣ знаешѣ, что спарушка моя не дура) она говорѣшь, что ешьяли мужѣ и жена умны, шо вѣ домѣ никогда не бывашѣ доброму согласію, для шого, что никто изѣ нихѣ слѣпымѣ бышѣ не захочешѣ;

а когда оба они глупы, то должно ожидать скорого разоренія ихъ дому; но что бы составлялъ счастливый семейства, надобно неосмѣнно, или дурака женишь на умницѣ, или умному брать дуру: тогда-то одна половина можешь веселиться, а другая, разиня ротъ, будетъ ожидать повелѣній, или довольствоваться мнимою властію, между тѣмъ, какъ ее за носъ водятъ... И такъ, по сему правилу, любезная *Безстыда*, безъ хвастовства сказать, ты видишь, что намъ съ побою умные мужья не подѣ парю. — Сему-то правилу и я бы желала слѣдовать, сказала *Безстыда*; но къ несчастію мои шарикі совсѣмъ не такого мѣнія о супружествѣ, какъ своя мадушка, и я думаю, что они бы меня давно уморили своею сирогостию, естлибъ добрая моя *мадамъ* не помогала мнѣ ихъ обманывать сколько, сколько мнѣ угодно, и я признаюсь, продолжала она, что съ тѣхъ поръ, какъ *Французы* взяли

подъ свое покровительство наше юношество, оно чувствуешь не малое облегчение въ скучной неволѣ, и всякая наша дѣвушка подѣ присмотромъ искусной *Француженки* въ пятнадцать лѣтъ становится хитрѣ своей машушки, съ шюю припомъ разницею, что насмѣхаясь всѣмъ скучнымъ предразсужденіямъ своихъ бабушекъ, не заминается она совѣсно на всякомъ шагу своихъ тайныхъ приключеній. Я сама будучи пошановлена на такой ногѣ моею надзирашельницею, съ шерпѣливостію сносила скучные годы моего дѣвичества; но съ шого времени, какъ она отъ насъ отошла, почувствовала я всю строгость родительскаго присмотра, и съ великою нешерпѣливостію жду какого бы то ни было жениха, надѣясь, что супружество, по крайней мѣрѣ облегчитъ мою неволю. — Не думаешь ли ты, перехватила *Неотказа*, что мнѣ болѣе швоего оказываешь пошворства? О какъ же ты мало знаешь мою

мапушку! Я думаю, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ спроче этой хрычовки; вообрази себѣ, что она въ день не отпускала меня отъ себя болѣе, какъ на два часа: и то только тогда, когда уходила сама въ особую комнату съ молодымъ *Лицемѣровымъ* чипать молищвы. Признаться надобно, что я не перяла изъ сихъ двухъ часовъ ни одного безъ удовольствія; но всебѣмъ тѣмъ пайныя веселія мнѣ уже наскучили, и ты не повѣришь, жизнь моя! какую надобно всегда имѣть осторожность отъ матери; дочери гораздо легче обмануть самаго строгого отца, нежели мать, которая сама проходила всю школу свѣта, и помня старину, знаетъ, какія хитрости употребляются для обмановъ. Ежелижъ она не препятствуетъ своей дочери въ нѣкоторыхъ забавахъ, то это конечно не отъ того, чтобъ не знала къ тому способовъ; но или лѣнитъ, или не имѣетъ времени, протверживая очень часто

сама веселые зады любовной азбуки. — Ха ха ха! какъ шы злорѣчива, говорила со смѣхомъ *Безстыда*, шы не щадишь и своей машушки. — Вотъ какое дурачество! щадишь машь! опѣвчала *Неотказа*, эшѣ спарушки думаютъ, что онѣ полько однѣ могутъ пользоваться всѣми веселостями и выгодами нашего пола, а дочери ихѣ рождены сидѣть въ конуркахъ, постышься вмѣсто ихѣ и молишь за ихѣ грѣхи. О! нѣшѣ, я всегда вела себя на шакой ногѣ, что мнѣ не полько за чужія, но и за свои согрѣшенія умаливать очень мало оставалось времени; да и впередъ съ такимъ болванчикомъ, каковъ мой будущій мужъ, не надѣюсь я много минутъ имѣть для набожности. Глупой мужъ, любезная *Безстыда*! въ нынѣшнемъ свѣтѣ для набожной женщины служишь не малымъ поводомъ къ соблазну. Надобно бышь слѣпою, естли не разсмотрѣшь, что мой *Прилрыжкинѣ* глупѣ всѣхъ своихъ знакомыхъ;

чшожь касаеться до его лица, то
 каковъ бы хорошъ женихъ невѣснѣ
 ни казался; но недѣлю спустя послѣ
 свадьбы, навѣрное всякой мущина въ
 глазахъ ея будешъ казаться пріятнѣ
 мужа. Трудно не видѣшь, что всѣ
 мущины не для чего иного ищущъ
 дружества мужа, какъ желая поко-
 роче свести знакомство съ женою;
 они дѣлающъ ей тысячу услугъ, ко-
 торыя принимаетъ онъ за знакъ ува-
 женія къ нему; они за нею машущъ,
 а онъ тѣмъ гордится; они почти при-
 немъ открываютъ ей свою спрассъ,
 а онъ, почиая ея вторю *Лукрецію*,
 восхищаеть ихъ неудачею и ея мни-
 мою вѣрносшію. Надѣясь на ея сердце,
 онъ спокойно ея оставяетъ; и
 дѣлаетъ ей многія измѣны; почиая
 однѣхъ только женщинъ обязанными
 къ постоянству; однимъ словомъ:
 онъ во всемъ ей вѣритъ, почиаетъ
 ея слѣпою въ разсужденіи своихъ по-
 ступокъ, и допускаетъ своихъ дру-
 зей спарашься развращать ея въ ея

жнимой непоколебимости. Надобно, говорю я, жизнь моя! не имѣшь глазъ, чшобъ не видашь всего эшого, и надобно имѣшь каменное сердце, чшо бы симъ не пользоваться. Да полно я на себя не буду пѣняшь въ семъ случаѣ; я уже давно расположилась, какимъ образомъ жить въ свѣтѣ, и мнѣ нуженъ былъ шолько шакой проспичокъ, кошорой бы назывался моимъ мужемъ и ошнюдь не вмѣшивался бы въ мои дѣла. Судьба услышала мою молитву, и любезной мой *Припрыжкинъ*, право, кажется, можешъ бышь мужемъ всякой умной женщины. Изо всѣхъ его поступковъ ни одинъ не показываетъ въ немъ умнаго чело-вѣка. Кажешся, онъ болѣе занятъ своими прыжками, нежели мною и нашею свадьбою; а эшо мнѣ подаетъ добрую надежду, чшо онъ чаще будетъ сморѣшь за своею карешою, нежели за своею женою. — Послѣ сего продолжали онъ сѣязвительнѣйшими ругательствами и насмѣшками описывать

всякую черту бѣднаго *Прилрыжкина*. Молодая *Неотказа* выдумывала планы своему хозяйству; назначала изъ мужнинаго гусара, малаго рослаго и довольно пригожаго, сдѣлашь главнаго правителя домашнихъ своихъ дѣлъ, а изъ мужа дворецкаго; и я имѣлъ причину думать, что бѣдному *Прилрыжину* не только не удастся съ шанцовщицею подѣлиться жениными доходами: но едваль и своими собственными всѣми пользовашься ему позволяшь.

Онѣ бы еще долѣе продолжали свои разсужденія, есшьли бы не вскочилъ въ комнату молодой господчикъ, одного покроя съ Г. *Прилрыжкинымъ*: шупей его наполнилъ новымъ благоуханіемъ всю комнату, блестяція пуговицы умножили въ ней свѣтъ, и казалось, что сама *Арахна* трудилась надъ его мажетами. Жестокая! сказалъ онѣ *Неотказѣ*, пакъ шы мнѣ измѣняешь и мой *Риваль* предпочтенъ мнѣ, въ то время, когда я уже со-

всѣмъ рѣзорился на щегольство, единственно для того, чтобы себя нравился. — Перестань дурачиться, любезный *Промотъ!* сказала *Неотказа*; ты подынешь въ моей головѣ *галоры* своими восклицаніями. . . . — Ты право самъ не знаешь своихъ выгодъ, когда жалбешь о томъ, что я выхожу за *Прилрыжкина*. — Нѣтъ невѣрная, опвѣчалъ съ досадою ея любовникъ, мнѣ уже не жаль себя; но жаль своихъ прехъ тысячъ душъ крестьянъ, которыя *проделансировалъ* я на то, чтобы себя угождашь, надѣясь загладишь нѣкогда сей убытокъ своимъ приданымъ. Познай безчеловѣчная! продолжалъ онъ съ трагическимъ восклицаніемъ, показывая ей правую руку усѣянную перстнями; познай, что на этихъ пальцахъ сидитъ мое село *Остатково*; на ногахъ ношу я двѣ деревни *Безжитову* и *Грабленую*; въ этихъ дорогахъ часахъ ты видишь любимое мое село *Частодававо*; кареша моя и четверня лошадей напо-

минають мнѣ прекрасную мою мызу *Пустышку*; словомъ: я не могу теперь взглянуть ни на одинъ мой кафтанъ и ни на одну мою ливрею, которыя бы не приводили мнѣ на память заложенаго села, или деревни, или нѣсколькихъ душъ, проданныхъ въ рекрупы, дворовыхъ. А всему этому ты причиною, и ты за всю мою любовь плашишь мнѣ невѣрностію; но какую еще невѣрностію, жестокая! я бы тебѣ позволилъ тысячу разъ мнѣ измѣнять, но только бы не выходилъ за другаго. — Ахъ! какъ же ты скученъ, ошвѣчала *Неотказа*, ты пришелъ меня уморить своими выговорами. (Замѣть любезный *Маликуль-фулькъ*, что подруга ея давно уже вышла). Скажи пожалуй, какія находишь ты выгоды въ нашемъ супружествѣ? Подумай, можно ли мнѣ однимъ моимъ приданымъ содержать пышно и себя и мужа; не гораздо ли лучше, естли я награжу швой убытокъ изъ *Прилрыжкинаго* имѣнія. Ты

дурачишься, жизнь моя! ешьли не хочешь пользовацца его доходами, имѣя сполько разума, что можешь не съ однимъ мужемъ дѣлишься. Оспавъ пожалуй свой шомной видѣ, и подумай лучше, какъ бы поскорѣй послѣ нашей свадьбы познакомишься съ моимъ мужемъ; онѣ право человекѣ неопасной, и мы можемъ съ шобою такъ же бышь счасшлывы, какъ были прежде; бѣда шодько вся вѣ шомѣ, что я не буду швоею женою: но это не такъ-шо жалко: вѣдѣ жена не всякая приносишѣ съ собою чины мужу, а мнѣ мужѣ мой приносишѣ вѣрную выгоду называешь Графинею. — И такъ, ты мнѣ не измѣняешь! вскричалъ съ радосшю *Промотѣ*, ты меня любишь! Когда такъ, шо пожалуй выходи за *Прилрыжкина*; послѣ этого объявленія никакой мужѣ мнѣ не спрашенѣ. . . . Любезная *Неотказа*! шеперь я познаю, что ты рѣдкая женщина вѣ постоянствѣ. — Конечно, ошвѣчала *Неотказа*, будь увѣренѣ, жизнь моя!

Часть II.

14

Что мужа я всегда имѣшь намѣрена; но пошѣ, кто мнѣ милѣ, никогда не будешь моимъ мужемъ. Еслилибѣ я и овдовѣла, по ты не прежде можешь назвать меня невѣрною, какѣ развѣ тогда, когда предложу я тебѣ мою руку; это будешь ясный знакѣ, что мнѣ уже не ты, но одно швое имя нужно. Послѣ сего увѣренія она доказывала всѣми способами къ нему свою любовь, и старалась, какѣ могла, его утѣшить.

Бѣдные мущины! думалѣ я самѣ въ себѣ, вошѣ ша власть, которая по вашему мнѣнію дана вамѣ природою надѣ женщинами, и вошѣ вѣрность, которую вы имѣете право отѣ нихѣ требовать! Продолжайте думать, что женщины не для чего иного выходятѣ за васѣ за мужѣ, какѣ для того, что вами спрасшны, и желаютѣ спокойствія подѣ вашими законами. Продолжайте думать, что имѣ необходимо надобны мужья, чтобѣ предводительствовать ихѣ слабымѣ

умомъ и упущать въ нихъ худыя склонности; и что онъ въ васъ ищущъ пріятныхъ друзей, нѣжныхъ опцовъ и вѣрныхъ любовниковъ. Продолжайте наслаждаться столь лестною мечшою, а между тѣмъ рабствуйте имъ, ни мало непримѣчая своихъ оковъ. Думайте, что вы ихъ господа, и будьте ихъ игрушкою. Говорите, что ихъ жизнь и счастье отъ васъ зависятъ, но въ то же самое время просите отъ нихъ робкимъ взоромъ своего счастья, а иногда и самой жизни. Не показываетъ ли вамъ сей примѣръ, что онъ не для чего инаго ищущъ носить ваши имена, какъ желая употреблять оное во зло, чшобъ избавишься отъ строгости родителей, которые сами часто думаютъ, что исполнили со всею святошцію свой долгъ, естли дочь ихъ до замужства была честною дѣвушкою, и никогда незабохшяся о томъ, чшобъ была она честною женою; а молодыя женщины сдѣлавшись свободными, послѣдуютъ

вѣ вѣрности примѣру своихъ мужей, которые едва не первые ли бывающѣ развращателями ихъ добродѣтели, и и я не знаю по чему мужчины не почищаютъ себя столько же .обязанными вѣ вѣрности, сколько пребывающѣ того отъ женщинѣ. Кажется, всякой мужъ своими поступками говоритъ своей женѣ: „Ты не столько пылкаго сложения, какъ я; твой разумъ основательнѣе моего; ты не такъ легко-вѣрна и скоро; сердце твое не такъ нѣжно, и чувствва твои не столько склонны къ ушѣхамъ; а для того-то ты должна подавашь мнѣ примѣръ вѣ вѣрности и извинять тысячу измѣнѣ, которыхъ я тебѣ дѣлаю, слабостію и легкомысліемъ моего пола, и приписывашь то свойственной всякому мужинѣ вѣшренности,“. Вошѣ, что думаютъ и говорятъ мужчины; но едва ли не женщины имѣющѣ право это сказать.

Я еще продолжалъ мои сужденія, какъ вдругъ вошла вѣ комнату

мать *Неотказы*, и очень была не довольна гостемъ, котораго застала у своей дочери. Онъ не замедлилъ выпши и оставилъ бѣдную *Неотказу* съ своею маперью. Я опасался, чѣмъ не послѣдовало какого жалостнаго явленія; но дѣло все прошло очень тихо. *Горбура* только побранила свою дочь и дала ей свои маперніе совѣшы въ разсужденіи ея поведенія.

Не стыдно ли тебѣ, говорила она ей, что въ свои лѣта ты такъ глупа какъ ребенокъ, и на канунъ своей свадьбы дѣлаешь такія дурачества, которыя могутъ и тебя и мать твою ввести въ великіе хлопоты? Такое ли давала я тебѣ наставленіе? Не говорила ли я тебѣ, что ты до замужства должна быть Ангеломъ, а послѣ того будь хоть дьяволомъ, если захочешь; тогда уже ничто тебѣ не грозитъ вѣкъ засидѣшься въ дѣвкахъ; къ счастью, что твой женихъ теперь танцуя давно позабылъ о тебѣ, что ты ушла изъ комнаты; ну, еслили

бы онъ примѣшя это вздумалъ подо-
 зрѣвать, пошелъ бы сюда за побою
 и нашелъ бы себя съ поварищемъ,
 кошорой и лучшему мужу можетъ по-
 дать подозрѣніе; посуди, чтобъ изъ
 этаго вышло? Ты была бы оставлена;
 свадьба бы ваша разорвалась, и намъ
 всѣмъ нанесло бы это стыдъ и без-
 честіе. Любезная *Неотказушка!* я
 люблю тебя; но воля швоя, до замуж-
 ства не дамъ тебѣ шалишь. Покуда
 ты въ дѣвкахъ, шо я за тебя опшѣ-
 чаю; вышедши за мужъ, дѣлай себѣ
 что хочешь, тогда уже никшо меня
 не можешь упрекнуть въ швоемъ по-
 веденіи, и каково бы оно ни было,
 мущины всѣ тебя извиняшъ, а изъ
 женщинъ однѣ шолько швой сопер-
 ницы поносишъ тебя шанушъ. Мы
 сами бывали молоды; но въ старину
 всегда болѣе расчесу держались:
 тогда дѣвушку до ея замужства рѣд-
 кіе видали, и всякая изъ нихъ не вы-
 ѣзжала изъ двора иначе, какъ развѣ
 показашъ свою набожность. Въ про-

чемъ мы сиживали дома по десяти мѣсяцовъ, въ копорые и Богъ знаетъ что съ нами дѣлывалось; однакожь совсѣмъ шѣмъ ко всякой избъ насъ свашывалось множество жениховъ: сполько-то мы казались добродѣтельными; а въ нынѣшнемъ свѣтѣ, шакъ право и самая честная женщина кажешся подозрительною. Я было тебя совсѣмъ по старинѣ воспишывала, и радовалась, что слышала о тебѣ многія похвалы, копорыя не давала тебѣ опровергать швоею вѣпренностію: и хощя ты, можешъ бышь, не всегда была ихъ достойна; но самолюбіе мое извиняя слабость нашего пола, довольствовалось и шѣмъ, что публика была о тебѣ хорошаго мнѣнія, копорое чуть было ты нынѣ не испрѣбила своею неосшорожностію. Воздержись, любезная *Неотказа!* тебѣ еще восемнадцать лѣтъ; подумай хорошенько, что ты завтра будешъ самовлашною госпожею, и можешъ наградишь шѣ скучные семь лѣтъ,

въ которые можешъ бытъ чувствительнаго тебѣ было мое надзираніе, тридцатью годами и болѣе веселой жизни. *Неотказа*, поблагодаря, свою добринькую машушку за такіе спасительные совѣты, обѣщала ей вѣчно бытъ добродѣтельною, и обѣщала по сѣ такимъ жаромъ, который и меня увѣрилъ, что она двадцать восемь часовъ не перемѣнитъ своего слова. Послѣ сего онѣ вышли изъ комнаты къ гостямъ, которые едва примѣтили ихъ приходъ, равно какъ и выходъ.

Лишь только окончились свадебные обряды, какъ *Неотказа* воспитанная въ экономіи, вздумала принять въ свое правленіе домъ. *Припрыжкинъ* почитая въ ней простую женщину, которая займетъ у него мѣсто ключницы, былъ ей радъ, какъ кладу; но она какъ, какъ исправный казначей, умѣла пользоваться своимъ мѣстомъ, и я увидѣлъ, что онъ очень ошибся въ двадцати тысячахъ, которые обѣщавъ

шанцовщицѣ. Изъ экономіи, всякая испраченная имѣ полушка исправно ставишя на счетѣ, и бѣдный *Прилрыжкинѣ* очень дурно получаетѣ свои доходы; *Неотказа* ласковыми своими съ нимѣ поступками и своимѣ прошивѣ его припворсшвомѣ довела его до того, что онѣ ей не смѣетѣ и заикнушя о большихѣ деньгахѣ, и не рѣдко очень негодуешѣ на ея экономію, между шѣмѣ, какѣ она не шолько свои, но и его доходы дѣлитѣ по поламѣ съ *Промотомѣ*, кошорой вкрался къ *Прилрыжкину* въ совершенную дружбу.

Ну, любезный другѣ! сказалѣ я ему недавно, доволенѣ ли ты шеперь своею женидьбою? — Нѣшѣ, чортѣ меня возьми, отпѣчалѣ *Прилрыжкинѣ*; я ни мало ею не доволенѣ; я думалѣ получишѣ въ женѣ молодую женщину нынѣшняго свѣша, кошорая бы съ удовольспвіемѣ мнѣ помогала проживашѣ имѣніе; но судьба наказала меня

Часшѣ II.

15

самую скучною половиною. Моя жена воспитана въ предразсужденіи женщинъ; она за грѣхъ спавитъ издержашъ лишнюю копѣйку; по ея мнѣнію, самое святое дѣло есть то, чтобы избѣгать роскоши, быть вѣрною и усердною къ своему мужу, и беречь, чтобы и онъ ей былъ вѣренъ; а это заставляетъ ее часто удерживать меня дома; ибо съ красотою моею, какъ она говоритъ, въ нынѣшнее время очень опасно показываться въ обществѣ, когда женщины ищутъ всѣхъ способовъ соблазнять мужчинъ: и такъ, въ ея угодность я не рѣдко прѣсидиваю по цѣлому дню дома, между шѣмъ, какъ она обѣзжаетъ *богадѣльни* и больныхъ своихъ знакомыхъ; часто усердіе доводитъ ее до такого восторга, что она приѣзжаетъ домой вся въ поту и съ помучившимися глазами; я право боюсь, чтобы подлѣ ее и я не сдѣлался набожнымъ. Въ прочемъ я ея доволенъ, и по крайней мѣрѣ надѣюсь, что мой лобъ

избавленъ отъ общей участи почти всѣхъ мужей нынѣшняго вѣка.

Вотъ что говоритъ *Прилрыж-кинъ* о своей женѣ, любезный *Маликульмулкъ*; но ты можешь опгадаться, вѣрю ли я его словамъ и набожности его любезной супруги.

П И С Ь М О ХХІV.

Отъ Силфа Далбновида къ волшебнику Маликульмулку.

Примѣчено мною, почтенный *Маликульмулкъ*, что въ гражданскомъ обществѣ всего легче дается людямъ такое названіе, которое очень не многіе изъ нихъ заслуживаютъ, и которое должно бы быть больше уважаемо, ежели бы люди поприлѣжибѣ размышляли о потребныхъ для сего названія достоинствахъ. Люди всего чаще говорятъ: *вотъ гестной теловѣкъ*, а всего рѣже можно

*

найти въ нынѣшнемъ свѣтѣ шакого, кошорый бы соотвѣщствовалъ сему названію.

Великая разность между *тестнымъ теловѣкомъ*, почипающимъ шаковымъ отъ Философовъ, и между *тестнымъ теловѣкомъ*, шакъ называемымъ въ обществѣ. Первый есть человекъ мудрый, кошорый всегда спарается бышь добродѣтельнымъ, и чеспными своими поступками отъ всѣхъ заслуживаетъ почтеніе; а другой, не что иное, какъ хипрый обманщикъ, кошорый подъ припворною наружноспію скрываетъ въ себѣ множество пороковъ, или человекъ совѣмъ нечувствительный и безпечный, кошорый хоша не дѣлаетъ никому зла; однакожь и о благодѣніи никакого не имѣетъ попеченія. Я въ томъ согласенъ, почпенный *Маликульмулькъ*, что приличнѣ называть *тестнымъ теловѣкомъ* шого, кошорый содержитъ себя въ равновѣсіи между добромъ и зломъ, нежели шого,

который явно предаётся всѣмъ порокамъ; но онаго еще не довольно, для полученія сего названія, чпобъ не дѣлалъ никому зла и не обезславилъ себя безчестными поступками: а истинно *тестному теловѣку* надлежитъ бытъ полезнымъ обществу во всѣхъ мѣстахъ и во всякомъ случаѣ, когда только онъ въ состояніи оказашъ людямъ какое благодѣяніе.

Ежели разсмотрѣшь прилѣжнѣе, мудрый *Маликульмулькѣ*, различныя состоянія людей, и войши въ подробное изслѣдованіе всѣхъ человѣческихъ слабостей и пороковъ, которыми люди нынѣшняго вѣка часто себя поработщуютъ, и кои причиняютъ великій вредъ общественной ихъ пользѣ, то можно увидѣть очень многихъ, которыми щедро дается названіе *тестнаго теловѣка*, а они нимало того не заслуживаютъ.

Придворный, который гнуснымъ своимъ ласкашельствомъ угождаетъ

спрасямъ своего Государя, кошорый не внемля спенанію народа, безъ всякой жалосши оставляешъ его прешерпбвать жесточайшую бѣдность, и кошорый не дерзаетъ представити Государю о ихъ жалосшномъ состояніи, спрашася приши за то въ немилосшь, можешъ ли назвашься *тестнымъ теловѣкомъ*? Хошя бы не имѣлъ онъ ни малаго участія въ слабосняхъ своего Государя, хошя бы не подавалъ ему никакихъ злыхъ совѣшовъ, и хошя бы по наружности былъ шихъ, скромнъ и ко всѣмъ учивъ и снзходателенъ: но по шаковымъ хорошимъ качествамъ онъ представляешъ въ себѣ *тестнаго теловѣка* только въ обществѣ, а не въ глазахъ мудрыхъ Философовъ; ибо по ихъ мнѣнію не довольно шого, чшобъ не участвовать въ порокахъ Государя; но надлежитъ къ благосостоянію народа изыскивать всевозможные способы, и спарашься прекращать всякое зло, причиняющее вредъ опечеству, хошя

бы чрезъ то долженъ онъ былъ лишиться милостей своего Государя и бытъ навсегда отъ лица его отверженнымъ.

Богачъ, кошорый неусыпными спараніями, съ изнуреніемъ своего здоровья, собралъ неисчисное богатство и наполнилъ сундуки свои деньгами, не подавая бѣднымъ нимадой помощи, хотя всѣ сіи сокровища приобрѣлъ позволенными способами; однакожь *тестнымъ теловѣкомъ* назвашься можешъ шолько въ обществѣ, въ глазахъ же Философа почитается онъ скупцомъ и скрягою, ни малаго почшенія честныхъ людей недоспойнымъ.

Мощъ, кошорый распочаенъ своимѣніе съ такою же прилѣжностію, съ какою скупой спараеться его сохранять; кошорый шо употребляетъ на роскошь, что долженъ бы былъ употреблять на вспоможеніе несчастнымъ; кошорый живетъ въ изобиліи, не чувствуя ни малаго состраданія

къ бѣдности многихъ отъ голода спраждующихъ, коимъ могъ бы онъ сдѣлать не малую помощь. Такой безумный распочитель ежели на роскошь свою употребляетъ только свои доходы и не имѣетъ на себѣ долговъ, въ обществѣ называется *тестнымъ теловѣкомъ*; но Философы такимъ его не почитаютъ: а онъ въ глазахъ ихъ хуже дикихъ варваровъ, которые и о скотахъ болѣе имѣютъ соблазна, нежели онъ о подобныхъ себѣ челоѣкахъ. Надменный Вельможа, думающій о себѣ, что знающее его рожденіе дало ему право презирать всѣхъ людей, и что будучи Сіятельнымъ и Превосходительнымъ, не обязанъ онъ оказывать никому ни малаго уваженія и благосклонности, естли плащитъ хорошо своимъ заимодавцамъ, естли не поступаетъ мучительски съ своими подчиненными, а только ихъ презираетъ, и естли при исполненіи возложенной на него должности не приѣсняетъ

народъ правленію его ввѣренный, то въ обществѣ называется *тестнымъ теловѣкомъ*; но Философы почитаютъ его такимъ, которъ поступками своими оскорбляетъ челоѣчество; которъ будучи надутъ гордостію позабываетъ и самамалѣйшія добродѣтели; не познаетъ самаго себя, и его безумное тщеславіе столь же порочно и предосудительно, какъ звѣрская люпость дикаго Американца. Многіе разумные люди ушверждаютъ, что гораздо сноснѣ бытъ умерщвлену, нежели презираему; ибо смерть оканчиваетъ всѣ мученія, а къ презрѣнію никогда привыкнутъ не возможно, и чувствуемое ошъ онаго мучительное оскорбленіе часъ ошъ часу непрестанно умножается. Чемъ болѣе кто питаетъ въ себѣ благородныхъ чувствъ, тѣмъ сносимое ошъ другихъ презрѣніе бываетъ для него мучительнѣе. И такъ, сего высокоумнаго и гордаго Вельможу должно почитать чудовищемъ, копо-

раго Небо произвело на свѣтѣ для испытанія добродѣтели и крошкой периблivosи простыхъ людей ему подчиненныхъ.

Въ обществѣ такъ же называется *тестнымъ словѣкомъ* тотъ Судья, который не уважая ни чьихъ прозьбъ дѣлаетъ скорое рѣшеніе дѣламъ, не входя нимаго въ подробное ихъ разсмотрѣніе; но Философы не думаяшъ, чтобъ одинаго шокмо спаранія о скорѣйшемъ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ было довольно для названія Судьи *тестнымъ словѣкомъ*; а по ихъ мнѣнію надлежитъ, чтобъ онъ имѣлъ званіе и способнось, нужныя для исполненія его должности. Судья хотя бы былъ праводушенъ и безпристрастенъ, но производя судебныхъ дѣлъ совѣмъ не знающій, въ глазахъ философа тогда только можетъ почестъся *тестнымъ словѣкомъ*, когда безпристрастіе его заславивъ его почувствовать, сколько онъ долженъ опасаться всякаго обмана, чтобъ по не-

знанію не сдѣлашь неправеднаго рѣшенія, и побудивъ его отказатьсь отъ своей должности. Ежели бы всѣ Судьи захотѣли заслужить истинное названіе *тестнаго теловѣка*, то сколько бы присудственныхъ мѣстъ оставалось порожними! и ежли бы для занятія сихъ мѣстъ допускались только люди совершенно достойные, то число искапелей гораздо бы уменьшилось.

Чтобъ быть совершенно достойнымъ названія *тестнаго теловѣка*, и чтобъ заслужить истинныя похвалы, потребно сохраняшь всѣ добродѣтели. И самый низкій хлѣбопашецъ, исполняющій рачительно должности своего состоянія, болѣе заслуживаетъ быть названъ *тестнымъ теловѣкомъ*, нежели гордый Вельможа и несмысленный Судья. Тотъ, кого называютъ *тестнымъ теловѣкомъ*, долженъ не только стараться дѣлать добро; но и при дѣланіи онаго приемлетъ надежнѣйшія мѣры; онъ прилѣжно себя

испышываетъ, перебняетъ свои поступки, ежели хопя немного что примѣшитъ въ нихъ предосудительнаго; и слагаетъ съ себя всѣ знашныя и важныя должности, сколькобъ ни были онѣ для него драгоценны, какъ скоро примѣшитъ, что онѣ не имѣютъ въ себѣ потребныхъ къ тому способностей, и не можетъ возложенныхъ на него должностей исполнять съ пользою.

И такъ, видя сколь не многіе люди заслуживаютъ истинное названіе *тестнаго теловѣка*, надлежитъ не только удивляться, но и соболѣзновать о всемъ родѣ человѣческомъ, который по природѣ поработченъ споль великимъ слабостямъ. Люди должны бы стыдиться бѣдшвеннаго своего сосоянія, что въ свѣтѣ между ними споль мало находится истинно добродѣтельныхъ, и достойныхъ заслужить отъ *Философовъ* названіе *тестныхъ людей*. По справедливости надлежитъ сказать, поч-

пенный *Маликульмулкъ*, что гораздо болѣе шаковыхъ можно найсти въ просщыхъ людяхъ, не прилѣпленныхъ ни къ придворной, ни къ спашской, ни къ военной службамъ; ибо будучи обременены немногими должностями, гораздо менѣе имѣютъ они запрудненія учиниться истинно *тестными людьми*. Сколько благополученъ шотъ, кшо, подобно шебѣ почтенный *Маликульмулкъ*, зашворясь въ своемъ кабинетѣ бесѣдуетъ съ искренними своими друзьями, коихъ у него весьма мало; живеть доволенъ своею участью, и не завидуетъ знашнымъ чинамъ, кои рѣдко бывають сопряжены съ истиннымъ достоинствомъ, и въ коихъ почти не возможно совершенно исполнять всѣхъ нужныхъ добродѣтелей, пошому что въ знашныхъ чинахъ пребуется оныхъ великое множество.

Конецъ вшорой часши.

